

ISSN 0130-3500

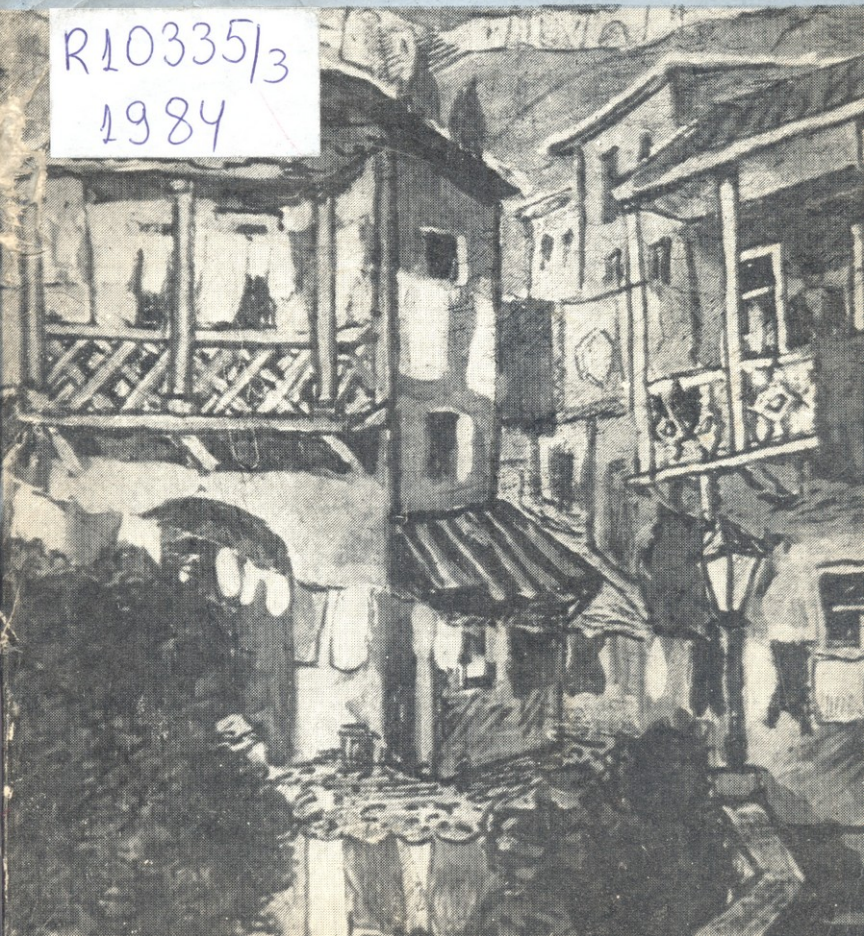
04935340
20021115000

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

7

1984

R10335/3
1984

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

საქართველოს
საბჭოთაო
კულტურის
მინისტრის
გამომცემლობა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. Стихи. Перевод Сер-
гея Борисова 3
- ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Реквием. Рассказ. Пе-
ревод Ушанги Рижинашвили . . . 11
- АВТАНДИЛ ГАЛДАВАДЗЕ. Тушинские расска-
зы. Перевод Ушанги Рижинашвили 80

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Ваше слово, молодые! 125
- РЕВАЗ ТВАРАДЗЕ. Писатель и литературная
мода 139
- СВЕТЛАНА КОШУТ. «Создать героя нашего вре-
мени...» 152

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

- СЕРГИ ДУРМИШИДЗЕ. Патриарх. К 100-летию
Иванэ Бериташвили 171
- НИНА ТАБИДЗЕ. Радуга. Тициан Табидзе и его
друзья 179

7

1984

НАУКА

- ЛЮДМИЛА РОССОХА. К истории грузинской
колонии на Украине. Вторая половина XVIII
века — XIX век 192

ИСКУССТВО

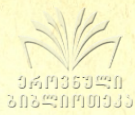
- МИХАИЛ БАРАНОВ. Мастер журнальной гра-
фики 216

ПАМЯТИ РЕЗО МАРГИАНИ

- ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Народу протя-
нул он ветви света 220

-
- ХРОНИКА 215, 219, 222

Известному грузинскому поэту Ладо Сулаберидзе исполнилось 60 лет.

Редакция журнала «Литературная Грузия» сердечно поздравляет юбиляра и желает ему новых творческих успехов.

Ладо СУЛАБЕРИДЗЕ

ВРЕМЯ

1

Я отныне коснуться тебя не могу.
Твое тело архангелы в небыль умчали.
Я бездомную осень свою стерегу,
уподобленный вечному камню печали.

Я сбежал от времен, что означили край
преходящей судьбы, и в туманные недра
краски мира бросаю тебе — собирай! —
из расселин души проступившие щедро.

Я обитель легенд обретаю в надел —
обживай и владей, как пристало богине.
Обожженную ливнем божественных стрел,
мне коснуться тебя невозможно отныне.

2.

Спят в ущелье твоём камни храмовых стен
и руины почившего в славе редута.
Ты устало несешь этот царственный тлен
по тропе, к перевалу взбегающей круто.

126283

Окунется твой ветер в ущербную стынь
и звучать обнищавшие башни заставит.
Не унизить изменой умерших святынь.
Не предать осажденных бойцов Эристави.

И опять на шиповнике алом сгорят
капли крови, связуя пропавшие звенья...
Птицы сказок моих над тобой воспарят,
чтоб исторгнуть пронзительный крик изумленья.

3

Ты собой украшаешь кочевья земли —
легкой поступью утра, слезой медуницы...
Ты спасла и призрела в подножной пыли
безмятежный приют соловья и синицы.

С молодыми богами судьбу раздели,
неземное дитя неизбывного лета!
Время выстудит кровь и сожжет корабли,
но тебя не коснется проклятие это.

Купола твоих храмов заблещут вдали,
и престол твой огнями свечей озарится...
Ты собой украшаешь кочевья земли,
чтоб когда-нибудь в сказку мою претвориться.

4

Сквозь путину времен протекли для людей
мрачный пир Шах-Аббаса и тризна Нерона,
пляска бешеных сабель и красных дождей,
ветер смертной истомы и злого урона.

Шорох черного днища о солнечный дол,
Золотого руна роковое хищенье,
и мятежной Тамары узорный подол,
и грузинского гения предвосхищенье...

Я приветствую время твоей красоты,
о владычица тягот моих и мгновений!
На бессмертное царство венчаешься ты
в безымянной стране миражей и знамений.

Ты — подарок времен, ты подобна цветку,
озарившему ветку ненастного века.
Я от розовых грез твоих пью по глотку,
вне свободы твоей — тугодум и калека.

Бремя скорби моей я земле предаю
и веселую мысль отпускаю на волю.
Детям неба поведай легенду мою
гимном жизни, познавшей бессмертную долю.

Мой земной календарь обезумел давно.
Время мира твоим исчисленьем томимо.
И в ущелье твоём прорастает зерно
золотого песка из сумы пилигрима.

6

Я умчу твою душу, ладони знобя,
в сад любви, где тропа твоя мглою повита.
Бренный мир не посмеет коснуться тебя
заскорузлой рукой заурядного быта.

И под знаком пришествия воли твоей
сгинет черный провал жития и забвенья.
Только праздник любви, только буйство ветвей
на беспечную вечность умножат мгновенья.

И на легкий твой след, вспоминая тебя,
упадет поцелуй и опустится птица...
Я умчу твою душу, ладони знобя,
в сад любви, где тропа твоя солнцем лучится.

7

Бог планеты моей, что для взора темна,
есть любовь... И безумного сердца сказанье
над ущельем твоим вознесет времена,
где за грех человеческий нет наказанья.

Ты, как сон, проплывешь над осенней порой,
что покоится в желтой воде увяданья.
И твою красоту под истлевшей корой
обессмертит любовь и прославит преданье.

Листья грусти моей полонят полынью
тишины... И в ответ на мои притязанья
ты прольешься дождем на планету мою,
где за грех человеческий нет наказанья.

8

Время жизни со стрелок стечет часовых
в бездну небытия за минутой минута.
И отчается кто-то в надеждах своих.
И у смертной черты станет жутко кому-то.

В море осени время истает мое,
Пропадет навсегда, как случайная льдина.
Кто-то всхлипнет: «Конец!»... Но пройдя бытие,
что с того, если грянет земная кончина!

Кто сочтет мою вечность по зернам минут,
ту, которая длится в угаданном слове?
Ты есть вера моя, пред которой не лгут,
богоматерь любви, порожденная внове.

9

На планете моей будут петь торжество
и пространство и время любви безначальной.
Непорочная сказка пути твоего
озарит мою осень надеждой печальной.

Край холодного солнца и доли слепой
ты сияющим нимбом весны увенчаешь.
По гранитным уступам зеленой тропой
ты взойдешь к высоте, о которой не чаешь.

И в обители горной сольются в одно
твоя юность и день моего утешенья.
И без тени упрека, забытой давно,
мы простим этой жизни ее прегрешенья.

Время черных невзгод, время горьких утрат,
 время мифов и судеб, решенных богами,
 время шумных пиров и могильных оград,
 по вселенной бегущее злыми кругами,

время гневных царей, время рабства и сна,
 время сумрачных битв и безумных наитий —
 я за краткую жизнь все изведаль сполна
 и прошел через хаос времен и событий.

И теперь у порога предвечного дня
 твой божественный колокол бьет и взывает.
 Это вечность, как звездную дверь, для меня
 долгожданное время любви открывает.

ИЗ ЦИКЛА «ЗАКАТ»

МЕДУЗА

Лоно вод унимает оттенки грозы
 и колышет медузу, как лилию лета.
 Заходящее солнце в ленивую зыбь
 опрокинуло столп животворного света.

Шум осеннего моря смолкает во мне.
 Голубеет медуза в преддверии ночи.
 Мы устало скользим по пологой волне,
 молчаливые пленники двух одиночеств.

Что нам парус и ветер? Они не нужны
 с берегами отчизны расторгнувшим узы.
 И беззвучен мой шепот, и странно нежны
 неземные касания сонной медузы.

ЗОВ

Я мятежную душу с закатом солью.
 Я отдам ее морю и солнцу былому.
 И покину блаженную землю мою,
 где усладу полей превращают в солому.

За порогом судьбы, за чертой роковой
я исчезну во тьме отрешенно и сиро.
Прорастет мое время болотной травой
запредельного края, безлунного мира.

И когда над тобой разбрасает лучи
мой рассвет, что опять восхитительно болен,
из обители ночи мой зов прозвучит
заколдованной медью твоих колоколен.

РУНО

Незабвенную вязь золотого руна
жизнь взяла у меня под стенания чаек.
Только плач колокольный, которым полна
безутешная даль, мне во мгле отвечает.

С ветром осени, с чудищем черных глубин,
пробуждаясь от сна и скорбя о потере,
я на гребне прибоя сражаюсь один.
И кропит моя кровь зачарованный берег.

Я ущербное солнце пытаюсь вернуть
и усмешкою губ не перечу надежде,
ибо жизнь оправдает мой тягостный путь
и руном золотым осияет, как прежде.

ОТЧИЗНА

Сень родных эвкалиптов у сумрачных вод
навсегда сокровенной во мне остается.
И у стен Диоскурии мертвой живет
молодая лоза и причудливо вьется.

Сколько алчных сердец и завистливых глаз
унижают меня, на нее посягая.
Но цветет и волнует единственный раз
моего виноградника нега нагая.

Узловатые корни гнездятся в скале.
Крепко камень соленый лоза оплетает.
И моя Диоскурия в призрачной мгле,
как вечерняя родина, жизнь обретает.

ПУТЬ

В ржавой тоге из листьев, бродяге под стать,
я бреду в мою зиму, влачу свою долю.
Бренный мир, обори мою нищую статью
и пронзительным хладом склони меня долу!

Далеко-далеко веет любящий взгляд,
облегчая мой крест и спасая от бури.
Когти воронов черных стучат и скользят
по расстроеным струнам умолкших пандури.

Мне далекой свечи виден трепет живой,
капля теплого воска, бессонное око...
Одевая тоску мою мертвой листвою,
я в студеное завтра бреду одиноко.

ЦИКАРА

Сокровенье мое жизнь украла вчера,
нарекла ему волей предвечную дату.
И помчал меня следом рябой Цикара,
чтоб вернуть понесенную небом утрату.

Но померкшее солнце сокрыло мой путь,
заблудившийся луч его темен покуда.
Не сумел я, прекрасная, высветлить грудь
исцеляющей верой в желанное чудо.

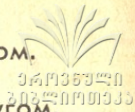
Ты незримое благо узри надо мной!
Тонет в мороке путь мой от грешного берега.
И престольного ига юдоли земной
не осилил мой бык, задыхаясь от бега.

КУПЕЛЬ

Волны тело мое от корысти мирской
навсегда отлучают в соленой купели.
Я отдался на волю стихии морской,
и ее голоса мне прощанье пропели.

Я до срока растрочен во имя добра.
Я любовью измучен, как бледным недугом.
И наивное зло мне оставить пора
на земном берегу за назначенным кругом.

Пусть его без остатка пожрет воронье,
ибо саженец мой зацветает в долине...
Я отдался стихии на милость ее
и под солнцем ущербным безгрешен отныне.

МОЛЬБА

Испытай свою ярость на мне, Посейдон!
К солнцу вынеси парус надежды чудесной!
И я щедро воздам за случайный урон
золотым виноградом от грозди небесной.

Воле грозного моря меня подчини.
Светлой пеной омой обреченное тело.
И спасительный суд надо мной учини,
изумрудные кручи круша оголтело.

Пусть живая слеза моего божества
станет чистым кристаллом в закатном горниле...
Торжествуй, на страданье даруя права!
К солнцу вынесет парус последних усилий!

Перевод Сергея БОРИСОВА

— Дед, сколько человек ты убил? — спросил Торнике внучек, проведя рукой по шраму на его лице.

Торнике ощутил, как миллион острых ледяных буравчиков пронзили сердце. Лицо его позеленело, а глаза потемнели. Рука с вилкой застыла в воздухе.

В комнате воцарилась тишина. Хозяйка взглянула сначала на мужа, а затем грозно посмотрела на сына. У Давида кусок застрял в горле. Он опустил на тарелку нож с вилкой, положил руки на стол и уставился на сына так, что во взгляде его без труда можно было вычитать и гнев, и горькую укоризну.

Маленький Торнике почувял, что стряслось нечто непоправимое, понял, какую огромную боль причинил своим глупым вопросом и деду, и родителям. Он принялся лихорадочно тереть руки бумажной салфеткой, всячески стараясь уклониться от гневного материнского и полного укоризны отцовского взглядов.

— На войне человека не убивают, сынок! — начал внезапно надло-

ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ

РЕКВИЕМ

●
Рассказ
●

ПЕРЕВОД
Ушанги РИЖИНАШВИЛИ

мившимся голосом Торнике Гелашвили. — Защищая землю, политую кровью своих отцов и дедов, защищая кости своих предков, ты — не человекоубийца. Человека убивает лишь тот, кто идет покорять чужую страну, хорошенько запомни это, внучек!

Последние слова Торнике произнес с большей твердостью, резко опустил руку с вилкой и отрешенно устоялся в стол.

Тягостное молчание повисло в воздухе. Давид и его супруга по-прежнему сидели в той же позе, в какой застал их злополучный вопрос сына.

В тишине особо отчетливо слышался звук старинных часов, висевших напротив Торнике. Ритмичный ход их длинного, округлого на конце маятника словно бы вторил биению сердца Торнике. Потом ритм сердца, дотеле совпадавший с ходом маятника, вдруг резко разладился, подобно тому, как нарушается шаг в строгом воинском строю после приказа «вольно». Торнике почудилось, что биение сердца отстало от хода часов. И он почувствовал, что часы отсчитывают минуты его жизни.

Торнике с трудом разогнул спину. Давид понял, что отец собирается уходить.

— Может, ты переночуешь у нас? — спросил Давид отца.

— Нет, мне теперь лучше. Прогулка по улице пойдет лишь на пользу.

— Не проводить ли тебя?

— Ты что же, не знаешь своего отца?

— А вдруг тебе станет худо, кто тогда за тобой присмотрит?

— Не беспокойся, хуже мне не станет. И с какой бы это стати мне должно сделаться худо? Коли почую неладное, непременно позвоню. А волноваться тебе незачем, умирать я пока что не собираюсь. Хочется хотя бы одним глазком заглянуть в двадцать первый век. Ума не приложу, что это со мной случилось давеча. Прощай и держись молодцом. — Потом, придерживав левой рукой ордена на груди, Торнике нагнулся, погладил внука по голове и сказал:

— Человека на войне не убивают, внучек, хорошенько запомни это. Не приведи господи дожить тебе

до войны, не то ты бы и сам убедился, что на войне человека не убивают.

Торнике потрепал по плечу шестилетнего внука и как ни в чем не бывало, бодро расправил плечи.

— Ну, будьте здоровы.

* * *

Улица показалась Торнике Гелашвили необычайно пустынной.

«Интересно, который теперь час? — Торнике неторопливо выудил из кармана часы-луковицу на толстой цепочке, прикрепленной другим концом к поясу галифе. — Смотри-ка, уже половина девятого, а еще светло. Но почему так мало прохожих?»

Торнике шагал, расправив плечи. Ему было шестьдесят девять лет, но на вид ни за что нельзя было дать больше шестидесяти. Волосы чуть поредели, но седины хоть отбавляй. Ходил он строевым шагом, однако по вине возраста выпрямлять ноги становилось все трудней.

Внезапно ему вновь послышался голос маленького Торнике: «Деда, сколько человек ты убил?» Торнике вздрогнул и огляделся по сторонам, не услышал ли кто голоса ребенка?

Двадцать пять минут спустя Торнике был у дома. Уже порядком стемнело. Он мельком взглянул на окна своей квартиры на седьмом этаже.

И вздрогнул.

Из окон лился свет.

Он отлично помнил, что утром погасил свет во всех комнатах. У него было правило — перед выходом из дому непременно проверять свет, воду и газ. На протяжении стольких лет ни разу не было случая, чтобы он забыл что-либо. Строгая жизнь смолоду приучила к порядку Торнике Гелашвили.

Он вновь поглядел на окна. Сомневаться не приходилось — изо всех окон струился свет. На всякий случай он пересчитал этажи. Лишь теперь он заметил, что свет не горел нигде, кроме его квартиры.

Он окаменел на месте.

«Неужто забыл? Но как я мог позабыть выключить сразу все лампочки? Неужели этим утром я все сделал шиворот-навыворот? Нет, батенька, ^{21 10 35 33 0} ^{20 2 3 11 10 33} ^{11 10 33} ³³ заспорил он с самим собой, — я отлично помню, что выключил свет в гостиной и спальне едва рассвело, а в холле перед самым выходом».

Холла с улицы не было видно. Не выходило на улицу и окно кухни. С улицы можно было увидеть лишь окна гостиной и спальни. У Торнике была двухкомнатная квартира, и чувствовал себя в ней он весьма вольготно. Жить с детьми не было никакого желания. Привыкший к режиму Торнике терпеть не мог лени и расхлябанности детей и внуков. Впрочем, может статься, все это ему просто мерещилось: ведь нельзя же, в самом деле, требовать от каждого жить по-походному и все рассчитывать тютелька в тютельку.

Четырнадцатизэтажный дом, в котором жил Торнике Гелашвили, стоял в конце улицы. Впрочем, улица тут не кончалась. Еще метров на двести вдоль нее тянулись частные двухэтажные дома, которые, в свою очередь, достигали подножия пригорка. Отсюда до Черепашьего озера было от силы двадцать минут ходу.

Не сходя с места, Торнике внимательно вглядывался в окна. Вокруг не было ни души.

«Куда бы это люди подевались?» — подумал он вдруг и взглянул на часы. Было начало десятого. Торнике никак не мог взять в толк, сколько же времени простоял он так неподвижно. Наконец он высчитал. Когда он вышел на улицу, была половина девятого. На то, чтобы добраться сюда, он по обыкновению затратил двадцать пять минут. Сейчас десять минут десятого. Выходит, он простоял тут пятнадцать минут.

Он достал из кармана трубку.

«Видно, годы все же берут свое. Потому я и оставил свет невыключенным... Да, но как же я мог оставить его в обеих комнатах? Когда я поднялся с постели, было пять часов утра. Я тотчас же зажег все лампочки. Через двадцать минут, когда порядком рассвело, выключил все разом, оставив свет лишь в холле. Из дому я вышел в двенадцать часов. А может, утром свет отключился сам по себе, а я не заметил и счел его выключенным? Но холл? Отлично помню, что прежде чем

захлопнуть дверь, я повернул выключатель и потушил свет в холле!»

Он вытащил из кармана пачку сигарет и выкрошил в трубку две сигареты.

«Может, я помню про вчерашнее, а сегодня, когда света не было, я не выключал его и в холле?.. Да, наверняка все так и было!» — успокоил он себя, хорошенько утрамбовал табак в трубке мизинцем левой руки, потом достал спички и зажег одну. Затянувшись несколько раз кряду, он выпустил дым изо рта и погасил спичку. Оглядевшись по сторонам, он нигде не обнаружил урны. Горелую спичку он вновь опустил в коробок и правой рукой сунул спички в карман.

Он глубоко затянулся еще разок и исподтишка бросил взгляд на седьмой этаж.

Из окон по-прежнему лился электрический свет.

Торнике недовольно покачал головой, пересек улицу и двинулся к зданию, почти полностью погруженному во мрак.

Внезапно он окаменел на месте и покрылся холодным потом.

В окне спальни свет погас.

У Торнике остановилось сердце и рука с трубкой застыла в воздухе.

Он в испуге осмотрелся вокруг,

Впервые в жизни он ощутил подобный страх, какой-то ужасный, объятый молчанием мокрый страх. Словно бы все тело оросилось холодными каплями.

Он осмотрелся по сторонам.

Никого не было видно.

Ни прохожих, ни машин.

Страшная тишина навалилась на город.

Он вновь посмотрел наверх.

И едва подавил крик. На сей раз ему почудилось, что он и вправду лишился чувств. Свет погас и в другой комнате.

«Может, я сплю?»

«Или схожу с ума?»

«Отчего на улице не ходят люди и что случилось с машинами?»

Он посмотрел на часы. Была половина десятого. В такое время, в такой прекрасный весенний вечер улицы всегда полны народом и машин.

«Может, с той стороны улицы, где я стоял давеча, окна светились отраженным откуда-то светом?»

Словно бы ощутив некоторое облегчение, Торнике повернул назад и быстро пересек улицу. Едва дойдя до того места, где он давеча зажег трубку, Торнике резко обернулся и взглянул на окна своей квартиры.

Окна были затемнены.

«Боже, что со мной происходит?»

Торнике нервно вытряхнул трубку и положил ее в карман. Отыскать урну он так и не удосужился.

«Может, мне померещилось все это?»

«Или, может, свет погас там, откуда он отражался в моих окнах?»

«Постарел я и глаза уже не те стали, наверняка померещилось».

Он вновь пересек улицу и приблизился к парадному. Но сердце все же сжалось. Свет в парадном был всюду погашен.

«Черт-те что творится со мной!» — рассердился он на себя и вступил в парадное.

И невольно остановился.

Сверху кто-то спускался.

Вскоре он и впрямь увидел на поручне лестницы три скользившие вниз странно длинные и исхудалые руки.

Отчетливей сделался и звук шагов. Они как бы крались, словно не желая нарушать воцарившуюся вокруг тишину.

Руки излучали какой-то красноватый свет.

«Может, я и вправду схожу с ума?» — заключил Торнике.

Вот одна из рук показалась на последнем марше лестницы и тут же обозначились контуры человеческой фигуры.

Заметив Торнике, незнакомец остановился. Застыли на месте и две скользившие вниз светящиеся руки.

«Их трое!» — заключил Торнике, еще раз взглянув на три руки.

Внезапно все трое повернулись и побежали вверх.

Бежали они беззвучно, словно их обувь была подбита войлоком.

«Господи, что это со мной? Сплю ли я или схожу с ума?»

Торнике понимал, что не спит, и всячески пытался восстановить в памяти облик незнакомца, который был очерчен в темноте какой-то тонкой светящейся линией. Лица не было видно, и Торнике не удалось разобрать, был ли показавшийся на мгновение незнакомец стар или молод. Лишь по легкому бегу можно было заключить, что все трое были весьма молоды.

«Пожилому так быстро лестницы не одолеть», — сделал вывод Торнике.

Звук шагов вновь усилился. И он вдруг понял, что незнакомцы бегут вниз. Пока Торнике решал, оставаться ли тут, подле лифта, или выйти на улицу, незнакомцы с быстротой молнии промчались мимо него и выскочили вон.

Ошеломленный Торнике окаменев стоял у подножия лестницы перед лифтом. Придя в себя, он понял, что в парадном ужасно воняет. Понял он и то, что вонь осталась после той троицы, сломя голову скатившейся по лестнице.

Передумав нажимать на кнопку лифта, Торнике вышел на улицу. Незнакомцев и след простыл.

«Как это они ухитрились пересечь улицу без всякого шума? Верно, я со страху не расслышал их топота».

Улица по-прежнему была пуста — ни людей, ни машин. Видно, не работает и тот маленький автобус, что через каждые полчаса ходит обычно до конца улицы.

Торнике никак не мог решить, как поступить. Он не желал признаваться себе, что боится идти домой. Было очевидно: свет, сначала горевший, а затем погасший в окнах его квартиры, находится в какой-то связи с юношами, оставившими в парадном ужасающий смрад разлагающегося трупа.

Торнике инстинктивно пересек улицу и вновь вернулся на то место, где давеча разжег трубку. Потом

снова бросил взгляд на окна — стекла по-прежнему отливали чернотой.

Торнике взглянул на часы. Пошел одиннадцатый час. Небо было беззвездным. Огромное серое здание сумрачно взирало на улицу.

Торнике не знал, что делать.

«Дай-ка схожу в парк, они наверняка еще не успели разойтись».

Торнике Гелашвили подразумевал пенсионеров, которые обычно собирались по вечерам в ближайшем саду либо сквере.

Сначала он спустился вниз, а затем повернул налево по пересекающей дорогу улице.

Отсюда до сквера было всего минут семь ходьбы. Возле давно бездействующего маленького фонтана стоял огромный вяз. Под вязом друг против друга были установлены две длинные скамейки.

Именно это место считалось самым укромным уголком во всем саду.

Еще издали Торнике заметил, что в саду нет ни души. Крупные белые сферические лампы, укрытые в кронах деревьев, едва мерцали.

«Хорошо еще, что на улице и в саду горит свет».

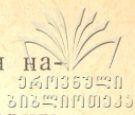
Внезапно он заметил одинокого мужчину, сидевшего как раз на той самой скамейке под вязом.

Торнике возжелал всем сердцем, чтобы этот мужчина оказался знакомым. Впрочем, незнакомцы редко забредали в сад в столь позднее время. Многие, возможно, были знакомы друг с другом лишь шапочно — ведь собирались-то они отдельными группками — но, по обыкновению, обменивались общими поклонами.

Мужчина, сидевший под вязом, был ему совершенно неизвестен. Никогда прежде Торнике не доводилось видеть его в саду. Но лицо мужчины тем не менее показалось знакомым.

— Здравствуйте! — почему-то тихо поздоровался Торнике.

Незнакомец, казалось, сначала даже не расслышал приветствия и по-прежнему сидел, уставясь в одну точку. Потом медленно повернул голову, взглянул на Торнике, всмотрелся в его лицо, скользнул взглядом по фигуре, отвернулся и вновь упрямо уставился в ту самую точку.

— Здравствуйте, — с раздражением отозвался он на-
конец.

Торнике понял, что незнакомец не желает говорить с ним, и смешался, не зная, как вести себя дальше.

«В саду-то он впервые, но где я видел его раньше? Откуда я помню эти длинные волосы и длинные руки?»

— Не было ли тут наших друзей? — с трудом выдавил из себя Торнике.

— Какие еще ваши друзья? — как будто оживился вдруг незнакомец.

— Ну, те самые, которые каждый вечер собираются тут, пенсионеры.

— Я в этом сквере впервые. Представления не имею, кто такие ваши дружки-пенсионеры. Сижу тут с полчаса, шел в гору, устал маленько и сел передохнуть, никого я не видел.

Незнакомцу было за шестьдесят. Хотя он сидел, судя по длинным рукам и ногам, росту он должен был быть изрядного. Длинные волосы падали на плечи. За толстыми стеклами роговых очков виднелись мешки под глазами.

«Господи, где я видел этого человека?»

Торнике напрягся, пытаясь вспомнить, откуда он знал эти длинные, рассыпавшиеся по плечам седые волосы, роговые очки с толстыми стеклами и мешки под глазами.

Не смог вспомнить.

Даже не попрощавшись с незнакомцем, он повернул обратно. Длинноволосый же сидел, как и прежде, упрямо уставясь в облюбованную точку, и вид у него был такой, словно он начисто позабыл о существовании Торнике.

У входа в сад стрелки больших часов показывали уже одиннадцать.

«Как необычайно быстро бежит сегодня время!» — подумал Торнике. Сначала он поглядел на большие круглые уличные часы, а затем достал свои карманные и сверил время. Разница была в три минуты. Садовые часы забегали на три минуты вперед. Карманные же часы Торнике шли точно. Щелкнув крышкой, он опустил часы в карман галифе.

«Господи, где я видел этого человека?» — вконец замучила Торнике навязчивая мысль. Но вспомнить, откуда же он все-таки знает эти рассыпавшиеся по плечам седые волосы, толстые стекла в роговой оправе и мешки под глазами, так и не сумел.

Уходить из сада Торнике не спешил. Нерешительно потоптавшись возле калитки, он повернул обратно, подошел к аккуратно подстриженному трапецией кусту, хорошенько укрылся за ним, чтобы не попадаться на глаза незнакомцу. Потом потихоньку вытянул шею и принялся дотошно разглядывать незнакомца, пристроившегося под вязом.

Незнакомец сидел в прежней позе, скрестив длинные ноги и упрямо уставясь взглядом в невидимую точку.

«Я его наверняка с кем-то путаю, — решил наконец Торнике и вышел на улицу. — Но куда запропастились мои друзья-пенсионеры?»

Задыхаясь он засеменял по подъему.

И куда только подевался размашистый строевой шаг, с которым не удавалось совладать даже возрасту!

А в ушах все звучало дребезжащее «здравствуйте», с которым он обратился к незнакомцу. Разве доводилось ему когда-либо говорить таким надтреснутым голосом?

Приблизившись к дому, он быстро взглянул на окна своей квартиры. Свет по-прежнему был погашен.

«Может, мне давеча померещилось?»

«Воистину померещилось!»

И ощутил некоторое облегчение.

«Что ж, допустим, померещилось, но куда, спрашивается, запропастились люди и почему не ходят машины? Отчего вокруг такое жуткое безмолвие? Почему затемнен весь наш дом?»

Давешнее облегчение растаяло, как прошлогодний снег.

Торнике вспомнил про трубку. Вытащив из кармана, он неторопливо набил ее табаком из распотрошенных сигарет. И все время, пока он трамбовал пальцем табак, ему не терпелось хотя бы одним глазком взглянуть на окна своей квартиры: а что если кто-то вновь зажег свет?

Кто был этот «кто-то»?

Может, он подозревает кого-нибудь конкретно?

Трудно сказать.

Торнике зарекся не смотреть вверх, пока не разожжет трубку.

И смог сделать почти невозможное — поборов безграничное любопытство, взглянул вверх лишь после второй затяжки. При этом он скользнул по зданию взглядом между прочим, как ни в чем не бывало.

Он вел себя так, словно за ним наблюдали.

Еще одна затяжка. Хорошо. Легкие словно бы ощутили живительный ветерок. Теперь, в эту минуту, в этой непроглядной темени, в этой объятай тайной округе, где не было ни единой души, он осознал, что лишь трубка является другом, другом и наперсником его души. Он воспринимал трубку как живое существо, ибо в ней тлел огонь.

«Должен же я, в конце концов, подняться к себе?»

Он неторопливо пересек улицу и направился к парадному. И тотчас же вспомнил о тех трех смердящих юношах, с которыми он давеча столкнулся в парадном.

«Кто они были и почему так испугались меня? Отчего убежали сломя голову?»

«Может, то были воры?»

«Может, они ограбили мою квартиру, с того и убежали? Может, это они и включили свет в комнатах?»

«Похоже на правду. Ограбили мою квартиру. Естественно и то, что они знали меня в лицо. Ведь к грабежу они готовятся загодя. Изучают повадки хозяина квартиры, приглядываются к нему. Но ведь я-то их не признал? Впрочем, как же я мог их признать!»

«Конечно же, воры. Верно, долго изучали распорядок моей жизни. Они отлично знали, что сегодня я буду в гостях у сына, и потому безбоязненно включили свет. Потом погасили его и преспокойно спустились вниз. Но куда они девали награбленное? Ведь в руках у них ничего не было? Хотя кто сейчас ворует вещи. На что им сдались мои никудышные вещи и одежда?»

Видно, они искали только деньги. Зря старались, голубчики. Хороши воры, нечего сказать, коли надеялись деньгами у меня разжиться».

Торнике почувствовал облегчение. Воры были наи-

лучшим вариантом из всех других предположений, которые могли возникнуть у человека по поводу непонятной истории со светом.

«Каких других предположений?»

«Почему от тех юношей несло трупным смрадом?»

У Торнике вновь сжалось сердце.

Лифт оказался отключенным.

В крошечной темноте он стал медленно подниматься по лестнице. Опять пришли на память три руки, скользившие по поручню лестницы и светившиеся во мраке каким-то странным светом.

С трудом одолел он лестницу, с трудом добрался до седьмого этажа. Стремясь унять бешеное сердцебиение, он остановился на площадке. Восхождение на седьмой этаж было слишком большой нагрузкой для сердца семидесятилетнего старика. В темноте он с каким-то непонятным страхом взглянул на дверь своей квартиры. Никаких следов взлома на ней не было видно. Торнике не торопился достать ключ из кармана, словно стремясь подольше оттянуть мгновение, когда ему волей-неволей придется войти в квартиру. В конце концов он все же вытащил ключ, на ощупь вставил в замок и дважды повернул его. Дверь медленно открылась. Торнике осторожно вступил в холл и левой рукой отыскал выключатель.

Затем он захлопнул дверь, вошел в гостиную, зажег свет и осмотрел комнату. Все было по-старому, ничего не касалась рука человека. Вдруг Торнике ощутил омерзительную вонь, точно такую же, какая исходила от тех юношей, что сломя голову промчались мимо него.

Торнике бросился к окну и настежь распахнул его.

Сознание работало с бешеной быстротой, но сделать вывод было не в состоянии, никак не удавалось сцепить мысли. Лишь несколько мало-мальски устойчивых фраз, подобно ротационному колесу, крутилось в его мозгу.

«Почему воняло от тех юношей?»

«Отчего светились их руки?»

«Откуда в моей квартире тот омерзительный смрад, напоминающий вонь разложившегося трупа, точно такой же, каким воняло от тех юношей?»

«Куда подевался народ, почему опустели улицы?»

К двери спальни он почему-то приблизился на цыпочках.

«Чего я боюсь?» — сердился на себя Торнике Гелашвили.

Вонь усилилась.

Он приоткрыл дверь. Свет по ширине двери ткнулся в стену и мягко растелился по полу.

Торнике нащупал выключатель, нажал пальцем маленькую пластмассовую клавишу, свет зажегся и...

* * *

Уже на улице он вспоминал все, что произошло.

И никак не мог взять в толк, как удалось ему так быстро выключить свет, захлопнуть дверь, сбежать вниз с седьмого этажа. Сердце норовило выскочить из груди, дыхание сперло. Он задыхался. Очутившись на другой стороне улицы, Торнике посмотрел наверх. В гостиной горел свет. Он вспомнил, что погасил свет лишь в спальне. Погасил потому, что увидел в комнате нечто...

Подсознательно он тотчас же понял, что увидел то, чего ждал давным-давно.

Чего ждал Торнике Гелашвили?

Ничего.

На протяжении последних десяти лет, чем дальше, тем больше росла тоска.

Сначала он думал, что в тоске и беспричинной порче настроения повинен возраст.

Но со временем понял, что возраст тут ни при чем.

Его грызла какая-то внутренняя тоска.

Уяснить же причину этой тоски, что червем источила сердце, он был не в силах.

Частенько на коленях у него сиживал внук — маленький Торнике и без умолку тараторил с дедом. Торнике особенно любил маленького Торнике и не только потому, что тот был его тезкой. Мальчик очень походил на деда и это переполняло его гордостью. Он был удивительно счастлив, видя в маленьком Торнике продолжение своей жизни, своего существа. Но лаская внука, играя с ним в его игры, Торнике вдруг тушевался, опускал малыша на пол, вставал, подходил к окну и бессмысленно глядел в пространство.

— Что случилось, деда?

Голос внука доносился как бы издалека. Он безмолвно созерцал что-то и настроение у него окончательно испортилось.

На улице сновали толпы народу, от транспорта не было спасу...

Торнике Гелашвили шел, не разбирая дороги, не слыша ни рева автомобильных моторов, ни душераздирающего скрежета тормозов, при котором раньше у него неприятно екало сердце.

— Отец!

Может, ему почудился голос сына?

— Отец!

Нет, не почудился.

— Что, сынок?

— Тебя что-то тревожит?

— Да нет, сынок, все в порядке. Вот только воздуха не хватает. Пойду, посижу в саду.

Кто сочтет, сколько раз на протяжении последних десяти лет повторялись подобные сцены.

Иногда он любил посидеть в кафе ресторана «Тбилиси» вместе с двумя своими друзьями. Один из них — Петре Цицишвили — был учителем истории, другой — Давид Хеладзе — инженером. Оба — друзья юности, оба — пенсионеры.

Они могли просидеть битых пять часов за двумя бутылками вина. Официанты давно уже привыкли к друзьям, хотя бы дважды в неделю заходившим в кафе пообедать. О чем только не вспоминали словоохотливые старики! Однако с некоторых пор друзья стали замечать необъяснимую грусть Торнике. Вот он и сам смеется и друзей смешит, и вдруг как погаснет неожиданно-негаданно, будто свет отключили. Друзья не раз пытались выяснить причину столь разительных перепадов в настроении друга, но Торнике лишь отмахивался, мерещится-де вам все это. И друзья, поняв, что Торнике не по душе их невольная назойливость, старались делать вид, будто ничего не замечают.

Между тем и сам Торнике Гелашвили не мог разобрататься толком, что же с ним творится.

Хотя всячески избегал думать об этом.

Лишь время от времени, поймав себя на гнетущих мыслях, он чувствовал, что ждет чего-то.

Впрочем, не было особой уверенности и в том, действительно ли он ждет.

И тем более, чего ждет!

Просто он неосознанно чувствовал, что ждет чего-то.

И только включив свет в спальне, он понял, чего ждал.

* * *

Запыхавшись, он протрусил по улице и вновь устремился к саду. Вскоре показалась знакомая калитка. Он вошел в сад. По-прежнему не было видно ни души. «Куда подевались люди?»

На скамейке под огромным вязом он вновь увидел длинноволосого незнакомца в роговых очках. Тот сидел, как и прежде, чуть сгорбившись и заложив ногу за ногу. Сидел недвижно, уставясь в одну точку. Только теперь заметил Торнике, что незнакомец облачен во фрак, точь-в-точь такой же, какие обычно одевают на концерты оперные певцы либо дирижеры.

— Ты опять явился сюда? — не поворачиваясь, спросил незнакомец. Голос его был настолько неприятным, что Торнике передернуло. К тому же исходил он откуда-то из области живота.

«Как он догадался, что это я? Ведь он даже не взглянул в мою сторону!»

— И что из того? Надеюсь, я не помешал вам? — обиделся Торнике.

— Нет, не помешали. Но шли бы вы лучше во-свояси.

Незнакомец повернулся и посмотрел на Торнике. В глубине его глаз словно вспыхнули электрические лампочки. Торнике почудилось, что незнакомец двумя тонкими лучами, протянувшимися из зрачков, копается в извилинах его души и мозга. Потом электрический свет в глазах длинноволосого погас, словно чья-то невидимая рука отключила его.

— Желаю счастливых сновидений, сударь мой, ежели, конечно, вам удастся уснуть.

Незнакомец резко поднялся и ушел.

«Значит, и этот «дирижер» знает, что происходит в моей квартире?»

«Кто бы это мог быть и откуда я помню его длинные волосы и очки с толстыми стеклами?»

Незнакомца и след простыл. Он исчез как-то внезапно, словно растворился во мраке. Хотя свет в саду едва брезжил, но было не настолько темно, чтобы человек исчез так внезапно.

Неожиданно Торнике понял, нет, не то что понял, а словно бы внял чьему-то внушению, что необходимо покориться судьбе.

Волнение улеглось, все, что должно было случиться, — случилось. Понял он и то, что от рока никуда не деться. Торнике медленно повернул назад, медленным шагом пересек сад и отрешенно побрел по улице.

* * *

Ровно в десять часов вечера они покинули лагерь. Их было всего лишь пятеро. Группу возглавлял Торнике Гелашвили.

Задание звучало жестко и ясно — во что бы то ни стало необходимо было добыть «языка».

К полуночи они приблизились к линии фронта. Прежде чем достичь ее, они двигались осторожно, но все же быстро. Пошел двенадцатый час, когда лес кончился. Условно линия фронта проходила по ложбине, расположенной меж двух лесов. В лесу на противоположной стороне уже находились немцы. При лунном свете продолговатая ложбина меж двух темных пятен леса походила на реку, в особенности же если смотреть издали. Луна осложняла дело. Главная трудность состояла как раз в преодолении ложбины. Как бы осторожно ни пошла пятерка разведчиков, враг без труда мог обнаружить их.

На опушке леса разведчики вытянулись в цепочку и осмотрели ложбину. В двух местах черные земляные насыпи, образовавшиеся от взрыва мин, напоминали речные пароходы.

Торнике поглядел на небо.

Небо было чистым. Полная луна светила ярко, и звезд почти не было видно. Три или четыре черные тучи лениво ползли по небосводу. Торнике внимательно

присмотрелся к ним. Одна из туч медленно, но верно кралась к луне. Черные громады туч на небе напоминали изображенные на карте мира материка, омываемые океанскими водами.

Тучи едва заметно передвигались по небу.

Торнике рассчитал, что самая большая из туч напозет на луну примерно через полчаса. Как бы ни вели себя тучи, ложбину все едино требовалось пересечь, однако, коль скоро появился шанс, что туча скроет луну, получасовая задержка, естественно, была вполне оправдана.

Ребят в группу Торнике подобрал некурящих. Кто знает, сколько разведчиков погибло ночью по милости табака.

Ложбина была не заминирована. Это отлично знали и Торнике, и командир полка. Фронт всего лишь два дня как приблизился к здешним местам. Наблюдение не прекращалось ни днем, ни ночью. В свой черед и немцы, верно, дотошно изучали рельеф местности и расположение противника.

На всякий случай Торнике все же прихватил сапера Константина Бондаренко.

— Когда же эта чертова туча дотащится до луны? — буркнул Зураб — восемнадцатилетний голубоглазый и светловолосый юноша, самый младший в пятерке.

— Тихо! — одернул его Торнике. — Нечего зря языком трепать, разведчик открывает рот лишь в случае крайней необходимости.

Говорил Торнике Гелашвили шепотом, но смысл сказанного уловил чутьем каждый из разведчиков, и даже Бондаренко, не знавший грузинского. Остальные были грузины — Георгий Копадзе лет эдак двадцати семи от роду и Ираклий Беришвили — года на два моложе.

Торнике Гелашвили пошел к тому времени двадцать девятый год и он был старше своих товарищей не только по званию, но и по возрасту. А по опыту с ним мог равняться разве что Бондаренко — двадцатилетний сапер. К тому же Торнике казался гораздо старше своих лет. Может, лицо его выглядело жестче и старше

в силу высокой ответственности командира? Или, может, так мнилось его подчиненным: они были солдатами, а он старшим лейтенантом. Или оттого, что все подчинялись ему, непререкаемо веря в его командирский опыт?

За два года Торнике Гелашвили был дважды ранен, успел получить три ордена и две медали. По выздоровлении он оба раза возвращался в свой полк. Может, с того и доверяли ему солдаты, отлично знавшие про это?

Зураб был самым молодым и неопытным среди них. Всего два месяца назад попал он в действующие части.

Торнике Гелашвили мельком взглянул на Зураба. Юноша ерзал, не сводя глаз с тучи, медленно подползавшей к луне.

«Не надо было его брать!» — пожалел Торнике.

Потом оглядел остальных.

Георгий Копадзе и Бондаренко лежали, уткнувшись лицом в ладони.

Ираклий, лежа на спине, равнодушно жевал травинку.

Ираклий Беришвили всегда поражал Торнике. Он был прекрасным разведчиком, хотя всем, кто знал его, поверить в это было, наверное, весьма трудно. Впрочем, и сам Торнике дивился своему соратнику. Нервный и вспыльчивый в повседневной жизни, он неизменно менялся во время выполнения боевого задания, выказывая поразительное самообладание. Даже в самых критических ситуациях он, бывало, не терял присутствия духа.

Торнике вновь перевел взгляд на Зураба.

«Зачем я его взял? Черт меня попутал!» — ругнул себя в сердцах командир.

Внезапно с неба сорвалась звезда и долго не гасла, оставляя в небе довольно длинный красноватый след.

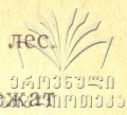
«Дурная примета», — подумал Торнике, почему-то оглянувшись сначала на Зураба, а потом и на всех остальных.

«Хорошо, что они не видели».

Затем он снова посмотрел на тучу.

«Минут через десять двинемся», — заключил он

про себя и бросил взгляд на черневший вдаль лес. Стояла поразительная тишина.

«Как знать, может и там, на той опушке, лежат распластавшись немецкие разведчики, ожидая, когда луна зайдет за тучу, — размышлял Торнике. — Еще семь минут и...»

Сразу стемнело.
Все взглянули вверх.

Луна постепенно исчезала в утробе огромной тучи. «Через пять минут луна совсем исчезнет, — заключил Торнике. — Туча точно того же размера, каким было вначале расстояние между ней и луной». Выходит, луна избавится от тучи не раньше, чем через полчаса. Получаса же с лихвой хватит на то, чтобы незаметно пересечь ложбину. Хотя туча и закрыла луну, все же довольно светло. Потому и пробираться надо ползком.

Все пятеро застыли, одинаково задрав головы к небу.

«Кто знает, может и они там, подобно нам, глазают на пропавшую луну», — опять подумал Торнике.

«Как быть, коли мы наткнемся друг на друга?» — мелькнуло в мозгу Торнике, и неприятный холодок пробежал по спине.

Через три минуты луна полностью спряталась в тучу, тускло позолотив ее темные края.

Торнике посмотрел на сапера и подал рукой сигнал трогаться. Сам он пополз следом за Бондаренко. Три остальных разведчика, выстроившись в линию, ползли за командиром на расстоянии четырех метров — посередке Зураб, слева Иракий, а справа Георгий.

Бондаренко был начеку, ничто не ускользало от его внимания, хотя он и знал, что ложбина не заминирована.

Вся пятерка ползла бесшумно, точно соблюдая дистанцию и стараясь ничего не упустить из виду.

Внезапно Бондаренко замешкался. Торнике угадал, почему остановился сапер, — впереди на расстоянии приблизительно трех метров валялся труп немецкого солдата.

Застыла на месте и троица, хотя и не понимавшая

причины задержки, но тем не менее ни на йоту не нарушившая дистанции.

Бондаренко рукой показал Гелашвили, что собирается подползти к труп и осмотреть его. В знак согласия Торнике кивнул головой. Сапер ползком подобрался к труп. Издали могло показаться, что какое-то страшное животное, задрав голову, обнюхивает труп.

Видно, залетная пуля убила немца, подобно им отправившегося на разведку. Оружия на нем не было, и Бондаренко понял, что вместе с оружием соратники достали из карманов убитого все, что могло пригодиться противнику.

Немец валялся, уткнувшись носом в землю. Смертельная рана зияла у него в боку. Возможно, его убило осколком мины. До земляной кучи, всхолмленной разрывом мины, отсюда было рукой подать.

Бондаренко обернулся назад и резким взмахом руки показал друзьям, чтобы они миновали это место стороной.

Все слегка сдвинулись и продолжали путь, хотя нет-нет да и посматривали туда, где Бондаренко разглядывал что-то. Вскоре и они увидели это «что-то» — распростертый ниц труп.

Золотистая кайма на одном из краев тучи сделалась шире. Торнике знал, что луна вынырнет из-за тучи с минуты на минуту. Взмахом руки он приказал ребятам поторапливаться, а сам обогнал Бондаренко.

Еще рывок, и они достигнут леса.

Пот ручьями стекал по лицам.

Следовало прибавить еще чуть-чуть.

Три минуты...

Две...

Одна..

Отдыхали они, ничком повалившись на землю.

Спустя мгновение луна избавилась от тучи, и ложбина вновь осветилась.

Зураб приподнял голову и заметил, что Торнике стоит на коленях, разглядывая окрестность. Бондаренко сидел, прислонясь спиной к стволу дерева, Ираклий и Георгий по-прежнему лежали, уткнувшись лицом в землю.

Зураб присел и взглянул на ложбину.

Торнике показал рукой, что пора двигаться дальше,

и пополз первым. Так передвигались они еще минут семь, пока не достигли чащобы.

Здесь все застыли на месте, ибо остановился Торнике. Он медленно поднялся на ноги, отряхнулся и сделал рукой знак, чтобы дальше за ним следовали пешком.

Целый час они шли молча, соблюдая все меры предосторожности: завидя валежник, обходили его стороной, бесшумно раздвигали ветви, всячески стараясь при этом не сбиться с курса.

Примерно в полутора часах ходьбы, как загодя предупредило начальство, располагалась дорога, идущая параллельно ложбине. Здесь они должны были залечь в засаде и захватить «языка».

Прошло еще полчаса. Они продвигались вперед, хотя и делая вынужденные крюки и зигзаги, но все же прямо, ни разу не сбившись с намеченного курса.

Разведчики выбились из сил. Пот заливал глаза. Зураб донизу расстегнул пуговицы гимнастерки и ладонью левой руки смахнул пот с лица.

Внезапно резко посветлело.

Торнике подумал, что они вновь выходят на открытое место, и приказал ребятам лечь. Минут десять они продвигались по-пластунски и вышли к дороге. Торнике убедился, как точно рассчитало командование расстояние и время. Не сводя с дороги глаз, разведчики позволили себе передохнуть несколько минут.

Дорога была утрамбована довольно хорошо. Перебраться через нее ползком не составило бы особого труда, но противоречило бы приказу. Торнике было ясно сказано: немцы, зная, что сил для наступления у нас пока не хватает, почти свободно передвигаются по дороге. Так будет еще денька два, покуда мы не подготовимся к натиску.

Если не подвернется подходящий случай, весь следующий день им придется проторчать в лесу, а ночью вновь попытать счастья.

Пошел уже второй час ночи. Коли за два часа не удастся захватить «языка», то одолеть ложбину на рассвете будет невозможно.

Бондаренко подполз к Торнике.

«Что будем делать, — одними губами спросил он. — Может, все же переберемся на ту сторону?»

Торнике отрицательно помотал головой.

Стрелять было нельзя. «Языка» непременно надо брать без лишнего шума, не забывая, что еще предстоит пройти через ложбину.

Через час на дороге показалась первая машина. Она ехала медленно, с тщательно замаскированными фарами. Рассеянная полоска света лишь метра на два освещала дорогу.

Сердца разведчиков учащенно забились. Машина прошла мимо. В кабине отчетливо виднелись два немца. Еще четверо с автоматами на изготовку стояли в кузове, охраняя какой-то груз, покрытый брезентом.

Когда машина проехала, к Торнике подполз Иракий. «Как быть?» — безмолвно вопрошал его взгляд.

Не зная, что ответить, Торнике пожал плечами.

Внезапно Бондаренко шепнул, что пойдет вверх по дороге, и, не дожидаясь ответа, пополз в лесную чащу. Потом, поднявшись на ноги, неслышно пошел вдоль дороги.

«Вверх, — хмыкнул Торнике. — Попробуй-ка разберись, где тут верх, а где низ».

Минут пятнадцать спустя Бондаренко вернулся назад.

— Наверху родник, не может такого быть, чтобы кто-нибудь не остановил там машину, — шепнул он на ухо Торнике.

Торнике взмахом левой руки дал сигнал трогаться. В правой руке он сжимал автомат.

Вскорости разведчики залегли поблизости от родника. К сожалению, родник журчал по ту сторону дороги. Все вдруг ощутили сильнейшую жажду и руки невольно поползли к фляжкам.

Но тут показался еще один грузовик. В кузове сидели солдаты. Машина остановилась у самого родника.

Торнике насчитал семнадцать немцев. Стрелять не с руки. Если даже перестрелять всех, захватив в плен лишь одного, убраться отсюда подобру-поздорову все равно не удастся. Оставался единственный шанс: взять «языка» без выстрела.

Торнике бросило в жар. Удастся ли еще увидеть сегодня немцев так близко? Один из солдат отошел от

группы и углубился в кусты. Каких-нибудь шесть шагов отделяло его теперь от Торнике, у которого так сильно но забилось сердце, что он не на шутку испугался, как бы его стук не достиг ушей немца. Вскоре немец присоединился к своим товарищам. Солдаты по очереди напились из родника, вновь уселись в машину и поехали дальше.

Торнике с сожалением мотнул головой и зло проводил грузовик взглядом.

Прошло еще двадцать минут. Дорога была пустынная.

— Не лучше ли двоим перебраться на ту сторону? — спросил Ираклий. — Если возле родника остановится машина, едущая вправо, тогда они окажутся на нашей стороне, и мы внезапно нападём на них. Но если машина покажется справа, она остановится прямо у родника и расстояние между нами будет в ширину дороги.

Не успел Ираклий закончить, как Торнике наострил уши. Сомневаться не приходилось, слева приближался мотоцикл. Вскоре глухой гул настолько усилился, что стало ясно — мотоцикл вот-вот покажется. Мгновение спустя забрезжил неяркий свет, за которым вырисовывались очертания мотоцикла.

От возбуждения Ираклий крепко сжал руку Торнике.

Бондаренко вынул нож. Зураб последовал его примеру.

Если мотоцикл остановится возле родника, все кончится в мгновение ока, но вздумай он промчаться мимо, дело неминуемо осложнится. Тогда придется прыгать на мотоцикл. Специалистами здесь были Торнике с Ираклием. Естественно, в такой ситуации не избежать было криков и шума.

Торнике и Ираклий приготовили ножи и дали друзьям знак, что нападать будут они.

Мотоцикл ехал очень медленно. Прыгнуть на него не представит особого труда. Главное — прыгнуть так, чтобы немцы не успели закричать. При лунном свете было отлично видно, что их двое. У сидевшего за рулем на лице что-то блестело.

«Что бы это могло так блеснуть?» — мелькнуло в мозгу Торнике, и тут же его осенило, что на носу у немца очки, в стеклах которых отражается лунный свет.

К счастью, приблизившись к роднику, мотоцикл вконец сбавил ход и остановился прямо у родника.

Разведчики, как по команде, затаили дыхание, как бы страшась, чтобы оно не выдало их.

Первым с мотоцикла соскочил тот, что сидел за рулем. Едва второй коснулся ногой земли, как Торнике с Ираклием коршунами налетели на них. Они обхватили их так, что ладонями левой руки зажали им рты, а правой приставили ножи прямо к горлу.

Бондаренко с Георгием налетели на немцев вторым эшелонем и мигом разоружили их. Не ожидавшие нападения немцы растерялись. Почувствовав у горла холодок лезвий, сверкавших при лунном свете, словно зеркало, они даже не подумали сопротивляться. Пока четверка тащила немцев в лес, Зураб бросился к мотоциклу, затолкал его в чащобу и так искусно замаскировал ветками кустарника, что и при дневном свете вряд ли кто смог бы его заметить.

В лесу немцам заткнули рот и веревкой связали руки за спиной.

— Ни звука, не то выпотрошим вас, что свиней! Вы «языки» и должны покорно следовать за нами. Даем воинское слово, что сохраним вам жизнь, — Торнике скороговоркой шепнул пленным на ухо специально заготовленные на этот случай и заученные наизусть фразы.

«За мной!» — махнул ребятам рукой Торнике, а сам пошел впереди группы. Одного из немцев поставили между собой Зураб с Ираклием, а другого — Бондаренко с Георгием.

Все шли осторожно. Даже немцы старались шагать бесшумно, прекрасно понимая, что, начнись погоня, они первыми распрощаются с жизнью.

Теперь главным делом было вовремя преодолеть ложбину. В лесу по ту сторону ложбины они уже будут в полной безопасности.

«Боже мой, какая тишина! Невозможно представить, что идет война и мы гоним пленных немцев», — думал по пути Торнике, радуясь, что все обошлось бла-

гополучно. Он считал операцию почти законченной, за-
ранее предвкушая торжество.

Когда они подошли к ложбине, было уже около пяти часов. Луна вот-вот собиралась опуститься на вершины елей. Еще немного, и она нырнет за деревья.

Торнике отдал приказ передохнуть. Все, включая немцев, дружно распластались на земле, хотя пленным пришлось для этого сначала опуститься на колени, а затем уж неловко завалиться на бок.

На то, чтобы преодолеть ложбину ползком, требовалось не меньше получаса. Да, еще каких-нибудь полчаса, и они будут недосыгаемы для погони.

Зураб оглядел немцев. Тот, что сидел за рулем, потерял очки. Он казался постарше, зато второй был совсем ребенком, Зурабов ровесник, не иначе, впрочем отсутствие даже малейшего намека на усы делало его и того моложе.

Зураб заметил, что кляп, которым был заткнут рот молоденького немца, закрывает еще и нос, затрудняя тем самым дыхание. Ползком приблизившись к «языку», он правой рукой придержал его лоб, а левой поправил кляп. Пот, ручьями струившийся по лбу немца, увлажнил руку, и Зураб вытер ее о штанину. Пленник с благодарностью взглянул на него.

От Торнике не укрылось движение Зураба, и насмешливая ухмылка скривила его губы. Кабы в этой теме Зурабу удалось увидеть ироническую гримасу командира, он без особого труда вычитал бы все, что за ней скрывалось: бедняжка, сразу видно, что ты впервые на задании.

Луна бесследно скрылась в лесу. Торнике дал сигнал приготовиться.

Внезапно сзади в небо взвилась зеленая ракета, осветив округу.

«Неужели нас обнаружили?» — мелькнуло в голове Торнике.

Ракета горела так ярко, что ложбина виднелась как на ладони.

За первой ракетой последовала вторая, за второй — третья.

А ведь Торнике надеялся, что стоит зайти луле, и они бегом одолеют ложбину.

Ракеты спутали все карты.

Теперь ложбину надо будет пересечь ползком. Иного выхода попросту не было.

Каждый понял, что перебежать ложбину равнозначно самоубийству.

Бондаренко подполз к командиру.

— Надо бы развязать им руки, иначе ползти они не смогут.

Торнике кивнул, дескать, ты прав.

Где-то позади послышалась пальба. Чуть в стороне застрочил автомат. Потом вновь тишина и ракеты...

Каждому стало ясно, что главная опасность еще впереди.

Стоило погаснуть ракете, как тут же вновь застрочил автомат.

«Неужели собираются начать наступление? — подумал Торнике. — Может, открылось, что мы захватили в плен этих двоих?»

— Так развязать? — переспросил Бондаренко.

— Погоди, а вдруг они придут в себя и, осмелев, окажут сопротивление либо попытаются бежать? Что тогда? Убить-то их легко, но ведь у нас другая задача — надо хотя бы одного доставить в штаб живым.

— Так что же делать?

— Одного из них надо пустить в расход. С одним будет проще добраться, а с двумя хлопот не оберешься, тем более, если придется вступить в бой.

Торнике искоса взглянул на молоденького: рядовой, вряд ли он что-либо знает, его-то и надо прикончить.

— Ты садись ему на плечи, а Иракий пусть подержит ноги. Да гляди, чтобы он не вытолкнул кляп, не то наделает шуму. Горло я перережу ему сам. С богом. И чтоб ни звука, ясно?

Взмахом руки Торнике подозвал к себе Зураба и Георгия. Они бесшумно подползли к командиру.

— Одного из них надо прикончить. Другого выхода нет. Ползти со связанными руками они не смогут, а развязать руки обоим опасно. Присмотрите-ка за ним, — Торнике мотнул головой в сторону пленного постарше.

— Как же можно так просто убить человека? — ужаснулся Зураб.

— Тебя об этом никто не спрашивает. Выполняй, что приказано!

Георгий положил руку на плечо Зураба, отползем-де в сторонку, но тот отвел руку товарища и вновь повернулся к Торнике.

— Ведь это убийство, дядя Торнике!

От сильного волнения он забыл, как надо обращаться к командиру.

— Убирайся прочь, сукин сын! Еще учить меня вздумал — убийство!

— Дядя Торнике!

— Убери его от меня, не то я и его порешу на пару с тем выродком! — приказал Торнике Георгию и вытащил нож. Бондаренко с Ираклием присели на корточки.

* * *

В кафе ресторана «Тбилиси» Торнике Гелашвили вошел один.

В вестибюле он столкнулся с тремя юношами. Все трое пристально посмотрели на него, потом нахмурились, и лица их приняли такое выражение, словно они учуяли какой-то омерзительный запах. Стремительно прошагав через вестибюль, троица вышла на улицу.

«Неужели и они знают, что я увидел в спальне?» — похолодев, подумал Торнике, ступил в зал и тотчас же отыскал глазами столик, за которым любил сиживать с друзьями.

Кафе было полупустым. От силы за пятью столиками сидели посетители. Но громкий говор и смех все же заполняли пространство зала. За одним из столиков, у самого входа в ресторан, даже пели. Пели что-то шуточное, сопровождая каждое слово взрывами громового хохота.

Внезапно в зале воцарилась тишина, могильная, ошеломляющая тишина...

Все уставились на Торнике Гелашвили.

Торнике ощутил, как два десятка пар глаз пронзили его тело.

«Почему они смотрят на меня, как заговорщики?»

«Может, и они успели прознать обо всем?»

«Может, уже весь Тбилиси, вся Грузия знают, что стоит в моей спальне?»

У Торнике Гелашвили отяжелели ноги, и он окаменел на месте.

Все посетители, ни разу не сморгнув, не сводили с него неподвижного взгляда.

Наконец Торнике преодолел волнение вперемежку со страхом и направился к облюбованному столику. Подсев к столику, он тут же поглядел на часы. По его расчетам, Петре Цицишвили и Давид Хеладзе уже должны были быть здесь.

Неожиданно четверка, сидевшая за соседним столиком, — трое мужчин и одна женщина — суетливо поднялась и заспешила к выходу.

«Верно, актеры, — заключил Торнике, скользнув взглядом по одежде уходивших. — Почему же я не видел их здесь прежде?»

В обеденную пору в кафе «Тбилиси» ходили в основном одни и те же посетители. Торнике сразу определял «новеньких». Прекрасно знал он и то, где кто любит сидеть. Все, как правило, садились за свои столики. Если в два часа за каким-либо из облюбованных столиков оказывались посторонние, это непременно были «чужаки».

Торнике вновь взглянул на часы. Была половина третьего. И он невольно посмотрел на дверь. Друзей было не видать.

Торнике осмотрелся по сторонам и поразился. Те трое, сидевшие за два столика от него, сначала пересели к дальнему столику, а чуть погодя сделали знак официанту, что ничего заказывать не будут, и тут же поспешно удалились.

«Неужели они покинули кафе из-за меня?» — изумился Торнике.

Одновременно, как по сигналу, дружно повскакали со своих мест сидевшие и за остальными тремя столиками, спешно рассчитались с официантом и чуть ли не бегом покинули кафе. Иные зажимали нос руками, словно спасаясь от невыносимой вони.

«Боже мой, неужели все знают о происшествии в моей квартире? Неужели и от меня несет трупным смрадом, так же как и от тех трех юношей, смрадом которых насквозь провоняла моя квартира?»

Пробило три часа.

Внезапно Торнике увидел в холле Давида.

И почувствовал невыразимое облегчение. Глаза его засветились радостью.

Давид Хеладзе, просунув голову в дверь, осмотрел зал, не обратив никакого внимания на просиявшего Торнике.

Неожиданно Давид повернул назад.

— Давид! — сдавленным голосом окликнул его Торнике.

Давид Хеладзе замер на месте. И простоял так некоторое время, словно страхась оглянуться. Потом медленно повернулся и направился к Торнике.

Торнике успокоился. Вот теперь-то все будет по-старому, подумал он, доставая из кармана трубку.

— Здравствуй, Торнике!

— Что с тобой, старина, что тебя напугало так? — вместо приветствия спросил Торнике.

— Что-то нездоровится мне, извини, побегу-ка я домой, отлежусь маленько.

Давид повернулся к Торнике спиной так быстро, словно боялся, как бы тот не успел что-то сказать. А затем с непривычной для своего возраста резвостью проследовал к выходу.

Опешивший от изумления Торнике держал в руке зажженную спичку до поры, пока огонь не обжег пальцы.

«Господи, не пригрезилось ли мне все это?»

Торнике в сердцах бросил спичку в пепельницу и стукнул трубкой о стол.

Дверь, ведущая в ресторан, за которой находился еще и буфет, медленно приоткрылась и в ней показались круглое лицо и испуганные глаза официантки.

К Торнике она подошла с оглядкой, что-то недовольно бормоча себе под нос, и остановилась возле его столика дальше, чем обычно. Потом произнесла с каким-то мокрым омерзением:

— Звонил ваш друг Петре и просил передать, что прийти сегодня не сможет!

Еще одна жилочка оборвалась в сердце Торнике.

«Неужели и Петре узнал?»

«И то сказать, откуда он мог узнать, если кроме меня никто ничего не знает о моей беде?»

— Что вам подать? — отрезвил его придуренный голос официантки.

Торнике поднял глаза на женщину. Официантка стояла, отвернув лицо в сторону и зажав нос двумя пальцами. По ее измученному виду можно было заключить, что она задыхается от вони и вот-вот хлопнется в обморок.

— Ничего!

Торнике поднялся и спрятал трубку в карман.

Официантка поняла, что Торнике собирается уходить, и, уже не сдерживаясь, чуть ли не бегом исчезла за дверью.

Потрясенный, окончательно упавший духом Торнике постоял некоторое время у столика в опустевшем кафе, а затем шаркающим шагом надломленного столетнего старца поплелся к выходу.

Внезапно за спиной у него послышались звук шагов и шорох. Торнике остановился и медленно обернулся. Все три официантки, обслуживающие кафе, буфетчица и гречанка, варившая кофе в кофеварке, дружно высыпали в зал и расширенными от страха глазами смотрели вслед Торнике.

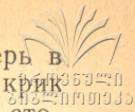
Путь вперед был как бы отрезан. Торнике беспомощно поглядел в сторону улицы и вздрогнул, узнав давешнюю тройцу, столкнувшуюся с ним в вестибюле. Все трое упирались руками в стекло витрины и, прижавшись лбами к стеклу, сквозь пальцы смотрели на то, что творилось внутри.

«Все знают, наверняка все знают».

Нерешительным шагом он вышел в вестибюль. Стеклопанельная дверь сама по себе закрылась за ним.

Стоявшие в вестибюле люди согласно отступили назад, словно освобождая путь к выходу, и застыли в прежних позах.

Торнике чувствовал уколы со всех сторон вонзившихся в него взглядов. С грехом пополам он сделал еще два шага, но тут ноги у него подкосились, и он рухнул на пол.

Вчерашней ночью, когда он приоткрыл дверь в спальню и зажег свет, из горла у него вырвался крик ужаса. В комнате, на том самом месте, где раньше стояла кровать его покойной жены, возвышался гроб. Кто-то принес два табурета из кухни и водрузил на них гроб.

Он тотчас же догадался, кто лежит в гробу. Все тело покрылось холодной испариной. Лицо его сначала пошло багровыми пятнами, а затем позеленело. Вдруг всем его существом овладело чувство, что вот-вот он растает, как лед, и жидкостью растечется по полу. Кости в его теле словно бы разлетелись на осколки и посыпались вниз, в ноги.

И гроб был странный. Никогда еще не доводилось видеть таких гробов Торнике Гелашвили. Приблизительно там, где должны были находиться плечи покойника, и внизу гроба, и в его крышке зиял круглый вырез. Покойник просунул в него руки и уложил их на крышку гроба, крепко сцепив пальцы.

Покойник был одет в воинскую гимнастерку. Рукава на запястьях — наглухо застегнуты на все пуговицы.

«Это он, он!»

Торнике захлопнул дверь и еще долго не отнимал руки от дверной ручки. Потом повернулся, едва дотащился до кресла и как подкошенный опустился на кожаное сиденье.

«Что теперь делать?»

«Что теперь делать?»

«А может, пока на дворе ночь, вынести отсюда гроб и схоронить его где-нибудь?»

«Кто принес его?»

«Кто принес его?»

«Кто принес его?»

Эти три слова, словно мельничный жернов, крутились в мозгу Торнике Гелашвили.

Он не помнил, сколько времени просидел так в кресле.

«Кто принес его?»

«Кто принес его?»

Тяжело вращался огромный мельничный жернов.

«Может, те юноши со странно светящимися руками?»

Сознание постепенно упорядочилось. Он понял, что рано или поздно это должно было случиться. Да, теперь он понял, что ждал именно этого, к тому же гораздо более ужасного, даже в тысячу раз более ужасного.

Чего же он все-таки ждал и почему?

До этой самой минуты, пусть даже очень захоти, он вряд ли смог бы сказать, чего и почему ждет. Ждал так, внутри. Впрочем, говоря точнее, он не думал об этом ожидании. Просто какая-то непонятная печаль пристала к нему, мало-помалу подтачивая нервы. Лишь теперь понял он, что печаль та была как раз ожиданием чего-то, ожиданием неопишьюемого ужаса.

«Кто принес его?»

«И как им удалось открыть дверь?»

«Или чего они ждали до сих пор? Или, или, или...»

Множество «или» родилось в те минуты в его мозгу, но ни на одно из них он не сумел дать ответа.

«Что же мне делать теперь? Что предпринять?»

«Что же мне делать теперь? Что делать? Что делать?»

В тысячный раз спрашивал он себя.

И наконец убедился, что ничего сделать не сможет. В гробу покоем Зураб. Он узнал его руки. Хотя, не узнай он их, все равно догадался бы, чей труп принесли в квартиру.

Торнике Гелашвили окончательно убедился, что судный день настал.

* * *

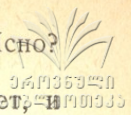
Гелашвили искоса глянул на юношу и сделал знак Бондаренко, что убить следует именно его.

— Дядя Торнике, не надо этого делать! — громким шепотом взмолился Зураб.

— Заткнись, не то я и тебя за ним отправлю!

— Дядя Торнике, идите сначала вы и возьмите с собой того немца. Стоит вам перебраться на ту сторону, этого поведу я сам. Надумает бежать, я его тут же прикончу. Если меня даже обнаружат, вы будете в безопасности.

— Теперь не время для жалости и экспериментов.

Война теперь, и нам надо выполнять задание. Ясно? И никаких разговоров, иначе...

Немцы почуяли, какая опасность их ожидает, и жалко захлопали глазами, следя в то же время за каждым движением разведчиков.

— Дядя Торнике!

— Какой я тебе дядя, уберите от меня это собачье отродье и научите его, как надо обращаться к командиру, — прошипел Торнике. У него так и чесались руки хватить Зураба прикладом автомата по голове и сбить его с ног.

— Иди сюда, — шепнул на ухо Зурабу Георгий. — С этим делом мы управимся сами. Отойди в сторону и позаботься, чтобы тот, другой, не вытолкнул кляп и не закричал.

— Присмотри за тем немцем, а на нас даже не смотри. Что поделаешь, братец, война, — проговорил Ираклий и подполз к Торнике.

— Поглядывай за Зурабом, как бы он не сделал какой-нибудь глупости, — процедил Торнике сквозь зубы.

Остальное свершилось быстро.

Торнике Гелашвили сделал Бондаренко знак, что пора приступать к делу. Бондаренко прыгнул немцу на спину, налег на него всем телом, а руками крепко вжал его голову в землю. Георгий ухватил немца за ноги, Торнике выхватил финку.

В темноте, пронизанной лунным светом, странно блеснула сталь.

Ираклий приглядывался то к Зурабу, то ко второму немцу, то наблюдал за действиями товарищей. Когда Торнике выхватил финку, Ираклий, почувствовав, что Зураб вот-вот закричит, бросился на юношу и зажал ему рот ладонью.

Крик застрял у Зураба в горле. Правой рукой Ираклий надавил юноше на затылок и прижал его зажатый ладонью рот к земле. Зураб едва дышал.

Вдруг до слуха его донесся жуткий хрип.

Рыдания сдавили Зурабу горло. Ладонь, зажавшая рот, не давала звукам возможности вырваться наружу, и юноша глухо скулил, подобно щенку.

— Тише, сукин сын, чего ты реवेशь! — расшвырнул Ираклий. Ладонь, сжимавшая Зурабов рот и вдавленная в землю, страшно болела.

Остальные, убедившись, что немец бездыханен, отползли подальше от трупа.

— Смотри-ка у меня, чтобы без глупостей! — Ираклий вложил в шепот и приказ и просьбу. Потом он сполз с Зураба и высвободил руку.

Зураб медленно приподнял голову.

Первое, что бросилось ему в глаза, это как Торнике вытирает о гимнастерку убитого залитое кровью лезвие финки. Труп со связанными руками валялся в сторонке. Лица не было видно. Внезапно труп дернул ногой и несколько раз провел ею по земле.

Торнике посмотрел на Зураба и понял, что тот беззвучно плачет.

«Черт попутал меня взять этого молокососа!» — со злостью подумал он.

Луна уже спряталась за деревьями.

«Надо торопиться, иначе рассветет», — решил Торнике и повернулся к Ираклию.

— Успокой этого слюнтяя и двинемся, не то нас всех порешат.

— Ну, ну, ты ведь мужчина. Возьми себя в руки. Война, она и есть война, хочешь, чтоб мы все полегли тут из-за какого-то паршивого фрица?

— Ну как, успокоился? — спросил Ираклия Георгий.

— Да, пойдём.

— Впереди пойдет Бондаренко, — приказал Торнике.

— Вы поставьте немца посередке, а мы с Зурабом прикроем вас с тыла.

— Сзади останемся мы с Зурабом, так будет лучше! — сказал Ираклий.

— Ладно, так тому и быть! — Торнике понял, что Ираклий прав. Пребывание рядом с ним могло еще больше расстравить Зураба.

Торнике подполз к немцу, со страхом взиравшему на движения каждого из них. Хотя, говоря по правде, он уже знал, что его не убьют.

Торнике финкой перерезал веревку на пленнике, нашептывая при этом ему на ухо заученную фразу:

следуй-де за нами без звука, иначе прирежу, как свинью.

Немец в знак согласия закивал головой.

Первым пополз вперед Бондаренко.

Остальные последовали за ним в условленном порядке. Слева от немца полз Георгий, справа — Торнике, Ираклий и Зураб ползли чуть сзади.

Минут десять они ползли спокойно.

Внезапно в небо взвилась ракета, и зеленый свет осветил округу.

Все вжалось в землю.

Немец первым уткнулся носом в траву, но Торнике, во избежание случайностей, все же нащупал левой рукой его затылок.

Как только ракета сгорела, разведчики поползли дальше.

Еще минут десять они ползли в темноте. Лес уже был рядышком, еще с десятков минут, и они будут в безопасности.

Еще восемь минут.

Семь...

«Может, встать и оставшееся расстояние одолеть бегом? Тогда через минуту мы будем в лесу», — подумал Торнике и вытер пот со лба.

«Нельзя, — тут же отказался он от соблазна. — Может, где-то тут залегли снайперы, с того и запускают ракеты?»

Не успел он до конца додумать эту мысль, как новая ракета прочертила небо. Все опять припали к земле. Рука Торнике вновь нащупала затылок немца. Пот заливал глаза и лез в рот. Когда ракета погасла и они продолжили путь, Торнике вытер лицо рукавом гимнастерки.

Еще пять минут, четыре, три...

Всех охватило волнение, словно разом сдали нервы, словно вконец истощилось терпение.

— Быстрой, Зураб, еще немножко, и мы вне опасности! — донесся до Торнике голос Ираклия.

Всю дорогу Зураб вел себя спокойно. При вспышке ракеты он, подобно другим, покорно утыкался носом в землю.

Еще минута, и они очутились в лесу. И без сил навзничь попадали под деревья.

— Свяжи руки тому сукину сыну! — приказал Торнике Георгию.

— Куда он денется, дай отдышусь чуток!

— Нашел дурака убежать! Для него война кончилась, пересидит преспокойненько в лагере для военнопленных, не то что мы!..

Немец понял, что разговор идет о нем. Давным-давно он понял и то, что его уже не убьют. Поэтому при виде веревки он покорно протянул Георгию руки. Георгий вновь связал ему руки за спиной, и после небольшого отдыха они продолжили путь.

В лесу стало постепенно светать. Разведчики шагали бодро, позабыв недавние страхи. Да и переговаривались они громче прежнего.

Через полчаса порядком рассвело.

Лишь теперь заметил Зураб, что Торнике и Бондаренко замараны кровью. И вновь ему сделалось тяжело на душе. И вновь он услышал ужасающее хрипение.

— Что, тяжело? — спросил вдруг Торнике и в знак примирения взял его под руку. — Не бойся, мы уже вне опасности. Видишь, какого отличного немца мы ведем? Чего тебе еще надо, ты, батенька, видать, под счастливой звездой родился.

Зураб молчал и вышагивал, понуря голову, с тяжестью на сердце. Потом он чуть замешкался и постепенно отстал от Торнике.

Сделалось совсем светло.

Небо на востоке заалело.

Вокруг по-прежнему царил тишина. Невозможно было даже представить, что здесь проходит линия фронта.

Лес был таким чистым, что казалось, его только-только тщательно подмели. Воздух был недвижим. Не слышать было и птичьего щебета. Видно, на подходах к фронту вымерло все живое.

Торнике Гелашвили шел впереди. За ним гуськом следовали Бондаренко и немец со связанными руками. Замыкали шествие Георгий, Зураб и Ираклий.

Зураб почти машинально передвигал ноги. В его мозгу вертелись тысячи незавершенных мыслей. Где-то

далеко, в недрах тела, он ощущал страшную боль. Трудно было даже предположить, что в теле могут существовать подобные глубины, так далека, но вместе с тем так остра была эта боль.

В ушах по-прежнему звучало отвратительное хрипение.

Стоило разведчикам оказаться в безопасности, как все они вдруг ощутили страшную усталость и жажду. Фляги были пусты, к тому же сказывалась бессонница.

Торнике подал сигнал к привалу.

Разведчики с облегчением уселись на землю полукругом, привалясь спинами к стволам деревьев.

Лишь связанный по рукам немец не знал, как поступить, и вопросительно посмотрел на Торнике. Торнике махнул ему рукой, садись, дескать. Немец послушно припал к дереву плечом и медленно опустился на землю.

— Развяжем ему руки, куда он теперь денется. Радоваться должен, коли не дурак, что в плен угодил, — сказал Ираклий.

— Делать тебе нечего? — нахмурился Торнике.

Георгий молча уставился в землю, думая свою думу.

Зураб не сводил с Торнике Гелашвили настойчивого взгляда.

Гелашвили ощутил жжение горячих глаз Зураба.

— Ну что, парень, чего ты смотришь на меня с такой злостью? Черт меня попутал взять тебя с собой!

— Ты — убийца! — прохрипел внезапно Зураб.

Георгий мигом пришел в себя, Ираклий присел на корточки. Бондаренко чутьем угадал, что сказал Зураб по-грузински.

— Заткнись, собачье отродье! — процедил сквозь зубы Торнике и потянулся за автоматом.

— Ты — убийца! — вновь повторил Зураб. Кровь ударила ему в голову, в глазах потемнело, жилы на висках вздулись.

— Успокойся, Зураб! — вскочил на ноги Ираклий.

— Ну, ну, незачем вам ссориться! — сказал Бондаренко.

— Ты — убийца, слышишь, убийца! — громко прежнего крикнул Зураб, собираясь подняться.

— Заткнись, ты... — хрипло гаркнул Торнике.

— Зураб!

— Замолчи, Зураб, что ты мелешь!

Голоса Ираклия и Георгия донеслись до Зураба откуда-то издали.

— Ты — убийца! — вскочил наконец Зураб, и тут же раздался звук стрельбы.

Выстрелов было два. Точнее, один последовал за другим, да так слитно, что могло показаться — был всего один-единственный протяжный выстрел.

Зураба качнуло назад, словно сила, идущая от Торнике, ударила его в грудь. Зашатавшись, он инстинктивно схватился руками за сердце.

Воцарилась тишина.

Все окаменели, не сводя глаз с Зураба.

Мутный взор Зураба прояснился, гнев улетучился, и теперь он словно бы в бесконечном изумлении детскими глазами смотрел на Торнике Гелашвили.

Вдруг между его пальцев, крепко прижатых к сердцу, показалась кровь. Зураб шатаясь повернулся и посмотрел туда, где вот-вот должно было взойти солнце. Затем дважды покачнулся, но удержался на ногах.

Все поняли, что рана смертельна. Они словно вросли в землю, не зная, что предпринять.

Ираклий застыл, стоя на ногах. Георгий, Бондаренко и немец окаменели на коленях. Торнике бессмысленно уставился на трепещущие плечи Зураба. Автомат все еще был у него в руках. Он никак не мог сообразить, когда решил стрелять или когда нажал на спуск.

Зураб все еще глядел на светлеющее небо, как бы дожидаясь восхода солнца, чтобы затем упасть и испустить дух.

Вскоре первый луч проник в лес. У Зураба подкосились ноги. Он качнулся назад и, раскинув руки, плашмя повалился на землю. Грудь его была окрашена кровью. Стрельбы крови вытекала и из полуоткрытого рта.

Все, не сговариваясь, повернули головы к Торнике. Торнике как будто опамятавался.

— А как вы думали! Не время теперь нюни распускать, вся страна в огне! Достаньте у него документы, рядовой Бондаренко! — затем, повернувшись к Ираклию, показал глазами, чтобы тот прихватил с собой Зурабов автомат, лежавший под деревом.

— Похоронить бы его надо! — сказал Ираклий.

— Пошли, тебе говорят. Или, может, запомнил, что нам еще задание выполнить нужно?!

Решение Торнике было окончательным.

Ираклий вслед за Бондаренко склонился к убитому. Пока Бондаренко доставал документы из запачканного кровью нагрудного кармана гимнастерки, он закрыл Зурабу глаза. Ираклию казалось, что труп уже успел остыть, но как же он поразился и даже вздрогнул, когда пальцы коснулись горячих щек покойного. А еще Ираклий удивился тому, что не плачет. Удивился оттого, что чувствовал, как болит сердце и как ему жаль Зураба.

— Нельзя оставлять его непохороненным! — выдал из себя Георгий.

— Пошли, тебе сказано. Как я сказал, так тому и быть! — Торнике вновь взял автомат на изготовку.

— Чего ты орешь? Человека убил, а теперь даже хоронить его не желаешь? — рассвирепел Ираклий.

— Кабы я его не прикончил, он бы меня убил. Не видели разве, как он на меня пошел!

— Лжешь! Нервы тебе изменили, с того ты и выстрелил! — не унимался Ираклий.

Торнике Гелашвили знал, что Ираклий прав.

Ему казалось, что в грудь вместо сердца вложили сосуд с ледяной водой, который вот-вот лопнет и разлетится на осколки от чрезмерного холода. Все еще потрясенный и оглушенный, он тем не менее подсознательно догадывался, что совершил. Он чувствовал горькие угрызения совести и безграничное сожаление. Теперь следовало поскорей убираться отсюда, как можно скорей.

Торнике всячески избегал смотреть на труп Зу-

раба. Никогда прежде не боялся он мертвецов, но теперь им овладел панический ужас.

— Нельзя оставлять его непохороненным! — до повторил Георгий.

— Так вы опять за свое? Сказано ведь—пошли, и дело с концом! — Торнике вновь взял автомат на подготовку и взвел курок. Глаза его безумно сверкали, а рука, лежавшая на гашетке, так дрожала, что всеми овладел страх. Было ясно, опаматовавшийся Торнике Гелашвили безмерно терзается содеянным и не в силах больше видеть труп. Еще немного, и он вполне способен натворить худшее...

Разведчики с тяжестью на сердце еще раз жалостливо взглянули на покойника, покачали головой и дали немцу знак трогаться. Все трое были готовы схватить фрица за горло и придушить его, не сходя с места. В гибели Зураба они все почему-то винили этого злополучного «языка». Немец в страхе таращил глаза, не понимая, за что убил командир подчиненного.

Торнике Гелашвили пропустил товарищей вперед. Ему очень не хотелось еще раз увидеть труп Зураба, но взгляд невольно обратился к нему. К тому же терзала мысль, что товарищи заметят трепет, страх и сожаление, владевшие всем его существом. Потом он медленно повернулся и с тяжестью на сердце последовал за однополчанами.

* * *

Торнике Гелашвили разбудил звук выстрела. Выстрелили дважды, один раз за другим, да так слитно, что могло показаться — был всего один протяжный выстрел.

От холода сводило члены.

Спросонок ему померещилось, что он спит в ложбине. Но потом вдруг вспомнился сердечный приступ в вестибюле ресторана и на сей раз показалось, что он по-прежнему находится там. Торнике резко потянулся, огляделся вокруг и постепенно различил свою дешевую, строгую, больше подходящую для учреждения, нежели для квартиры люстру, старинный сервант, стол и стулья.

Он понял, что находится дома и спит, сидя в

кресле. И никак не смог вспомнить, добрался ли он /
восвояси сам или с чьей-либо помощью. 041935940
782 0000000000

В ушах все еще свистел какой-то протяжный вы-
стрел, точнее два выстрела, слившиеся в один долгий
выстрел.

Откуда он помнит звук такого выстрела?

Бывалого воина не мог удивить какой бы то ни
было выстрел, но звук, свистевший у него в ушах, при-
надлежал совершенно иному выстрелу.

Он, разумеется, отлично помнил, когда услышал
звук такого выстрела.

«Господи, может, все это кошмарный сон?»

Подниматься Торнике не торопился, стремясь со-
хранить в душе хотя бы признак надежды, что все,
происшедшее с ним в эти дни, действительно было дур-
ным сном.

Наконец он все же встал, крадучись подошел к
двери спальни и медленно приоткрыл ее. В ноздри ши-
банул такой смрад, что он едва не упал. Прежде чем
поспешно захлопнуть дверь, Торнике успел увидеть
гроб. Руки покойника по-прежнему были скрещены
на крышке гроба.

Смрад разлагающегося трупа обьял и гостиную.
Задержав дыхание, Торнике бросился к окну и настезь
распахнул его. Но выглянув на улицу, он вздрогнул.
Перед домом толпилась уйма народу. Все, задрав го-
ловы, смотрели вверх. Взоры двух сотен пар глаз, слив-
шись в один, вонзились в Торнике.

И тут же, точно так, как разбегаются врассыпную
тараканы, стоит только зажечь свет, толпа рассыпа-
лась и исчезла.

«Все знают, все узнали!»

«Видно, лишь мои дети остаются в неведении, ина-
че давным-давно примчались бы сюда...»

«Господи, хотя бы дети не прознали про то, какая
напасть со мной приключилась».

«Что делать, как поступить?»

«Надо бы вынести кровать в гостиную, а дверь в
спальню наглухо закрыть, чтобы никто туда не загля-
дывал».

«Нет, кровать выносить не следует. А что, если де-

ти спросят, зачем я это сделал? Как мне тогда объяснить?»

При воспоминании о детях сердце у него остановилось. Дочь навещала его раз в неделю, чтобы прибрать квартиру. У нее свои ключи. Если отца не бывало дома, она открывала дверь своими ключами и тщательно наводила в квартире порядок.

«Если дочь увидит гроб, она сойдет с ума от страха. Как же объяснить ей тогда, кто покойник?»

Торнике в отчаянии опять опустился в кресло. Холодный пот выступил у него на лбу. И вновь он ощутил болезненное вращение тончайшей иглы в груди. Вытащив из кармана платок, он вытер лоб. Платок намоч так, словно его опустили в воду. Возьму другой, решил он было встать, но тут же вспомнил, что платки хранятся в шкафу в спальне. Он не желал больше видеть скрещенные на крышке гроба исхудавшие руки со странно светящимися пальцами.

С трудом поднявшись на ноги, Торнике подошел к окну, крепко выжал платок и краем глаза оглядел улицу. На сей раз на улице не было ни души. Он вновь возвратился к креслу и как подкошенный рухнул в него. Уперев взгляд в потолок, он довольно долго просидел, не шевелясь и не мигая. Со стороны могло показаться, что он умер, не закрыв устремленных в потолок глаз.

Он не помнил, сколько времени просидел так.

Внезапно вновь послышался звук выстрела.

Собственно, выстрелов было два, но один последовал за другим так слитно, что могло показаться — был всего один-единственный протяжный выстрел.

При звуке выстрела Торнике подпрыгнул и вывалился из кресла. Кресло перевернулось и ударилось о стену.

Торнике Гелашвили попытался встать, но голова у него закружилась. Опершись на руки, он почувствовал, как накренился пол. И тут же упал и распластался на полу. Сначала комната раскачивалась из стороны в сторону, затем вдруг завертелась, и пол оказался на месте потолка. Торнике почудилось, что он, подобно ящерице, припечатан к полу, обратившемуся в потолок.

Его охватил страх, жуткий страх, что он сверзнется на потолок, обратившийся в пол. Торнике всем телом вжался в пол, словно пытался прилипнуть к нему. Ног-

ти так крепко вонзились в паркет, что боль молотом была прямо в голову. Придавленная к полу щека страшно горела. Не обращая внимания на боль и изо всех сил налегая на правую руку и ногу, он старался перевернуть комнату обратно и поставить ее на место. Налегал он так сильно, что кости на правой стороне трещали.

Наконец комната слегка качнулась. Надежда зародилась в душе Торнике, и он собрал последние силы. Комната медленно перевернулась и возвратилась в обычное положение.

Торнике с облегчением вздохнул, попытался встать, но сил уже не было. Успокоенный и расслабленный, он погрузился в глубокий сон.

Пробудившись, он решил, что проспал целую вечность. Страшно ломило запястье. Правая рука и нога затекли так сильно, что он был не в состоянии даже пошевелить ими. Приплюснутая к полу щека полыхала от жара, и весь он был в поту.

Сначала он подергал правой рукой и ногой, с трудом ощущая, что затекшие и онемевшие конечности все еще принадлежат ему. Торнике долго барахтался, распластавшись на полу. Наконец, когда кровь толчками пошла по жилам, он медленно поднялся.

К великому удивлению, он чувствовал себя довольно спокойно. И понял, что спокойствие это было отчаянием беспомощного человека, смирившегося со своей участью.

Выглянув в окно, Торнике вздрогнул. На улице он увидел того длинноволосого высокого мужчину в очках, который давеча неподвижно сидел в саду.

Незнакомец вышагивал под его окнами, не глядя наверх. Заложив руки за спину, он неторопливо расхаживал взад и вперед.

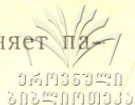
Сознание Торнике Гелашвили словно бы осветилось, и он вспомнил, где видел этого мужчину в очках с толстенными стеклами и эти мешки под глазами, видневшиеся за стеклами очков.

«Это он, дай бог припомнить его имя, это наверняка он!»

Торнике напряг память.

«Это он, наверняка он, и, если мне не изменяет па-
мать, зовут его Василий!»

* * *

— Не угостите ли сигаретой, сударь мой? — заста-
вил вздрогнуть задумавшегося Торнике раскатистый
бас.

Очнувшись, он взглянул на незнакомца. Сам Тор-
нике был довольно высокого роста, во всяком случае
выше среднего, однако незнакомец смотрел на него
сверху вниз. И это вовсе не оттого, что незнакомец сто-
ял повыше него на подъеме. Может, этот подъем и уве-
личил на несколько сантиметров разницу в их росте,
однако все же незнакомец был гораздо выше Торни-
ке... Длинные седые волосы падали ему на плечи, а
толстые оптические стекла очков не могли не обратить
на себя внимания. На нем был черный, лоснящийся от
частой глажки костюм. Ворот старомодной белой ру-
башки стягивался таким же старомодным широким гал-
стуком. За стеклами очков виднелись припухшие веки
и мешки под глазами. Видно, незнакомца беспокоили
почки.

— Извольте, — Торнике достал из кармана пиджа-
ка коробку сигарет и протянул ее незнакомцу. И при
этом удивился — в таком возрасте такие люди...

— Ого, московские? Сказать по правде, отменные
сигареты, но, на мой вкус, наши «Колхети» лучше.

Незнакомец выудил из коробки сигарету и воткнул
в зубы.

Торнике положил коробку в карман и собрался бы-
ло уйти, но заметил, что незнакомец и не думает дви-
гаться с места, дожидаясь, как видно, чтобы ему дали
прикурить.

— Я вижу, у вас и спички не водятся? — с улыбкой
ввернул насмешливую укоризну Торнике и вытащил
из кармана спички. Он явно не был настроен на разго-
вор с незнакомцем.

«Где я видел этого человека?» — думал Торнике,
но память по-прежнему не отзывалась, и он ни за что
не смог вспомнить, где познакомился с ним.

Незнакомец, никак не отреагировав на насмешли-
вую укоризну Торнике, взял у него спички и неторопли-
во закурил.

«И знаю ли я его вообще? Верно, я никогда его не видел, иначе ни в коем случае не запомнил бы эти длинные волосы и такие толстые стекла очков», — заключил Торнике и почувствовал такое облегчение, словно разрешил какую-то большую проблему.

— Если позволите, я продолжу путь вместе с вами! — незнакомец вернул Торнике спички, встал с левой стороны и взял его под руку.

«Он, видно, левша!» — решил Торнике, когда незнакомец взял сигарету в левую руку. При этом Торнике не на шутку осерчал и вознамерился было сказать: «Вы слишком назойливы, мне некогда болтать с вами», но длинноволосый не дал ему вымолвить ни слова.

— Сегодня я был в весьма дурном настроении, сударь мой, сказать по правде, я не высидел дома и вышел на улицу.

«Откуда он шел, когда остановил меня? — задумался Торнике. — Разумеется, с противоположной стороны, ведь он стоял выше, когда попросил сигарету».

И это заключение не было ошибочным, незнакомец действительно шел в противоположную сторону. Но в отличие от предыдущего сие верное заключение не доставило Торнике особой радости, ибо он понял, что избавиться от незнакомца будет нелегко.

«Кто он по профессии?» — Торнике оглядел незнакомца злым взглядом.

Точнее было бы сказать, что он желал его оглядеть, однако очкарик так крепко держал Торнике правой рукой, что у него невольно возникло сомнение, а вправду ли тот левша.

Торнике удалось увидеть лишь энергичный профиль спутника, и его охватило уныние. Незнакомец оказался выше него на целую голову. К тому же у Торнике возникло чувство, что он торчит под мышкой у этого длинноволосого гиганта со слегка выпяченным животом.

«Сколько ему все-таки может быть лет? Верно, лет эдак шестьдесят пять или чуть больше...»

— Да, да, сказать по правде, я не выдержал сидения дома и меня снова потянуло на улицу...

«Хм, сказать по правде...»

— Взгляните на сие строение, сударь мой, на эти

жалкие бетонные кубики. Разве может обрести человек покой в его стенах? Да что там покой, душе некуда деться, сударь мой, душе! Ужасно, когда стены шатаются!

Незнакомец остановился, не выпуская руки Торнике. На сей раз он крепко обхватил его локоть своими длинными, сильными пальцами и заглянул в глаза собеседника, интересуясь, какое впечатление произвела на него фраза, произнесенная твердым баритоном с подчеркнутым артистизмом.

«Ему никак не больше шестидесяти», — заключил Торнике и с отвращением посмотрел на длинные пальцы незнакомца, мертвой хваткой вцепившиеся в его локоть.

— Головой я упираюсь в потолок и даже вполвину не могу распрямить руку — тут же утыкаюсь в потолок. Полное ощущение, словно я вмурован в стену, а сверху лениво сыплют бетон, потихоньку цементируя меня. Вот-вот на голову обрушится еще одна лопата бетона, и мою душу навечно вцементируют в этот жуткий бункер! И не до плоти уже, сударь мой, душу, душу живую вцементируют навечно!

Пауза, горящие глаза, а затем, понизив голос, доверительно:

— И знаете, какой это кошмар — распластанная, расплющенная, раздавленная душа замурованного в бетонную массу человека? — Пауза, вновь горящие глаза, затем, опять взяв Торнике под руку, насмешливым тоном: — Потом заявится какой-нибудь досужий ученый, изучит качество потрескавшегося железобетона и, обнаружив расплющенную, покрытую белыми пятнами пупырчатую душу, авторитетно заключит, что это производственный брак.

«Не инженер ли он? Ни в коем случае!»

— Сказать по правде, сегодня я стал свидетелем одной страшной истории. Целый день я переполошен. Никак не смог усидеть дома. Знаете ли вы, юноша, что значит одиночество?

«Юноша... Разве можно человека старше тебя, мужчину чуть ли не семидесяти лет называть юношей?»

— Одиночество, одиночество! (Пауза). Какое сиротство своей трагичностью может идти в сравнение с

одиночеством души? «Жалок лишь сирота душой». Вы, верно, помните великого Бараташвили...

«А может, он поэт? Ни в коем случае. Он больше смахивает на музыканта или хориста оперы. Вполне возможно, что он врач, но ни в коем случае не поэт и не инженер».

— Ни одной заваливающей урны на всей улице, уважаемый Торнике, чтобы выбросить окурки!

«Уважаемый Торнике... Не ослышался ли я? Нет, он действительно так сказал — «уважаемый Торнике!» Значит, он меня знает. Выходит, что я должен его знать. Но откуда? И как это возможно?»

— Да, да, пришел я сегодня на службу и принялся за составление квартального баланса.

«Так он — бухгалтер!»

— Все мы трудились тихо, словно заранее предчувствуя страшную весть, которую нам предстояло узнать. Слава богу, хоть здесь поставили одну урну. — Незнакомец отпустил руку Торнике, остановился возле урны и бросил в нее окурки. Потом отряхнул руки так, словно очистил их от пыли, и неторопливо шагнул к Торнике. На сей раз ему даже в голову не пришло брать его под руку. Скрестив на груди длинные руки, он продолжил:

— Верно, пошел двенадцатый час, когда в учреждении начались плач и переполох. Я поднял голову. По коридору носились люди. Повскакали с мест и все наши и в тревоге устремились к коридору. Когда дверь распахнулась, плач и причитания с новой силой ворвались в бухгалтерию. Сердце мое страшно забилося, и я в испуге вскочил со стула. В комнате я остался в полном одиночестве.

— Вы слышали, что случилось, уважаемый Василий? Какой ужас! — плача обратилась ко мне молодая бухгалтерша.

«Ага, Василий!»

— Может, ты скажешь наконец, что стряслось?

— Гоги погиб в аварии!

— Какой Гоги? — спросил я нарочно, хотя прекрасно знал, что в учреждении у нас был всего лишь один Гоги, Гоги Саладзе, начальник отдела.

— Наш Гоги, Гоги Саладзе! — простонала она, пораженная моей недогадливостью. Прекрасные голубые глаза были полны слез. У меня подкосились ноги, и я как бы лишился сознания. Придя в себя, я обнаружил, что сижу на стуле там же, в коридоре. Теперь я уже не думал о Гоги, прекрасном, полном жизни молодом интеллигенте. Я думал о стуле, на котором сидел. Что со мной случилось? Неужели я упал? Может, я просто покачнулся и меня поддерживали под руки до поры, пока принесли стул? Когда же успели принести стул?

Можете представить, как должна была подействовать на меня гибель того молодого человека, если я оказался в столь плачевном положении. Не угостите ли меня еще одной сигаретой?

Торнике и самому захотелось закурить, однако он почему-то постеснялся достать трубку.

— Действительно, ужасная история! — сказал Торнике, протягивая незнакомцу коробку сигарет.

— Да, да, ужасная, сударь мой, воистину ужасная! — вытащив сигарету, он стал дожидаться огня.

Рассерженный Торнике вытащил из кармана еще и спички. Настроение у него испортилось настолько, что в это мгновение ему было наплевать и на незнакомца, и на какого-то молодого интеллигента, погибшего в аварии.

— Нам было страшно жаль в первую очередь самого Гоги, замечательного молодого человека (затяжка, пауза). Ему не было еще и тридцати. А тут еще его жена и дети... Слез было — вселенский плач, да и только, воистину вселенский...

Пауза.

«Кажется, разговор наш идет к концу. Облегчил душу, вот и отвяжется теперь».

Настроение у Торнике улучшилось. Вместе с тем его удивило, что трагическая гибель молодого человека несколько на него не подействовала. Может, оттого, что о подобных происшествиях он слышал чуть ли не каждый день? А может, потому, что он попросту не знал лично этого самого беднягу Гоги Саладзе, то ли Саладзе. Или все дело в том, что его безмерно раздражал сей длинноволосый незнакомец, звавшийся Василием? Удивляло и то, откуда он знает его имя.

«Может, он живет где-то поблизости от меня? Не думаю. Ведь невозможно увидеть его хотя бы раз и не запомнить. Нет, нет, «гражданин Васо» не проживает ни в нашем доме, ни на нашей улице. Верно, он квартирует на одной из соседних улиц.

— Сказать по правде, меня очень тронула гибель Гоги, но главное то, что я вам скажу сейчас, как раз это и является самым возмутительным и печальным.

— Случилось что-то еще? — сердце у Торнике болезненно сжалось. Он понял, что избавиться от «гражданина Васо» будет не так-то легко. Запах табака бил в нос. Ему и самому вдруг страшно захотелось курить, но вытащить трубку он почему-то вновь постеснялся.

— Да, да, сударь мой, именно так! Случилось нечто ужасное! Все наше огромное управление рыдало, рыдало в три ручья. Плакали все — от курьера и до управляющего. Я убежден, что каждый из них искренне переживал гибель Гоги. Он был очень хороший молодой человек, очень хороший. Я глубоко уверен, что если не каждый любил его, то, во всяком случае, никто не ненавидел. Одним словом, слезы, сожаления, боль — все было неподдельным и искренним. И вот тут и происходит главное! — глаза у незнакомца вновь загорелись, а в голосе послышались торжествующие нотки. — Да, да, вот тут-то и начинается самое главное! Через час пришло известие, что Гоги Саладзе остался в живых. Более того, отделался сущим пустыком — сломал ногу!

— А дальше?

— Дальше! Ха-ха-ха! А дальше то, что спасение Гоги Саладзе многих огорчило. Нет, нет, может, я не вполне точно передаю вам ситуацию. Спасение Гоги, конечно же, всех обрадовало, обрадовало искренне, но в то же время и огорчило, ибо сенсация не состоялась! Сударь мой, прошу вникнуть в смысл этих слов — сенсация не состоялась, однообразный стереотип жизни, повседневности не разрушился. Смерть Гоги Саладзе искренне огорчила всех, однако это трагическое событие нарушило скучное, бездельное равновесие и оживило людей. В темных закоулках их затхлого мозга повеял свежий, пусть печальный, но все же свежий

ветерок, возбуждая заторможенные и наглухо запломбированные клетки... Появилась наконец пища для иных дел и пересудов... И вдруг... Все лопнуло! При Саладзе всего лишь сломал ногу! Автомобильная катастрофа и сломанная нога само по себе дело немалое... Однако... Однако недостаточное для нарушения затхлого баланса!

Незнакомец остановился, схватил Торнике за плечи своими могучими руками и заглянул ему в глаза. Торнике насмерть перепугали глаза незнакомца. В глубине зрачков «гражданина Васо» горели электрические лампочки, испуская узкие лучи света. Где он видел такие узкие лучи? Ах да, вспомнил, ведь однажды он был на обследовании у глазного врача. В сознании всплыл круглый никелированный инструмент, смахивающий на зеркало и прикрепленный ко лбу врача... Торнике охватило гнетущее чувство, словно с помощью этого луча незнакомец искал что-то в его душе, шарил в извилинах мозга, стремясь проникнуть в какую-то тайну.

Внезапно кто-то выключил свет в зрачках Василия и теперь на Торнике пристально глядели обычные черно-карие глаза.

— Вот так обстояли дела, юноша. Балансы хороши в бухгалтерии, но в душе и настроении человека равновесие ведет лишь к затхлости, расхлябанности и бездействию. А при бездействии показатель на шкале энергии стремится к нулю. Хорошенько запомните это, юноша!

«Юноша!»

Незнакомец убрал с плеч Торнике обе руки одновременно, еще раз затянулся, круто повернулся на каблуках и быстрым шагом пошел прочь.

Торнике понял, что незнакомец держал его за плечо рукой с сигаретой, и невольно отряхнул правое плечо, сбрасывая пепел. Потом сунул руку в карман и вытащил трубку.

* * *

На третий день Торнике заметил, что из щели гроба высунулись борода и волосы.

И задумался.

Потом запер дверь комнаты и опустился в кресло.

Борода и волосы высунулись на целый сантиметр. «Что бы это значило?» — кто знает в который раз думал Торнике. В тысячный? В стотысячный? А может, в миллионный?

«Пришел конец».

Трудно было свыкнуться с этой мыслью.

Торнике поглядел на свои руки. Мускулы заметно одрябли, но все же не так, как бывает у людей его возраста. Он выглядел лет на десять моложе своих сверстников. Волосы, правда, поседели, но сохранились довольно хорошо. Он ходил прямо, расправив широкие плечи. Разве что ноги в коленях были чуть-чуть согнуты. Зато он отлично видел и слышал и никогда не жаловался на здоровье.

«Видно, пришел конец», — вновь с сожалением повторил про себя Торнике Гелашвили.

Но беда была в том, что он не знал, как схватиться с этим самым концом. Он сразу же убедился, что сдвинуть гроб с места было невозможно, невозможно было и вынести труп вон из квартиры. Впрочем, об этом не приходилось даже думать.

«От судьбы никуда не деться», — с самого начала понял Торнике.

Последние три дня неузнаваемо изменили Торнике Гелашвили. Глаза потухли, сон нарушился, сердце одрябло. Большую часть дня он сидел в кресле, на диван не ложился, пытаясь уснуть прямо в кресле. Но стоило ему задремать, и он тут же чувствовал, как какие-то люди входят в квартиру и осторожно, крадучись, слоняются по ней.

Торнике никак не мог взять в толк, откуда они входят и чем занимаются. Дверь была надежно заперта. В страхе перед невидимыми посетителями на сон грядущий он наглухо закрывал даже окна. Смрадный запах разлагающегося трупа душил его. Дыхание спирало, и он чувствовал, что задыхается. Вся квартира воняла так сильно, что Торнике диву давался, как ему удается выдержать такое.

Стоило открыть глаза, и «они», неведомо как про-

никавшие к нему в квартиру, мигом испарялись. Проснувшись, Торнике без промедления бросался к окнам, стремясь хоть немного очистить воздух. В конце концов он и вовсе перестал запирать окна. Все едино «они» невесть откуда пробирались в квартиру. Ведь препятствий для них не существовало.

Весьма беспокоило Торнике Гелашвили и то, как бы к нему не пожаловали в гости знакомые либо дети и не заглянули невзначай в спальню. В дверь, ведущую в спальню, он врезал еще и второй замок.

А смрад?

Со смрадом он ничего поделать не мог.

Комнату не проветривали ни настежь открытые окна, ни сквозняк. Труп ужасно вонял.

Давеча, когда он уснул, «они» вновь вошли в комнату. Но на сей раз Торнике Гелашвили не очень-то и взволновался и даже как будто свыкся с «их» крадущимися шагами.

Несколько раз он попытался было увидеть «их» лица, но ни разу не успел. «Они», словно бы заранее чувствуя, когда Торнике откроет глаза, растворялись в стенах. Торнике удивляло, что на стене не оставалось не только трещин, но даже простых царапин.

«Они», верно, те самые, что встретились мне в парадном и убежали, едва завидев меня».

«Может, то Бондаренко, Ираклий и Георгий?» — вспомнил Торнике своих однополчан, погибших в рукопашном бою ровно через месяц после того проклятого дня.

«Наверняка они не могут простить мне, что я не дал им схоронить Зураба. Видно, то, что я смыл вину кровью в штрафном батальоне, кажется им мало».

«Но они ли это?» — все же засомневался он.

Торнике припомнил их руки, излучавшие красновато-золотистый свет. Перед глазами встало, как осторожно скользили по поручню лестницы странно светившиеся пальцы.

Внезапно послышался плач.

Торнике все еще дремал, не до конца пробудившись от тяжелого сна.

Плач слышался вполне отчетливо.

Он открыл глаза и наярл слух. Постепенно до его

сознания дошло, что кто-то сидит возле трупа, причитая вполголоса.

По всей видимости, плачущий был один.

Торнике поднялся с кресла.

Как только скрипнуло кресло, плач в спальне прекратился.

Дверь, ведущая в спальню, была заперта. Ключ был в кармане. Торнике медленно подошел к двери, вытащил из кармана ключ, дрожащей рукой сунул его в замочную скважину и осторожно повернул. Бесшумно приоткрыв дверь, он заглянул в образовавшуюся щель.

В комнате не было ни души.

Гроб стоял на прежнем месте, только волосы и борода покойника сильно отросли и чуть ли не на метр высывались из щелей гроба.

Торнике хорошенько оглядел комнату, потом вновь запер дверь и положил ключ в карман.

Некоторое время он простоял окаменев, потом, словно дряхлый старик, сделал несколько шаркающих шагов и вновь опустился в кресло.

Невольно вспомнилась жена, скончавшаяся два года назад. После похорон дочь предложила Торнике перебраться к ней хотя бы на несколько дней, вдруг ему что понадобится. Тем самым дочь намекала, что Торнике, может быть, страшно оставаться одному. И он отлично понял намек дочери.

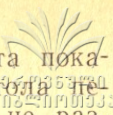
Тогда Торнике горько усмехнулся, дескать, я столько смертей повидал на фронте, что о страхе не может быть и речи.

После поминок, когда друзья разошлись по домам, а близкие принялись наводить порядок в квартире, дочь предложила остаться, если он не желает перебираться к ней.

— Нет, дочка, нет, мне лучше побыть одному! — твердо ответил Торнике.

Когда на лестнице затихли шаги уходящих, Торнике возвратился в квартиру и закрыл дверь. Из прихожей он вошел в большую комнату, где до полудня лежала в гробу покойная жена, а затем был накрыт поминальный стол. В дверях он остановился, оглядел

комнату и достал из кармана трубку. Комната показалась ему непривычно большой. Взяв со стола пепельницу, он тяжело прошаркал к креслу и не раздеваясь прилег. Пепельницу он поставил на пол и погрузился в раздумья, начисто позабыв о трубке. Придя в себя, он было затянулся, но трубка уже погасла. Махнув рукой, Торнике не стал заново разжигать трубку и, положив ее на пепельницу, уткнулся лицом в спинку кресла.

Проснулся он от холода, достал из кармана часы и взглянул на них. Было два часа пополудни. Торнике встал и вошел в спальню. Кровать жены успели уже вынести. Спальня показалась ему слишком большой, большой до непропорциональности, и смахивала на трапезию. После того как вынесли женину кровать, высвободившийся угол комнаты выглядел неправдоподобно огромным. Торнике быстро разделся, не изменив давней привычке и на сей раз, повесил одежду в шкаф и лег в постель. С улицы в комнату проникал тусклый свет и по потолку проплывали тени причудливой формы. Торнике пристально и бездумно разглядывал странные фигуры. Затем глаза медленно закрылись, и его одолела дремота. Но уснуть все же не удалось. Видно, недолгий давешний сон сделал свое дело. Хотя глаза у Торнике и были закрыты, сна все не было. Это полудремотное состояние больше походило на полное отключение.

Проворочавшись в постели всю ночь, он так и не сумел уснуть.

А все началось со следующего дня. Едва Торнике лег, как тут же уснул. Во сне он слышал звук чьих-то осторожных шагов и напряг слух. По комнате кто-то крадучись ходил. Торнике приоткрыл веки. Звук шагов прекратился. Верно, почудилось, подумал он и снова заснул. На сей раз звук осторожных шагов слышался во сне отчетливей. Было очевидно, что по комнате кто-то ходит, разыскивая что-то. Но стоило только Торнике приоткрыть глаза, как шаги тут же прерывались. Так продолжалось еженощно на протяжении целой недели.

«Верно, мне чудятся шаги покойной жены», — думал Торнике.

Мысль эту он счел настолько правдоподобной, что

даже не всполошился, не поддавшись ни страху, ни какому-либо иному неприятному чувству...

Однако...

Был субботний день. Дочь навестила отца и по обыкновению принялась прибираться в квартире. Торнике Гелашвили решил не мешать дочери, оставить ее одну, а самому податься в сад и немного развеяться в разговорах с пенсионерами.

Он сунул в карман непечатую пачку сигарет, нащупал рукой трубку, убедившись, что она на своем месте в кармане пиджака, и только собрался было уйти, как вдруг услышал пронзительный вопль дочери.

Рука Торнике, приготовившаяся отворить дверь, застыла в воздухе.

— Что случилось?

Побледневшая дочь, не говоря ни слова, схватила стакан, стоящий на подоконнике за шторой, и показала его отцу. Торнике овладело такое чувство, словно в рот ему влили кипящую смолу.

В стакане лежал зубной протез жены, залитый водой.

— Что с тобой, отец, тебе дурно? — вновь вскричала дочь, увидев побагровевшее лицо Торнике. Поставив стакан на прежнее место, она бросилась к отцу.

— Помогите! — беспомощно воскликнула она, коснувшись неестественно горячих рук отца.

— Незачем полошить соседей! — негромко, но твердо обратился Торнике к дочери.

Дочь остановилась в нерешительности.

— Может, дать тебе воды?

— Да!

Дочь кинулась на кухню и вскоре вернулась со стаканом воды.

Торнике с трудом протянул руку, взял стакан и сделал один глоток. Дочь почувствовала, что отец успокоился. Глазам его возвратилось обычное выражение и цвет лица сделался прежним. Но дочь на всякий случай пощупала отцовский лоб.

— Не вызвать ли врача?

— Нет!

— Может, померить давление?

— Ничего мне не нужно!

Дочь не стала настаивать. Она поняла, что отец окончательно успокоился и шок, вызванный видом протеза, постепенно прошел.

— Это (дочь намеренно не назвала протез) я унесу с собой и захороню в могиле мамы.

— Нет, нет, я сделаю это сам!

Теперь Торнике знал, кто крадучись ходил ночами по комнате. Знал он и то, что искала его супруга или ее призрак.

Сначала он выпроводил восвояси дочь, не бойся, мол, доченька, я — старый волк и страх мне нипочем. Поцеловав дочь в лоб, он открыл ей дверь. Как только лифт спустился вниз, Торнике тщательно запер дверь и подошел к окну. Он глядел на улицу до тех пор, пока вышедшая из парадного дочь не скрылась с глаз.

Потом он взял с подоконника стакан с протезом, вылил воду и завернул протез вместе со стаканом в газету...

Когда Торнике подошел к могиле жены, был полдень. У соседней могилы, беседуя вполголоса, сидели двое — мужчина и женщина. Время от времени женщина тихо плакала.

Торнике Гелашвили пришлось не по душе встреча с ними. Он положил завернутый в газету протез на землю и вознамерился было пойти за лопатой. Но не пройдя и трех шагов, он вернулся, взял сверток с протезом и направился с ним к работавшим поблизости могильщикам.

— Одолжите мне на минуту лопату.

Седой, пузатый могильщик с потным лицом без слов кивнул, бери, мол.

Торнике закопал протез у края могилы. Он работал осторожно, с оглядкой, не желая, чтобы кто-либо, и в первую очередь те двое у соседней могилы, увидели, чем он занят. Но те двое так глубоко были погружены в свою печаль, что казалось, и вовсе не замечали Торнике.

Торнике вернул лопату могильщикам, выйдя на улицу, выбросил стакан в урну и, не оглядываясь, устремился к дому.

«Неужели она придет и сегодня?»

Весь день он бесцельно прослонялся по квартире.

В полночь наконец улегся в постель. Обычно он никогда не засыпал раньше двенадцати ночи. Но, как нарочно, сон все не шел. Прежде чем задремать, долго ворочался в постели. А утром с удовлетворением отметил, что не слышал во сне ничего похожего на крадущиеся шаги либо шорох.

С того самого дня ничто больше не тревожило сон Торнике Гелашвили.

Торнике вспомнил, что ему ни разу не удалось увидеть покойную жену. Он слышал лишь звук ее шагов, который тут же прерывался, стоило ему открыть глаза. Теперь же он несколько раз мельком видел трех мужчин, чьи руки странно мерцали, а тела трепетали и извивались, как занавески на сквозняке.

Торнике Гелашвили решил пойти в сад или просто прогуляться по улице. Вытащив из кармашка пиджака часы, он нажал на кнопку, чтобы открыть крышку, и взглянул на циферблат. Было начало шестого.

Он тщательно запер дверь, надавил на пуговку вызова лифта и отчетливо услышал, как двинулся вниз остановившийся на верхнем этаже лифт. Но почему-то вдруг передумал и решил спуститься по лестнице пешком.

Отчего он принял такое решение?

Он и сам не знал этого, точнее чувствовал, что в последние дни боялся быть запертым в лифте, в чем не желал признаться даже себе самому.

На улице не было ни души. Впрочем, в конце улицы он все же заметил двух-трех прохожих. Шли они задумчиво, низко опустив головы.

Из-за угла показалась машина для мусора. Только теперь вспомнил Торнике, что вот уже четвертый день, как он не видел на улице ни одной машины. Когда машина поравнялась с ним, он невольно взглянул на двух мусорщиков, сидевших в кузове. Сидели они угрюмо, упорно не сводя с Торнике взгляда черных, неестественно огромных глаз.

Торнике Гелашвили всполошился от взгляда мусорщиков. В их глазах читались и страх, и отвращение, и подозрение, омерзительный трепет и гнев одновременно.

Торнике вздрогнул и быстро отвел взгляд от мусорщиков. Потом остановился, достал из кармана трубку и пачку сигарет, дрожащими руками выкрошил табак из двух сигарет в трубку, хорошенько примял его и приготовил спички. Но закуривать трубку не торопился, всеми силами стараясь не смотреть в сторону машины. Табак был утрамбован отлично, но Торнике все давил и давил на него мизинцем левой руки. Неестественно огромные черные глаза мусорщиков жгли ему лицо.

Мусорная же машина, как нарочно, тащилась еле-еле.

Помедлив еще некоторое время, Торнике Гелашвили все же принялся раскуривать трубку. Глубоко затянувшись несколько раз кряду, он подождал, пока огонь займется как следует, потом выбросил в урну горелую спичку и лишь после этого украдкой поглядел на мусорную машину, которая вот-вот собиралась исчезнуть за поворотом. Его вновь заставили вздрогнуть черные, неестественно огромные глаза мусорщиков, словно фары машин излучавшие черный свет.

Но вот мусорная машина скрылась с глаз. И улица вновь опустела. Торнике в раздумье обвел взглядом здания. Все окна были зачинены, а некоторые даже наглухо зашторены. Торнике стоял на перекрестке. Внезапно на пересечении улиц он увидел мужчину. Завидев Торнике, незнакомец резко повернулся и исчез.

«Что хотя бы тут происходит?» — никак не мог разобраться Торнике Гелашвили. Был прекрасный майский вечер, однако вокруг туманом нависло молчание.

Торнике пожал плечами, задымил трубкой и продолжил путь.

Только было он свернул на улицу, наискосок спускавшуюся в город, как вдруг сзади кто-то кашлянул.

Торнике оглянулся. Никого не было.

«Показалось, верно!» — с сомнением подумал он и пошел дальше.

Кто-то опять кашлянул прямо за его спиной.

Торнике остановился. Поначалу он стоял неподвижно, а потом обернулся так медленно, словно боялся кого-то спугнуть.

Сзади по-прежнему никого не оказалось. Лишь

на четвертом этаже дома, возле которого он стоял, кто-то распахнул окно, что-то пробурчал на непонятном языке и в сердцах так сильно захлопнул окно, что стекла едва не посыпались из рам.

— Добрый вечер, сударь мой! — услышал он вдруг знакомый голос. Резко обернувшись, Торнике увидел стоявшего перед ним и улыбавшегося Василия. Точнее, губы у него были растянуты, как в улыбке, а глаза между тем сверкали чуть ли не гневом.

— Ах, это вы, уважаемый Торнике! А мне казалось, что я поздоровался с незнакомым человеком. Добрый вечер! Вы, верно, надумали прогуляться маленько? Хорошо, очень хорошо. Зная вашу щедрость, я убежден, вы не пожалеете для меня сигаретки.

— С удовольствием! — Торнике не знал, радоваться или огорчаться встрече с Василием. Наконец он решил, что не грех скоротать вечер с Василием, ибо вокруг все равно не было ни души. Из кармана он вытащил пачку все тех же московских сигарет.

— Ах, вы по-прежнему остаетесь верны своим сигаретам? Ваше постоянство воистину заслуживает уважения. А я предпочитаю нашенские «Колхети». Может, вы дадите мне и прикурить? Благодарю вас... (Затяжка). Признаться, и мне пришлось по душе ваши сигареты. Дело привычки, сударь мой, не то, как знать, может они и впрямь получше «Колхети». Если не возражаете, я бы предложил вам заглянуть в сад и посидеть на лавочке.

— Извольте, сударь.

Они повернули назад и пошли вверх по улице. Сад находился вправо от следующей улицы, всего в нескольких минутах ходьбы.

Когда они поравнялись со зданием, на четвертом этаже которого давеча открылось окно, Торнике незаметно для бухгалтера мельком бросил взгляд на него. Окно было закрыто и наглухо зашторено.

Бухгалтер не заметил маневра Торнике и как ни в чем не бывало продолжал шагать по улице, аппетитно дымя сигаретой.

Как только они прошли мимо дома, до слуха Торнике вновь донесся стук открываемого окна и вновь

густой бас пробормотал что-то на непонятном языке. Да, незнакомец гневался точно так же, как и прежде. Торнике остановился и оглянулся на злополучное окно. А оно вновь захлопнулось, да с таким треском, что задрожали стекла. Вновь опустились тяжелые шторы и на улице снова воцарилась нависшая туманом тишина.

— Что случилось, сударь мой? — нахмурился бухгалтер.

— Я услышал какой-то странный разговор вон в том окне. Не разобрать, на каком языке говорили.

— В каком окне?

— Да вон в том, что на четвертом этаже!

— Вам почудилось, сударь мой!

— Как это почудилось! Я уже дважды обратил внимание — откроется окно, послышится злобное бормотание, чуть ли не крик на непонятном языке. Потом окно захлопывается с такой силой, что впору посыпаться стеклам!

— А я вам говорю, почудилось, сударь мой! На слух я, слава богу, не жалею, но ничего подобного не слышал. И вообще лучше всего убедить себя, что вы ничего не видели и не слышали!

Сказав это, Василий как-то двусмысленно улыбнулся, взял Торнике под руку и повлек или, точнее, потащил его за собой.

Только теперь заметил Торнике, что Василий был в коричневых кожаных перчатках. Он несказанно удивился, зачем человеку перчатки в такую жару. Потом задумался, а был ли Василий в перчатках, когда доставал сигарету из пачки. Если не был, когда же он успел надеть их, а если был, почему он этого не заметил раньше.

— Вас заставили задуматься мои перчатки? — догадался Василий. — Перчатки, перчатки... «Синий Монтевидео в белых перчатках». Какой странный человек был Галактион.

Вскоре они были в саду. Василий направился напрямиком к скамейке в тени вяза и чуть ли не бегом увлек за собой Торнике. Лишь у самой скамейки выпустил он локоть Торнике, быстро сел и заложил ногу за ногу.

— Присаживайтесь, сударь мой! Просто порази-

тельно, ей-богу, как человек не задыхается дома, как его дают железобетонные конструкции, как они подавляют, унижают, обессиливают, выхолащивают, грозя вконец раздавить, расплющить. Раньше было совершенно иначе, сударь мой, совершенно иначе. Представьте себе дома с балконами, верандами — куда ни глянешь, повсюду простор, бескрайний простор! А теперь человек окна открыть не может, страшась выхлопных газов. Смешно, сударь мой, смешно: иные открывают окна зимой, думая, что проветривают комнату. Как много значит вера, сударь мой, как много. Почему-то кажется, что холодный воздух, проникающий в окно, непременно чист. Напустят холодного воздуха и думают, что все в порядке, что комнаты наполнились чистым воздухом. К сожалению, летом мы не поддаемся подобной психологической иллюзии. И если я не слишком злоупотребляю вашей щедростью, будьте любезны, угостите меня еще одной сигаретой.

Торнике вытащил из кармана сигареты и протянул их бухгалтеру. Василий пальцами, обтянутыми перчаткой, выудил из пачки одну сигарету и в ожидании огня повернул лицо к Торнике. Торнике чиркнул спичкой и поднес ее к кончику сигареты. Потом и сам потянулся за трубкой.

— Ах, вы курите трубку? — протянул Василий, одной сильной затяжкой доведя свою сигарету почти до половины.

— Да, я предпочитаю трубку!

— Что ж, вы правы, сударь мой. Курильщики трубок по непонятным для медицины причинам получают гораздо меньшую дозу никотина, нежели курильщики сигарет, пусть даже с фильтром. Не правда ли, удивительно, сударь мой? Пока что никому не удалось установить механизм этого явления.

Неожиданно бухгалтер резко повернулся, заглянул Торнике прямо в глаза и тихо, но многозначительно спросил:

— Не помните ли, какое у нас сегодня число?

— Отчего же не помнить, 21 мая!

— А дальше?

— Что дальше?

— Вам ничего не говорит эта дата?
Внезапно в глубине бухгалтерских зрачков зажегся электрический свет и блеснули два тонких Торнике Гелашвили чувствовал, что бухгалтер заглядывает во все закоулки его души и мозга.

— Что она должна сказать мне? — всполошился Торнике.

— Не знаю, подумайте хорошенько, не торопитесь. Может, и вспомните что-нибудь?

Кто-то погасил свет в зрачках бухгалтера. Василий отвернулся и странно захихикал, точнее было бы сказать, заржал.

— Вспомните, сударь мой, непременно вспомните!

Он глубоко затаился, выпустил изо рта клубы дыма, выбросил окурки в урну, прикорнувшую возле скамейки, и принял прежнюю позу: заложив ногу за ногу, уставился в одну точку.

— Вспомните, сударь мой, конечно же, вспомните! — повторил он словно бы про себя. — Возможно, что то или иное воспоминание подернуто в сознании человека туманом, возможно, что оно хранится где-то в дальних клеточках мозга, однако у всего свое время, сударь мой, настанет соответствующий момент и туман рассеется.

Торнике напряг память, но никак не смог вспомнить что-либо, связанное с 21 мая.

— Поразительная штука случилась вчера, сударь мой, похоронили мы одного человека. Странно он умер, очень странно...

— Странно? — Торнике наострил уши.

— Да, странно!

Пауза.

— Было время, сударь мой, когда, говоря словами поэта, в Грузии ненадолго восторжествовал дух Каина. В один прекрасный день брат, то есть тот человек, которого мы схоронили вчера, донес на брата и заставил арестовать его.

— Арестовать? Но за что? Почему?

— Да, арестовать! — бухгалтер торжествовал, что его слова произвели такой эффект. — За что? В том-то и дело, сударь мой, за что. Да за клочок земли, за то, чтобы завладеть одним завалыщенским виноградником, вот за что. Оклеветал его, будто он непо-

читительно отозвался о местном начальстве. Когда оклеветанного уводили, бедняга сказал жене, что скоро вернется и чтобы без него не перекачивали вина. Врагу вашему не пожелаю вернуться так, как вернулся тот несчастный. Ни одна душа на свете не ведает, где покоятся его кости.

Пауза.

Трубка у Торнике уже давно погасла, но он все не решался подойти к урне, чтобы вытряхнуть ее, боясь прервать рассказ бухгалтера об этой странной истории.

— А что дальше?

— А дальше прошли годы. Несколько десятков лет. Я не буду называть вам его имени и фамилии, давайте условимся впредь именовать покойного Платоном. Да, сударь мой, поразительная хворь одолела нашего Платона, собственно не хворь даже, а страшные сны, набившие оскомину. На протяжении всего сна он полол виноградник. В конце виноградника протекал небольшой ручей. Каждый день через ручей переправлялся всадник в кожанке. И кепка у всадника тоже была кожаная. На левом боку у него висела планшетка, а на правом огромный маузер, бивший его по ногам. Похлопывая плеткой по голенищу сапога, он становился в начале борозды. Однажды обработанную полосу он заставлял полоть в течение целого дня. В конце концов бедняга Платон стал рыдать во сне. Когда его будили, он в страхе тарашил глаза во все стороны, словно ища кого-то. Допытывались у него, что да как, а он в ответ: брат мой валит меня наземь, встанет на грудь коленями и давай давить на кадык ножкой стула. Как ни успокаивали его, как ни убеждали, что все это дурной сон, он продолжает твердить свое — как же, мол, не бояться, коли я знаю, что брат мой непременно задушит меня. Несколько дней назад он опять разрыдался во сне, душит-де. Бросились к нему близкие, но как ни старались, разбудить его не удалось. Так и умер бедняга у них на руках.

Напуганный и изумленный этим рассказом Торнике долго пристально глядел на Василия, хотя понимал, что бухгалтер закончил повествование и теперь по-

гружен в совершенно иные раздумья, словно начисто позабыв о существовании Торнике Гелашвили.

Торнике повертел в руках трубку, медле-
нялся, обошел скамейку сзади и вытряхнул трубку в урну. Потом вновь опустился на свое место.

Неловкая пауза.

Впрочем, молчание было неловким лишь для Торнике. Василий же вовсе не замечал, сидит ли кто-либо рядом.

— Несчастный был вашим коллегой?

— Каким это образом он мог быть моим коллегой, ведь он был крестьянин, виноградарь. Он переехал к сыновьям в город, когда уже не мог работать.

— А что, разве виноградарь не может быть бухгалтером?

— А кто вам сказал, что я бухгалтер? Сударь мой, неужели я похож на бухгалтера? Просто поразительно, откуда вы взяли, что я бухгалтер?

— Разве не вы сами сказали мне об этом в нашу прошлую встречу?

— Вот те на! Я вас впервые вижу, сударь мой, и имею честь сообщить, что я музыкант, а не бухгалтер! Бухгалтер, хм, бухгалтер! Это я-то бухгалтер? Бог ты мой.

«Так откуда же вам известно мое имя? К тому же давеча вы прекрасно вспомнили, какой сигаретой я угощал вас в прошлый раз!» — хотел было возмутиться Торнике, но почему-то не осмелился.

— Да, да, я музыкант, а не бухгалтер! Бухгалтер, бог ты мой, еще этого не хватало!.. И вообще, товарищ Торнике, чем раньше вы уйдете отсюда, тем лучше!

В глазах Василия вновь вспыхнул электрический свет и два тонких луча вновь вонзились в извилины мозга Торнике.

— Да, да, чем раньше вы отсюда уйдете, тем лучше, и вообще не забудьте, что сегодня 21 мая.

Вконец уничтоженный Торнике встал. Прежде чем сделать шаг, он еще раз взглянул на Василия.

«Разумеется, это он... Да, да, это тот самый человек, что представился мне бухгалтером. И этот музыкант или бухгалтер сидел тут той ночью, а утром маячил под моими окнами».

— Всего вам доброго, уважаемый Василий!

Музыкант не ответил, словно бы даже не услышав сказанного. Не успел Торнике сделать и нескольких шагов, как до него донесся смрадный запах, запах разлагающегося трупа. Он остановился и обернулся. Василий сидел как и прежде, уперев взгляд в невидимую точку.

Не выдержав вони, Торнике устремился к выходу. Огромные круглые часы у входа в сад показывали двенадцать.

«И когда успело пролететь столько времени?» — удивился Торнике и вытащил из кармана свои часы. По обыкновению они отставали на три минуты. Изумленный, он недовольно покачал головой и направился к дому.

Выходя из сада, он услышал смех, точнее насмешливое хихиканье или ржание. Смеялись двое. Торнике обернулся. Смех прекратился. Торнике вернулся обратно и взглянул на скамейку под вязом. Музыкант сидел все так же, устремив взгляд в пустоту.

Только было Торнике вознамерился войти в парадное, как из него кто-то вылетел, сломя голову пересек улицу и исчез.

Торнике застыл на месте. Потом пожал плечами и подошел к лифту. Когда он открыл дверь квартиры, в нос ему снова ударила ужасающая вонь. Торнике быстро захлопнул дверь, страшась, как бы смрадный запах не проник в квартиры соседей, дав им возможность разгадать его тайну. Сполоснув руки в ванной, он без сил рухнул в кресло, придвинутое к самому окну.

«Интересно, отросла ли у него борода?» — подумал Торнике, но заглянуть в соседнюю комнату не торопился.

«На каком языке говорил тот мужчина в окне? И кто же, в конце концов, Василий, бухгалтер или музыкант? И почему он мне напомнил сегодняшнее число?»

Вдруг раздалось два выстрела, один за другим, да так слитно, что могло показаться — это один протяжный выстрел. Выстрелили дважды, и тут Торнике

понял, почему тот бухгалтер либо музыкант напомнил ему, что сегодня 21 мая.

Торнике вскочил на ноги, распахнул дверь в спальню и вскрикнул от страха. Гроб целиком был покрыт бородой и волосами. Да что гроб, волосы спустились на пол и волнами разметались по паркету.

«Если так будет продолжаться, к утру комната сплошь покроется волосами!» — охватил Торнике озноб. Выбежав в гостиную, он лихорадочно нашарил ножницы в ящике буфета и опять возвратился в спальню. Когда Торнике наступил на волосы, стелившиеся по полу, ему померещилось, что миллионы игл вонзились в ступни. Подавив усилием воли боль, смешанную со страхом, он обеими руками раздвинул волосы и отыскал в гробу щели. Затем иступленно принялся за работу. Ножницами он щелкал энергично и довольно искусно. Ноги путались в отрезанных волосах.

«Как мне их выбросить или как их выбросить так, чтобы никто не заметил?» — испуганно думал Торнике, ногами отшвыривая волосы к стене. Покончив с волосами с правой стороны гроба, он переместился по левую его сторону. Сердце стучало так громко, что он вдруг испугался, как бы не услышали соседи за стеной. Пот лил с него ручьями. Волосы липли к потным рукам. Обойдя гроб кругом и убедившись, что волосы везде подстрижены под корень, он облегченно вздохнул, выпрямился и вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Отрезанные волосы холмились по всей комнате, и он стоял в волосах по самые колени.

Внезапно он едва не завопил от ужаса. Борода и волосы со страшной быстротой лезли изо всех щелей. Торнике отчетливо видел, как ползут и извиваются черные струйки.

Он опять бросился к гробу и яростно защелкал ножницами.

Торнике работал, беззвучно плача от неизбывного отчаяния. Страшась, как бы не разрыдаться вслух, он всеми силами старался взять себя в руки и сдержать слезы.

Быстро отрезав волосы с одной стороны, Торнике уже собрался было переместиться на другую, как внезапно холодные пальцы сомкнулись на его горле. Им овладело чувство, словно в горле что-то лопнуло и в

недра тела пролилась какая-то тягучая, ледяная жидкость.

Торнике не знал, что делать.

Кричать?

Но кричать не было сил.

Пошевелиться? Попытаться избавиться от ледяных пальцев, обручем сомкнувшихся вокруг шеи?

А что, если они сомкнутся еще теснее?

Внезапно он почувствовал облегчение: хватка пальцев ослабла. Но пошевелиться все же не осмелился. Некоторое время он простоял, как и прежде, согнувшись в три погибели. Потом медленно повернул голову и выпрямился. Руки покойника по-прежнему лежали на крышке гроба.

Волосы вновь росли со страшной быстротой, расползаясь во все стороны.

Торнике Гелашвили понял, что это уже конец. Ножницы выпали из рук. Он даже не услышал звука их падения. Да и как он мог его услышать, если ножницы упали не на пол, а на гору волос, достигавшую его колен.

Торнике с трудом дотащился до двери, вышел в гостиную, дважды повернул ключ в скважине, надежно заперев вход в спальню, и с грехом пополам добрался до кресла.

В отчаянии он устался в пол, ни о чем уже не думая. Руки бессильно свисали вдоль тела. Он был весь в поту, но не чувствовал этого, словно вконец лишился способности чувствовать, ощущая лишь боль в высохшем и выхолощенном горле.

Он не помнил, сколько времени просидел так.

Час?

Два?

А может, все три или четыре?

Торнике потерял счет времени. Тело одрябло и утратило подвижность.

Внезапно он обратил взгляд сухих глаз на дверь спальни. А там из щели внизу двери показались черные волосы. Они быстро продвигались вперед, как по слегка наклонной улице движется обычно про-

литая вода — поначалу множество изогнутых ручейков, сливающихся затем в единый поток.

В конце концов волосы и борода просочились во все щели двустворчатых дверей и, подобно плющу, повисли на стенах и потолке.

Торнике Гелашвили не трогался с места, приглядываясь к движению волос и словно ожидая, когда они целиком заполонят стены, потолок и пол.

Вскоре волосы повсюду соединились и теперь стали постепенно захватывать все пространство комнаты. Сначала они покрыли мебель, а затем Торнике почувствовал, как волосы, подобно осьминогу, обхватили щупальцами его ноги.

На сей раз он предпринял попытку подняться, но не смог. Ему не удалось вырваться из крепких обручей, сковавших колени.

Торнике хотел закричать.

Из горла вырвался хрип.

Высохшее горло разбилось, как стекло, и мелкие осколки посыпались в живот. Дыхание перехватило, и Торнике не в силах был ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Теперь обручи обхватили его безвольно опущенные руки, а щупальцы осьминога обвились вокруг лба. Торнике ощутил вдруг такую страшную, такую острую боль, словно его скальпировали.

Он попытался схватить щупальцы рукой и отодрать их ото лба, но не сумел: холодные обручи намертво сдавили запястья.

А еще один обруч сжал ноздри. Торнике едва дышал, воздуха не хватало, началось удушье. Тело постепенно леденело. Он еще раз попытался закричать. На сей раз попытка оказалась удачной. Ужасающий крик вырвался из горла. Торнике попытался встать, но уже был так прочно прикован к креслу, что не смог даже двинуться. Волосяной обруч затянул рот. Со страху Торнике не смел даже открыть рта. Он задыхался от нехватки воздуха и ужаса.

Вскоре холодный обруч сдавил грудь и сжал горло. Сердце и легкие остановились. Смердный запах проник в тело и извилины мозга.

Торнике предпринял последнюю отчаянную попытку освободиться, вытолкнуть из легких смрад, всколотить на ноги, крикнуть во все горло. Напрягшись всем

своим существом, он постепенно высвободился объятий осьминога. Сначала ему удалось вырвать из железных клещей руки, затем сорвать с головы ной обруч и вздохнуть полной грудью. Торнике почувствовал несказанное облегчение. Неопишное блаженство захлестнуло все тело, и оно распласталось на полу.

Придя в себя, Торнике увидел трех юношей. Они стояли, скрестив на груди руки, и угрюмо смотрели на Торнике. Он понял, что это те самые трое незнакомцев, которые сначала явились ему в парадном, а затем крадучись ходили по ночам по его квартире.

Время от времени их силуэты трепетали, как от порыва ветра, страшно растягивались, а лица сплющивались в лепешку. Потом к ним возвращался прежний вид, и они вновь угрюмо смотрели на Торнике. В незнакомцах он признал Бондаренко, Ираклия и Георгия.

«Не простили, не простили», — с сожалением мелькнуло в голове Торнике и, к его изумлению, эхом отозвалось где-то вдалеке.

Торнике почувствовал, как рухнули стены его дома, как рухнуло все здание. Рухнуло и разлетелось настолько бесшумно, что ничем не нарушило воцарившуюся вокруг тишину. Все словно бы кануло куда-то в преисподнюю. Вверху показалось усыпанное звездами небо. Сначала Торнике почудилось, что после того как дом рухнул, пол ушел у него из-под ног, а сам он неудержимо полетел в бездну. Но вдруг понял, что летит вверх, а впереди летят те трое юношей, которые давеча так угрюмо взирали на него. Торнике глянул вниз и увидел, что сначала город, а за ним и вся планета с ужасающей скоростью понеслись в пропасть.

Вскоре земля осталась позади, далеко позади. Внизу все поглотила тьма, а вверху черно сверкало усыпанное звездами небо.

ТУШИНСКИЕ РАССКАЗЫ

Перевод
Ушанги РИЖИНАШВИЛИ

**„Кто сказал, что
тушины сгинут...“**

В ОТ уже четвертый день женщина, направлявшаяся из Алвани в Тушети, сидя верхом на ухоженном коне, осторожно, натянув поводья, управляла им, погоняя впереди себя коров и бычков. Голодная, забрызганная грязью скотина мимоходом жевала молодую траву, конь же время от времени пощипывал листья подорожника и свежие побеги низкорослых деревьев.

Они с грехом пополам одолели ухабистый, льдистый перевал между вершиной горы Буланчо и Шавиклдэ; миновали Сацхвре хорхи, Пицрисчала и Ходарко, прошли Чанчахеванский лог, лощину Чагмской Алазани, благополучно переправились через Самхевский брод и подошли к Урциехо.

Слева, на солнечном склоне, снег подтаял, справа же — на тенистом — в белом покрывале образовались проплешины, обнажившие черную землю.

Всадница усадила в пазуху хурджина, переброшенного через седло, двух смуглых, бровастых мальчуганов-близнецов, подбадривая улыбкой и лаской то одного, то другого.

Вот уже четвертый день мать с детьми не брали в рот горячего, позабыли вкус теплой каши, не ложились в мягкую постель.

Головы детей были покрыты пушистыми шапками. Один из мальчуганов ухватился руками за правый локон матери, другой — за левый... Глаза близнецов то ожив-

лялись, и тогда они принимались весело щебетать, то вновь блекли, и дремота одолевала их.

Днем они прокладывали путь местами в свету колено, местами по мерзлой земле, а чуть за вечерет — останавливались и коротали ночь под открытым небом, тесно прижавшись друг к дружке, либо зябко кутаясь в отсыревшую бурку.

Спины, крестцы и бока коров были утеплены войлоком, к шеям привязаны бубенчики, и стадо неторопливо шествовало вперед под мерный звон.

Обветренное лицо выбившейся из сил всадницы светилось радостью: еще один рывок, еще один переход, еще одна ночевка, и они окажутся в Омало, на священной земле предков... К тому же кто знает, может повезет показать первенцам статного отца, пасущего овец, затопивших своей белизной отроги ущелья и склоны гор с каменными идолами... Ребятки поднимут переполох, стремглав бросится к ним Бесаро, сердечно приветит жену, выпростает из пазух хурджина ненаглядных птенчиков и обоих разом прижмет к своей широченной груди... И начнется теребление усов, щекотание под мышка-

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Я собирался написать предисловие к «Тушинским рассказам» Автандила Галдавадзе, а теперь вынужден писать послесловие к его жизни, жизни прекрасной, мужественной, полной деяния, творчества, вдохновения. Две всепоглощающие страсти пронизывали все его бытие в мире — строительство дорог и писание книг. И если, строя дороги в горах, он иногда был вынужден делать зигзаги, то жизненный путь его был прям и непреложен. Он пролегал через войну, восстановление и мирное строительство. Автандил Галдавадзе был счастливым человеком, ибо, несмотря на множество утрат, трудностей и пре-

град, сполна воплотил в жизнь обе свои страсти — по-рукой тому вернувшаяся к жизни Горная Тушети и замечательные книги, увы, немногочисленные, ибо писались они в редкие часы досуга.

Записные книжки Автандила Галдавадзе неповторимы: повседневные деловые заметки, расчеты и цифровые выкладки густо пересыпаны редкими речениями, словами, выхваченными острым слухом истинного писателя из самой гущи жизни, описаниями исчезнувших из современного обихода реалий и старинных обычаев. Может, потому так насыщены и полновесны страницы его прозы — возвышенной, сильной, проникнутой поистине народным духом...

ми, визг и хохот... Вмешается женщина. Призовет к порядку расшалившихся сыновей и мужа, рукояткой илетики укажет на закатное солнце. Но куда там! После когда Бесаро вдоволь натешит душу, он вновь выведет на дорогу жену с чадами, подстегнет коня и погонит скотину...

И крикнет вдогонку, что непременно придет к ночи...

Буба придиричиво оглянет детей, улучит минутку, обернется назад и пошлет воздушный поцелуй давным-давно не виденному мужу...

— Мам! Мам! — раздалось с обеих сторон, и первенцы снизу вверх уставились на нее.

Мать густо покраснела: не угадали ли, часом, эти бесенята ее соблазненных желаний?

— Что стряслось? Что вам померещилось? — смущенно спросила она, проведя ладонью по заалевшим щекам.

— Вон! Вон! — в один голос отозвались малыши, вытянув вперед указательные пальцы.

Всадница взглянула на склон горы, потом повернулась к ущелью и обвела взглядом еще голые черные ивы.

— Вон же! Вон! — осмелили недогадливую матушку ребята и высунулись из пазух хурджина.

Буба натянула поводья, остановила коня и зачарованно уставилась на подножие горы.

А там возлежал как знать когда сорвавшийся с вершины горы огромный валун, отхвативший чуть ли не половину пешеходной тропы. Никто, видать, не пытался откатить его в сторону, да и какая живая душа на свете осмелилась бы схватиться с ним?! Путники протоптали путь по-над краем ущелья, превратив и без того опасную узенькую тропку в чертов мост, чудом провисающий над зевом бездны.

Залег на бок кряжистый, могучий, покатый валун без единой трещинки и не было на нем ни горсточки доброй землицы...

И на том валуне, покрытом книзу бархатистым мхом и сероватым лишайником, вверху на голой поверхности выросла и прижилась сосенка.

И свечой стояло на валуне зеленое деревцо, смолистое деревцо, мохнатое деревцо.

Стояло и зеленело.

Стояло и прихорашивалось.

Куда уходили его корни? Чем питались? Что под держивало в нем жизнь?

Стояло на ветру одинокое деревцо, чудо-дерево, древо-загадка...

— Мам! — требовали ответа горящие жгучим любопытством бровастые глазенки из правой пазухи хурджина.

— Мам! — требовали ответа горящие жгучим любопытством бровастые глазенки из левой пазухи хурджина.

— Не дивитесь, не изумляйтесь, мои голубочки.. Это жизнь так упряма, так упорна.. Удивительна жизнь, — сказала и отпустила поводья. — Вот возьмет природа, да и одарит жизнью нечто неодушевленное, душу в него вдохнет.. И поднимется тут переполох, да волнение, да брожение — а что как душу живую в прах обратят, а что как загубят, а что как умыкнут.. Что случилось, спрашивается, что стряслось такого, что за пруть такая? Ведь была же бесчувственна и бессловесна, пока наделили тебя ощущением жизни, и ничего вроде, перебивалась кое-как — ведь стражником и преследователем к жизни всевышний приставил смерть?! И вновь обратишься ты в бездушную вещь.. Но нет! Вдохнули жизнь? Удостоили жизни? Из кожи вон лезешь, из последних сил цепляешься, зубами хватаешь, но до последнего вздоха удерживаешь эту жизнь, человек ты, животное или трава..

Вот так, мои воробышки, хорошенько запомните: коли дана вам жизнь, должны вы беречь ее как зеницу ока и долго-долго не подпускать к ней смерть даже за версту.

Ведь жизнь — дар природы, желанный и сокровенный..

— Береги себя, да хранит тебя бог, выросшее на камне древо жизни, разумное деревцо.. —проговорила женщина и натянула поводья.

Скотина жевала травку, конь пощипывал молодые побеги, детей разморило, и они погрузились в дрему.

Всадницу увлекли воспоминания..

...Опопоба — народное развлечение, праздник про-

водился лишь в Бубиной деревне Дано в воскресенье перед великим постом, в пору пробуждения природы. Из Чагми и Пирикити, из Чанчаховани и Гомецадзе, из Иванаурти и Цовати... Откуда только еще не стекались вооруженные до зубов и наряженные в чохи-ахалухи как на подбор пригожие юноши, жаждущие поглазеть на веселое зрелище.

Деревенские девушки на выданье собирались, бывало, в одном из домов, выбирали двух бедовых девчонок, посвящали их в опопы и принимались обряжать: зашив ворот женской чохи, они натягивали ее на тело девчонки, предварительно просунув ноги в вязаных носках в рукава и вырезав у лица отверстия для глаз. Полы же чохи стягивали на голове, подобно горловине мешка, веревкой.

За день до этого на самом видном месте деревни — на площади выроют, бывало, яму, напустят туда воды, набросают золы да глины, усердно разведут, смешают.

Вокруг ямы ставили скамейки, лавочки, табуреты для сидения.

Зима, правда, была уже сломлена, но холод все еще держался молодцом и покусывал немилосердно... Кусаться-то он кусался, но кто его во что ставил? Не поддавались ему ни женихи, ни невесты.

На площади несть бывало числа хозяевам и гостям.

Стояли, сидели они или расхаживали, дрожали, зябли или мерзли, но... никому даже в голову не приходило уйти.

В это время из какого-нибудь ущелья показывались косолапо топчущие опопы в сопровождении нескольких девушек...

И начинались тут хохот да гогот, визг да возня, шутки да прибаутки...

Одни от смеха за животы хватались, другие за грудь держались...

Одни одно кричали, другие — другое...

Опопы же на глазок запоминали этих хохочущих да гогочущих юношей, на лету подхватывая каждое их восклицание.

Ряженные разбойницы шлепают, бывало, прямо в лужу, забредут по грязи до середины, повздорят для

виду, разругаются, сцепятся... Наскакивают друг на дружку, толкаются, норовят ножку подставить...

То одна в грязи растянется, то другая...

Вывалятся, вымажутся, вымараются в грязи.

А после, когда подустанут и выбьются из сил, выберутся из ямы, перепачканные донельзя, и налетят на наряженных юношей: к кому прижмутся, кого обнимут, а к кому на колени хлопнутся... Опопы все больше лезли к юношам, которые сердились или хохотали пуще всех.

Наконец под вечер, когда зрители надорвут, бывало, животики от смеха, зрелище кончалось, зеваки расходились, опоп и юношей-гостей переодевали в сухую одежду и усердно потчевали горячим котори, квелури и кипящей водкой.

И вот однажды на опопоба в Дано одной из ряженных стала Буба.

Когда она вперевалку топала к яме, на глаза ей попался статный незнакомый юноша, сидевший на лавочке в полном одиночестве и до слез хохотавший над забавным зрелищем.

«Ну, погоди же, не быть мне данойской девчонкой, коли спущу тебе твое зубоскальство!» — пригрозилась про себя Буба, шлепая в грязи по колено.

И как только вылезла из ямы, тотчас же бросилась к статному юноше, налетела на него коршуном, обвила руками за шею, и ну тормошить, а потом бац ему на колени.

Ах, на колени... И юноша так крепко сжал ее ногами, что Буба едва сдержала крик.

— Буба, моя Буба! — шептал ей на ухо юноша.

— Откуда ты знаешь, как меня звать-то? — вспыхнула девушка.

— Знаю, Буба, знаю. Теа, твоя подружка, что до лужи тебя провожала, сестричка мне двоюродная, все уши мне прожужжала, тебя нахваливая: так и знай, дескать, Бесаро, не сыскать тебе нигде лучшей суженой.. Вот и притопал я к тебе сюда за десять верст из Омало..

Надавав Бесаро пощечин, Буба с превеликим трудом вырвалась из его железных объятий.

Люди теснились вокруг, покатываясь от громового хохота...

Откуда им было знать...

Откуда было знать данойцам, иначе бы не до хохоту да гоготу им было...

Сама же Буба, хоть и задала отменную трепку нахалу, но так и не смогла остаться равнодушной к бровастому, смуглому юноше.

Целых десять месяцев, начиная с того дня, образ омалойского отрока не гас в сердце данойской девушки...

Десять раз наполнялись и десять раз шли на убыль луны на данойском небосводе...

Отец Бубы, согласно обычаю, отобрал шесть убойных баранов и, оставив семейству на зиму, собрал пожитки, навьючил лошадь и осла, обошел, потеснил баранту, гикнул и по узкой тушинской тропе погнал ее к Ширакским пастбищам...

На рождество 25 декабря, когда медведь, залегший в берлоге, сменил бок, хозяйка дома попросила деда зарезать убойных баранов, заложила мясо на хранение, тщательно вымыла бараньи потроха, мелко отбила и переплела их, засолила в бочке, через пять дней достала, подвесила к потолку над очагом, высушила и нарубила из них начинку для хинкали.

Старый год отбыл свое и подошел к концу. Вся Тушети готовилась к встрече Нового года... Полыхал очаг, сворачивали хинкали, пекли пироги, в огромном котле варилась тордила, на шампуры нанизывали шашлык, в бочках пенилось пиво, в бурдюках подрагивала водка-первач... К осклизлой стене жался младший брат Бубы. То и дело скаля молочные зубы, он уплетал хинкали за обе щеки, утирал рукавом жир с подбородка и ерничал: я и бабка сворачивали-сворачивали хинкали, варили их варили, потом вытащили из котла один хинкали, грызли его грызли, после схватили остаток, едва-едва дотащили досюда и с охами да ахами прислонили к этой стене.

Бабка, опустившись на корточки перед очагом и прикрыв глаза рукой, жарила шашлык. Согнав с лица улыбку и деланно нахмурясь, она погрозила внуку шампуром и заворчала: цыц, сучий сын, вот так язык

без костей, не видать мне радости, коли из тебя пастух/ получится, бить тебе баклуши дома...

Мальчишка, прыснув, уклонился от шампура, вылетел во двор и с разбегу налетел на пригорюнившуюся сестричку Бубу.

Бубу одолели думы и тревога снедала душу: завтра Новый год, предстоит гадание на судьбу, и кто знает, какую участь уготовит ей крикливая ворона.

На следующий день поутру краснощекие девушки на выданье возьмут по одному хинкали, положат их в миски и сойдутся на пригорке — самой видной точке в деревне... Один из склонов этого пригорка был облюбован местным вороньем для крикливых сборищ. Девушки обметут снег с пригорка и на нем пристроят каждая свою миску с хинкали, а сами, притаившись где-нибудь поблизости, вопьются взорами в свои миски... Воронье недолго заставит себя ждать... Застя небо и оглушительно хлопая крыльями, птицы сделают круг, опустятся на землю, отряхнут крылья, почистят желтые клювы о черные перья, воровато оглянутся по сторонам, в мгновение ока схватят по хинкали и, стремительно взмыв в воздух, разлетятся кто куда. И там, куда утащит, бывало, птица хинкали судьбы, ждали его хозяйку и счастье, и суженый.

И как же было не тревожиться Бубе? Как знать, куда улетит, куда унесет хинкали ее судьбы крикливая ворона и где набьет им прожорливый желудок.

Но делать нечего, наутро Буба безмолвно взяла свой хинкали, положила его в миску, отнесла миску на пригорок и пристроила на месте сборищ воронья. Потом отступила в сторонку и, затаив дыхание, принялась ждать... Одеревенела, насквозь продрогла, заледенела... Наконец, когда ворона, подхватив по обыкновению ее хинкали, помчала его к Гиреви, комок подступил к горлу Бубы, и она хлопнулась в обморок...

Всю ночь и множество других она провела, не смыкая глаз.

Спустя несколько дней Бубе кое-как удалось передать весточку Бесаро в Омало: так, мол, и так, ворона, взлетевшая в Дано, даже не взглянув в сторону Омало, улетела в Гиреви...

— Главное, моя Буба, чтобы ты от меня не отказалась, и бог с ней, с вороной, я ей такое устрою, света божьего не взвидит эта твоя ворона... На новый год ты еще раз попытай судьбу, сверни хинкали, отнеси на старое место и будь спокойна, — передал Бесаро с тем же посланцем.

Пригожим, созревшим для сватовства юношей был Бесаро. В тот год пришел его черед взять бурку да посох, последовать за барантой и на Новый год снять свою косматую шапку в Ширакской долине... Там он должен был благословить стоянку, загон, овец, пастухов, отчизну, красавицу Тушети, судьбу и суженую... Да, он должен был погнать овец, но ничего, один год баранта как-нибудь обойдется без него...

И только-только осень подкрасила Тушети желтым цветом, Бесаро «повезло»: он неловко упал и сломал лодыжку... Снялись с места отары и пастухи, потянулись гуськом по тропам, протоптанным предками... Ковылявший с костылем Бесаро увязался было за пастухами, но никто даже близко не подпустил его к отаре: что толку от одноногого юноши... Утихомирили, успокоили его пастухи, наказали сидеть дома до следующего перехода и хорошенько залечить ногу.

И потянулись долгие дни, потащились бесконечные месяцы, наступил желаннейший, запозднившийся Новый год...

И вновь принялась готовиться к Новому году Тушети, все так же подшучивал над бабушкой младший внук, по-прежнему, но теперь уже с замирающим сердцем свернула Буба вкуснейший хинкали судьбы..

И подошла к концу бессонная, длинная, тяжелейшая новогодняя ночь...

И все так же высыпали на склон налитые, пытающие судьбу девушки... Как не раз уже бывало, обмели снег с места сборища воронья... Дрожащими руками очистили доньшки мисок с хинкали и, молитвенно бормоча, разложили их кто куда горазд...

И затаились, затихли, замерли...

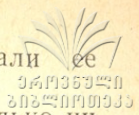
Кусался мороз, поддувал ветер, стыли ноги у голенастых девчонок в высоких вязаных носках...

А они все ждали и ждали.

Со страшной силой бились сердца, стучали зубы...

Но больше всех была всполошена Буба.

Куда полетит ворона? Куда унесет хинкали судьбы?

И чем бы только ни поступилась, что бы только ни отдала она, лишь бы крикливая вещунья повернула на Омало.

Налетела черная стая...

Нависла, налетела, а одна из ворон ухватила клювом Бубин хинкали судьбы, ухватила и не долго думая вновь умчала его в сторону Гиреви...

У Бубы подкосились ноги и только она едва не рухнула в сугроб, как ватага сорванцов, расположившаяся полукругом неподалеку, вдруг с гиканьем запустила в ворон камнями, палками, стала палить из дробовиков и ружей, заставив завернуть всю стаю на Омало.

Буба едва не воспарила в небо от радости...

Визг сорванцов всполошил всю округу...

Среди чертенят особо выделялся плечистый, ладно скроенный, прихрамывающий юноша...

И свершилось чудо: в тот год ни одна данойская девушка не вышла замуж в Гиреви...

Всех невест судьба позвала в Омало...

А что же Буба?

Еще бы!!!

Свадьба Бубы с Бесаро стала последним венчанием в Тушети...

Не вынесло адамово племя безбожного бездорожья, гибельных троп и опасных странствий.

Перекочевала в Алвани Тушети. Лишь на исходе весны и в начале лета нет-нет да и поднимались в горы пастухи, гоня перед собой коровьи стада и овечьи отары. Попасут скотину и вновь возвратятся в долину.

Семь-восемь месяцев в году мертвая тишина царила в обезлюдившей, одичавшей, опустевшей отчизне тушин...

Молчала, застыв в горькой печали, хлебнувшая немало горя земля.

Ждать спасения было неоткуда.

Дело дошло до того, что безродные лихоимцы без жалости и зазрения совести стали вырубать вековые

дубравы, сплавления и растаскивая ценнейшую древесину. Дальше — больше, уверовав в свою безнаказанность, все едино, дескать, нет у земли сей хозяйина, порешили они прибрать к рукам всю Тушети, от веку политую кровью и потом сотен поколений тушин..

Женщина ловко сидела верхом на коне. Вскоре позабудутся оставшиеся позади тропы, бессонные ночи и горестные дни. Двух сыновей и ухоженную скотину доставит она мужу, вселив безграничную радость в сердце пастуха.

Вот-вот достигнет она Омало, дав отдых измученным чадам и истерзанной душе и телу.

...Спереди донесся грохот.

И прервалась нить Бубиных дум.

Впереди раздался грохот, вскачь понеслись осыпавшиеся камни, осколки валунов, земля, обрушились на тропинку, слегка замедлили свой бег, частью удержались, а частью очертя голову ринулись вниз в пропасть.

Сперва, дрогнув, поворотили назад бычки, затем подальше от беды увернулись коровы, наконец страх пронял и коня.

И начался оглушительный перезвон бубенцов и терзающий душу скрежет свободно болтающихся стремян.

— Да поглотит тебя черная вода! — прокричала Буба вдогонку обвалу, прикрыла собой детей и прищипорила коня пятками, уводя его от опасности.

Повернули на перевал Абано...

Шли во всю прыть, задыхаясь от торопливости.

И когда одолели они половину пути, сверху, из глубины скал, нависших над узкой тропой, до слуха Бубы донеслось журчание обвальной воды... Буба глянула вниз, и волосы дыбом встали на голове женщины: склон горы был сух, нигде не было видно ни пятнышка сырости... Вода скапливалась, разливалась, пропитывала землю в недрах склона, и земля вспухала, мокла, тяжелела свинцом, грозя вот-вот нависнуть оползнем.

А как поступит набухший оползень, кого и где погребет под собой, какие беды натворит, знают лишь бог на небесах да дьявол в преисподней...

Бешено забилося материнское сердце.

Холодный пот оросил побледневший, нахмуренный лоб...

...Рев и грохот потрясли все вокруг...

Скалы отряхнули плечи. Сотрясая землю и хрипло дыша паром и брызгами, нависла лавина... Сначала она двинулась мелко, узким ручьем, потом взревела, раскрылась веером, слизнула выступы, понеслась, увлекая с собой деревья, огромные валуны, кустарник, камни, грязь.

На сей раз первым заржал и шарахнулся конь, потом замычали и поворотили коровы и, наконец, заревели бычки. Задрав хвосты, понеслись они, не чуя под собой ног.

— Да поразит тебя гром! — вырвалось у матери, потерявшей голову от страха за жизнь детей.

И вновь пришлось возвращаться назад...

Грохот прекратился, там и сям тропинка была усеяна камнями, землей, скальной осыпью, а из невидимой пропасти доносилось глухое ворчание убывающего обвала.

Алазани вышла из берегов...

Наконец лавина иссякла, сползла, разлилась, затопив все вокруг, разлилась, погребя под собой кустарник, тропинки, ручьи, разлилась, срезав обзор, подтащив небосклон к самому носу.

В пазухах хурджина ворочались и дрожали дети.

Путь к отступлению был отрезан.

Спасения следовало искать впереди.

И всадница собралась с духом, призвала в помощь бога, грозно нахмурилась, подбодрила детей, потрепав их за вихор, грозно окликнула коня и принялась наступать на скотину, погоняя ее вперед...

Медленно двинулись они по тропинке.

Вокруг теснились огромные скалы, украшенные сверкающими белизной снежными шапками на лысых главах и вкруговую изборожденные отвесными тропами.

Средь дремучих кустарников и слепых ущелий, петляя, змеилась узкая, как жгут, и корявая, как коряга, пронизывающая страхом и наводящая ужас пешеходная тропинка.

А впереди путников ждал непокорный, коварный, предательский Урциехский брод.

По бровке тропинки шипел, дымился местами тушеный, тлеющий огонь — верно, тут коротали ночь путники, снявшие с бивака чуть заря и, видать, благополучно переправившиеся через Урциехо.

Солнечный день клонился к вечеру, потемнели, изменили облик горы и доли. Вспокоенная всадница окриками и маханием рук подгоняла скотину.

Урциехская впадина сжимала горло Алазани, рассекая ее надвое, и хриплый рев разъяренной, взбесившейся реки оглашал окрестные ущелья.

Пенистая речная вода, талый снег, ливневые и ледниковые потоки сошлись воедино и слились в бешеной скачке... Одни из них принесли в русло Алазани вырванные с корнем деревья, коряги, ветки, другие — огромные валуны, камни, обломки скал, третьи — навоз, висячие мосты, грязь...

На небольших перепадах Алазани текла довольно привольно, круша, срывая и размывая берега. В скалистых же теснинах она становилась на дыбы, развевала гриву, накатывала валы и разъяренная, грохоча и взрываясь пеной, оглушительно неслась дальше.

И этот путь не сулил путникам ничего хорошего.

На широком и длинном броду Алазани разливалась, несколько замедляла течение и мельчала.

Текла, с шипением рассекая воздух.

В ряд, гуськом, выбившись из сил, подступил к реке караван.

Разгневанная всадница, облизывая пересохшие губы и до рези в глазах выглядывая в реке мелкое место, несколько раз взад-вперед проехала перед стадом.

Насмерть перепуганные малыши, вцепившись ручонками в материнские локоны, тянули голову Бубы то влево, то вправо.

Скотина, крепко сдвинув ноги, не собиралась продвигаться вперед.

А время привычно торопилось. Светило уже не глядело на землю. Соскользнув вниз, за гору, оно тянуло свои обессилевшие, бледные лучи вверх к окоему.

Буба опробовала прочность хурджина, притороченного к седлу, подбодрила скивших детей, прикрикнула

на скотину, взмахнула плетью и подогнала ее к мелкой воде.

Одна безрогая, смиренная корова повернула голову назад, помедлила, но так и не дождавшись одобрения хозяйки, покорно склонила выю и вошла в реку...

Увидев такое, потянулись за безрогой и все остальные.

Сначала вода дошла скотине по колено, затем по брюхо, а после пошла перекатываться через спину... Вскорости на поверхности виднелись лишь задранные морды да плывущие хвосты.

Не успело стадо дойти и до середины брода, как река подхватила бычков и коров, развернула их и понесла по течению...

Понесла по течению, грозя вот-вот стремглав увлечь их от брода.

Отнесет от брода и пиши пропало.

Ужас объял Бубу: все достояние и достаток семьи просачивались меж пальцев, уносились водой.

— Да иссохнет твой исток, Алазани! — прокляла женщина реку, натянула поводья, направила коня вниз вдоль берега и в надежде перехватить стадо врезалась в воду.

И схватились друг с дружкой река и конь.

Победа клонилась то на сторону воды, то на сторону коня.

В конце концов река изловчилась и повернула коня обратно.

Женщина изо всех сил вцепилась в поводья, стремясь задрать коню морду, но тщетно.

Тем временем стадо миновало брод и сделалось невидимым.

Дети истошно вопили.

Буба поглядела вниз: вода остановилась, берег, горы и деревья же, раскачиваясь, разбегались в стороны... Хурджин наполнился водой, потрясенные дети нахохлились, посинели от холода, рыдания сдавили им горло и глаза их были готовы выскочить из орбит.

— Как бы не свихнулись они у меня! — простонала испуганная мать и накрыла голову одного из мальчишек полой платья, а так как на другого одежды не

хватило, убрала левую руку с узды и прикрыла ему глаза.

Конь, почувствовав некоторую свободу, понёсся во всю прыть.

Сколько ни пыталась Буба натянуть поводья одной рукой, сколько ни сжимала коленями бока коня, все было напрасно... Тушинские всадницы никогда не вставляют в стремяна ног, опасаясь, как бы не удлиннились, не вытянулись нижние конечности — не приведи господи, еще задерется платье и обнажит напрягшиеся икры...

Таковы обычаи, таковы нравы тушин...

Конь вырвал поводья из рук женщины, завертелся волчком, подставляя волне то один, то другой бок, и с грехом пополам поплыл к завидневшемуся берегу.

Тулово коня скрылось под водой, волна подхватила женщину и снесла ее с седла...

Обессилевшая всадница остервенело ухватилась за гриву коня... Жеребец одолел наконец брод, тяжело протопал по мелководью и вынес Бубу на берег...

Конь, дрожа всем телом, застыл на месте.

Измученная женщина повалилась на землю.

Одежда насквозь промокла и всадницу сковал холод, не давая ей даже шевельнуться.

В полузабытьи она что-то вспомнила, напряглась, собравшись с последними силами, стряхнула оцепенение, подтянула ноги, встала на четвереньки, поднялась...

Чего-то не хватало ей, чего-то не доставало, чего-то дорогого и сокровенного уже не было с ней...

Она вновь прошла весь путь до брода, вернулась к коню, со всех сторон оглядела его...

Но никак не могла найти то, что искала, того, что она искала, нигде не было видно...

И пламя, языки пламени все больше и больше охватывали ее...

Женщина обошла коня кругом, провела рукой по мокрой спине, оглядела круп, заглянула под брюхо.

Заглянула под брюхо и оторопела: подпруга ослабла и седло болталось под брюхом коня.

— Где хурджин?! — мигом пришла она в себя и ледяющий душу вопль потряс округу.

Хурджина нигде не было видно.

Хурджина было не видать, и обрушилось небо, рухнули скалы, взвилось ущелье.

И все исчезло.

И осталась лишь река, была лишь вода и слышался лишь рокот волн.

Воздуха не хватало. Буба рванула ворот. Рука задела металлическую бляху, служившую амулетом.

Женщина сорвала ее и швырнула оземь.

— Абайме! — вскричала Буба, расцарапала ногтями лицо и бросилась к реке.

— Абайме! — выдрав из головы клочья волос, зашвырнула их в воду женщина.

— Абайме! Абайме! Абайме! — окликнули друг друга ненасытившиеся грехами ущелья.

— Дети мои, даже камень пригрел жизнь, я же не смогла уберечь вас от смерти! — ворвалась в реку женщина.

Гневно встретила ее клокочущая вода... Тряхнула, сбила с ног, перевернула, взвалила на спину и понесла, как щепку...

Протащив свою ношу через брод, вода погрузила ее в стремнину, послав вдогонку грохот камней, взрывы волн и скрежет сшибающихся деревьев.

Да воздаст тебе бог, Алазани!

В сумерки спешивший к Омало Бесаро заметил по ту сторону Урциехского брода дрожащего коня своей жены с болтающейся подпругой и свороченным набором седлом. Страх громом поразил его. Он с силой хлопнул себя рукой по лбу, свернул с дороги, спешил, подошел к Алазани и берегом пустился вниз по ее течению...

Миновав Чанчахованскую Алазани, он двинулся вдоль Гомецарской Алазани, прошел Кумелаурта, Омало, взглянув на него в последний раз, из Орцкали вышел к Пирикитской Алазани, прошагал по-над Алазани, несущей воды от околицы Агеурта до Дидоэти, а после, переправившись на другой берег, последовал за омусульманенной Алазанью — Андискойсу — до самого Каспийского моря...

С той самой поры никто не видел Бесаро.

И ко множеству семейств, погибших на этих тро-

пах, прибавилось еще одно молодое, полное жизни се-
мейство.

В народе говорят: каждой весной, как только в
снегу появятся проталины, загрохочут ущелья и за-
клокочут реки, возле Урциехского брода появляется жен-
щина с распущенными волосами, вся в черном, и со
стонами и причитаниями молит проходящих пастухов:
«Где-то тут бегают мои голубочки... Да поможет вам бог,
будьте начеку, как бы не погнались за ними ваши соба-
ки, не нагнали на них страху лаем да ворчаньем»...

* * *

11 июля 1982 года в Омало не протиснуться было
в людской толпе.

Вверх и вниз носились стайки автолюбителей.

Изумрудно сверкали зеленеющие леса, горы, лож-
бины.

Небесный купол высок и округл.

Воздух — прозрачен-прозрачен.

Молчали грозные горы, слепые ущелья, бездонные
пропасти, говорливые реки, заплесневелые сторожевые
башни, обрушившиеся, заросшие бурьяном жилища...

На резном балконе полуобвалившегося, сложен-
ного из речного камня дома Бубы и Бесаро стоял, при-
слонясь плечом к замшелому столбу, руководитель рес-
публики с непокрытой головой, в одном пиджаке, в ру-
башке с распахнутым воротом, без галстука. Стоял,
улыбался, радовался. И поздравлял с автомобильной
дорогой до самого Омало, с созданием Омалойского
сельсовета и тушинского животноводческого совхоза
счастливых хозяев этих гор и долин — тушин, возвра-
тившихся к остывшим очагам своих предков...

Время от времени ветер из ущелья доносил припев
песни, которую пели гости на свадебном пиру:

Кто сказал, что тушины сгинут, —
Никогда не бывать такому!..

Присяга

Тушины не рабы властителей
Кахети, однако же покорны
им, споспешествуют войском
данью. В сече они беззавет-
ны, отважны, силою знатны
и воины вельми победоносны.

Вахушти Батонишвили

СОЛНЦЕ обошло весь белый свет, выбившись из сил, поскользнулось на крутом краю неба, покатилося шаром в преисподнюю, расстелило бурку, готовясь отойти ко сну.

Рев скота, хлопанье кнутов, пастухи, пахари и сеятели одновременно подступили к селам.

Ребячий визг, довольные улыбки невесток, заботливая возня матерей и жен и залиvistый собачий лай встретили пришедших.

Иные из селений раскинулись в ложбине величистой с ладонь, другие гнездились у подножия горы, а третьи рассыпались по склону ущелья.

К четырехэтажному дому-крепости хевисбера верхом на взмыленном жеребце подскакал юноша весь в поту и пыли.

Выпростав ноги из стремян, он оперся руками о луку седла, высоко вверх взметнул свое ладное тело и ловко спрыгнул наземь. Затем потер коню уши, вытащил у него изо рта изогнутые удила, смахнул пену с утолщенных уголков губ, бросил ему на спину отделанную серебром уздечку и отпустил отдышаться, обсохнуть, попасться. А сам, отряхнув с одежды пыль, потянулся и прошелся взад-вперед.

Статному юноше очень шла чоха дигорского сукна с обшлагами, ахалухи красного атласа с вышивкой, обшитый позументом башлык, карабахские шаровары, наборный пояс с серебряными пряжками, кинжал и сабля с золотой насечкой, ружье, пистолет и крашенные басмой чувяки.

Он пошарил рукой за пазухой чохи — на месте ли

тайное послание, но доставать не стал — по обычаю вестников он знал его содержание.

«Мои тушины, враг зашевелился и со дня на день нападет на нас. Одним своим войском мне с ним не совладать, посему и порешил я призвать по мужчине с дыма», — устами царя оповещала родина-мать.

* * *

— Люди добрые! — крикнул юноша.

Его услышали.

Выглянули.

Вышли навстречу.

Гость по очереди поздоровался с многочисленными домочадцами.

— Здравствуй, — ответствовали на приветствие мужчины, пожимая ему руку.

— Да пошлет тебе бог удачи! — стыдливо откликнулись женщины.

С жеребца сняли сбрую и привязали его к коновязи. Вестник справился о пастухах и отарах, хозяин — о Кахети и царе кахов.

Юноша с горечью поведал хозяевам о тяготах страны и передал им послание царя.

Женщины расцарапали себе лица.

У мужей, не раз побеждавших барсов, вырвался стон, а руки невольно поползли к кинжалам.

— Не сдобровать сучьему отродью! — проговорил хевисбер и оборотился к сыновьям.

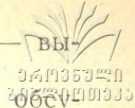
Оборотился и... Юноши вскочили на коней, взмахнули плетками и понеслись вскачь.

И перестук копыт с четырех сторон вспорол мрак...

И подобно светлячкам засверкали искры, высеченные подковами...

* * *

Юношу пригласили в дом, провели через темные сени — баштэ, служившие в зиму хлевом для скота, поднялись по деревянной лестнице, пролезли через отверстие и оказались на втором — срединном — этаже. На стене, покрытой пестрыми коврами, висели волынка, чонгури и бубен, а под ними высился деревянный сундук — крочи. Справа от крочи стояла заправленная

домотканым покрывалом тахта, а слева от нее — сокий стол.

Невестки стянули с гостя чувяки, обмыли и обсушили ему ноги, надели грубошерстные носки и поднесли вязаные чити¹.

Глава семейства и юноша уселись на тахту и приступили к беседе.

— И третий этаж, повыше срединного, — рассказывал гостю хозяин — бери, — мы устроили под жилье, как иначе разместишь столь многочисленное семейство. Последний же, четвертый этаж, помещение меж кровлей и потолком, занимает черхо — боевая часть дома, поверх башни вырезаны четырехугольные бойницы, на которых, как ты успел, верно, заметить, вдоволь следов копоты и пуль.

Бердэда² была облачена в длинную суконную чоху цвета индиго с глухим воротом, грудь ее покрывал вышитый нагрудник, в ушах мерцали серебряные серьги, а на шее висели агатовые бусы.

Черные думы нахлынули на бери и бердэду, вздувая голубые жилки на виске.

Бердэда отдавала распоряжения — и на стол накладывались котори с пылу с жару, мачкати с хавици, хинкали, чабанская каурма, соленая журица, рубленые гизантари и гомати, шипящее ниhi, водка-первач, пенящееся пиво.

Бердэда оглядела стол и обратилась к мужу:

— Пора гостя к столу звать!

— Сейчас, хозяйюшка, сейчас, — откликнулся бери, поднялся и помог подняться гостю.

Подсели к столу. Старик засучил рукава, помянул бога и протянул юноше хлеб.

Гостю накладывали кушанья, заставляли пить. Виночерпий — дочь на выданье, Твалмахара, — подносила пиво в турьем роге, а водку — в малом козьем.

---

¹ Чити — гарусные теплые носки двойной вязки, которые тушины носят дома вместо чувяков.

² Бердэда — старейшая, старшая женщина в доме.

Юношеское сердце вестника билось что есть сил, горячая кровь кипела — время от времени он забывал о тяготах любимой отчизны и не сводил глаз с черной глазой Твалмахары..

Правда, девушка ни разу не встретилась взглядом с пронзительным, горячим взором юноши, но женским чутьем ощущала его то спиной, то оленьей шеей, то налитыми бедрами, то высокой грудью..

Было не время продолжать застолье. Вестник сослался на усталость, и ужин завершился.

Беро дымил трубкой, бердэда нюхала табак.

Твалмахара расстелила на тахте бурку, уложила юношу, подложила ему под голову сложенную вдвое шкуру и укрыла медвежьей полостью.

Гость недолго поворочался и затих.

Как только гость уснул, хозяева разбрелись и занялись делом.

Улучив минутку, Твалмахара сбежала по лестнице, достала припрятанный в баштэ кисет, спрятала его за пазуху, вышла во двор и поспешила по тропинке.

Высунувшиеся из крепостей стражники прорезали пылающими факелами мрак ночи..

На наблюдательных пригорках и дозорных вышках жгли костры, и языки пламени облизывали небо..

Гудели колокола, полоша округу..

Гомецари подавала сигнал тревоги Цовате, Цовата — Пирикити, Пирикити — Чагме.

Содрогались шестьдесят селений пятиугольной Тушети..

Женщины готовили воинам одежду и харчи на долгий срок — постепенно раздувались переметные сумы, хурджины, бурдюки и меха.

Иные из мужчин чистили выдавшие виды пищали, берданки, пистолеты, ссыпали порох в мешочки, другие пробовали лезвия кинжалов, мечей, сабель и правили их. Шорники осматривали сбрую и меняли негодные части. Кузнецы подковывали чалых, каурых, буланых низкорослых, но выносливых и легконогих тушинских коней..

Зло заливались псы..

Протяжно выли лисицы.

Вольная, гордая и прекрасная Тушети поднялась на ноги и снаряжалась к походу..

И ланью неслась Твалмаха́ра по узкой тропе... Во мраке она разглядела бегущего навстречу суженого. Девушка поздоровалась первой, раскрыла объятия, но замешкалась, не давая выхода страсти... Вздогнула, опаматовалась, овладела собой и пристыженно трепещущая застыла перед своим избранником.

Юноша приблизился к суженой, привлек ее к себе и впервые — в темноте — взглянул ей прямо в очи.

— Твалмаха́ра, моя Твалмаха́ра, радость моя!

— Гиги, милый, Гиги...

— Ухожу я...

— Знаю, — ответила она, отступила назад и с силой дернула себя за все четыре локона.

— Не поцелуешь меня на прощание? — надтреснутым голосом спросил юноша и вновь привлек ее к себе.

— Нет.. Поцелую при встрече! — поникнув головой, проговорила она, вытащила из-за пазухи кисет, протянула суженому и отступила в сторонку.

Гиги подбросил кисет в воздух и поцеловал его.

— Моя Твалмаха́ра! — простонал Гиги.

— Мой Гиги!.. — прошептала Твалмаха́ра.

Некоторое время они простояли молча, а потом, словно разговор вконец иссяк, постепенно отдалились друг от друга. Девушка повернула вспять, а юноша пошел своим путем.

Эгей, остановитесь, остановитесь и вернитесь назад, влюбленные! Не расставайтесь, хотя бы недолго побудьте вместе, ну, посмелее, приголубьте друг дружку, осыпьте градом поцелуев уста, вежды, ланиты. Потешьте душу нежностью и лаской, вкусите сладость любви, ибо... жизнь коварна, изменчива и вероломна — ведь это ваша последняя встреча, последнее свидание...

Горе, горе, не слышна вам моя мольба...

Горе, горе, вы все дальше и дальше уходите друг от друга...

Эх, просто с вами говорит человек, пришедший из другого времени, не то, как знать, может вы и правы, орлята тушинских гор, что не топчете обычаев предков!..

Перепоручив соху, овец и скотину заботам стариков, женщин и детей, несколько сотен отважных тушин

верхом на тушинских конях со своим провиантом и ору-
жием тронулись поутру в путь с развернутыми знамен-
нами.

И провожали их деды и бабки, отцы и матери, же-
ны и дети, сестры и суженые, тепло семейных очагов
и запахи родительских гнездовий.

И лились горячие слезоньки, сжималось сердце от
вздохов и стенаний, неслись к небесам мольбы и заклин-
нания.

В отборном войске выделялись два брата — Гиги
и Лагази.

Особливо же хорош был Гиги — статный и могу-
чий, как родные горы, суровое лицо, бездонные мечта-
тельные глаза, черные, словно агат, закрученные усы.

Нахлестывали, торопили, устремляли коней.

Их призывала родина.

Святейший долг призывал их...

Восседавший верхом на поджаром жеребце Гиги
во весь рост приподнялся на стременах, отыскал в тол-
пе Твалмахару, на мгновение встретился с ней взглядом
и затянул песню:

Жена сказала: мне не нужен муж,
Махающий косою со мною рядом,
А лучше, коль в кольчугу облачен,
Мечом в бою он поражает гада.

Грусть затуманила взор Твалмахары, смешала мыс-
ли. Она сбилась с шага и затеребила локон...

Ехавший позади Лагази прищпорил коня, понесся
вперед и, поравнявшись с братом, подхватил песню:

Мужу пристало любить
Отчизну, народ родимый,
Не дрогнув, врага разить...

Гикнули всадники, взмахнули плетью и пусти-
лись галопом.

Дорога была длинна, провиант и снаряжение —
тяжелы.

На кручах кони, гуськом следуя друг за другом,
вытягивались в струнку, в ложбинах же рассыпались и
шли наметом, рысью, галопом. Гиканье, ржание, улю-
люканье объяло всю округу, всадники обгоняли, обхо-
дили, обставляли друг дружку.

А по пути, а по дороге —

столбы, столбы, столбы, на черных пластинах бе-

лые надписи: такой-то и такой-то, такого-то и такого-то возраста, в такое-то и такое-то время, по такой-то и такой-то причине...

Спешивались, склоняли головы, сдергивали шапки, пускали по кругу поминальные чаши

— светлая память, светлая память, светлая память...

В вечернюю пору, не доезжая до перевала, всадники остановились, развьючили коней, перекусили стоя — заели сыр хлебом, сдобрили кумели¹, запили талой водой, расстелили бурки, завернулись в них, улеглись поудобней и уснули крепким сном.

На рассвете встали все как один, огляделись по сторонам, несуетливо принялись снаряжаться в путь, пошли за конями.

Буланый жеребец стоял на гребне горы, ржал время от времени и жевал сухую траву. Гиги подобрался к коню со стороны ущелья, провел ладонью по красивой гриве — как знать, вспомнил локоны Твалмахары...

Хозяйская ласка пришлась по душе коню. Он высоко задрал морду, повернулся к Гиги и замотал головой.

Замотал головой и у передних копыт увидел вдруг изогнутое тулово змеи.

Всхрапнул в страхе.

Взмахнул крупом.

Встал на дыбы...

И столкнул Гиги в бездонную пропасть.

— Вайме-е! — вскричал юноша, вниз головой падая в зев ущелья.

Э-эх, как вы добры, горы, коли человек осторожен и осмотрителен, и как безжалостны, коли, увлеченный мечтой, он пойдет на поводу у сердца...

Сначала он летел по воздуху, затем ударился о выступ грудью и не успел даже ойкнуть, как некая незримая сила отбросила его в сторону. Потом он вновь понесся вниз, на сей раз спиной налетел на мощный уступ и сломал позвоночник... А после, бездыханный,

---

¹ Кумели — блюдо из жареной муки, заправленное медом.

разбитый и изодранный, покатился по склону, увлекая за собой камни, обломки валунов и осыпающуюся землю...

Камни и валуны нагнали тело, обрушились на него, смяли и погребли под раздавленным кустом...

Иные уверяют, что еще и поныне не умолкают скрежет и грохот камней, валунов и галечника, осыпающихся в бездонное ущелье.

* * *

Из прутьев и обтесанных стволов деревьев сплели на скорую руку носилки — уложили на них покойного. Со стонами, задыхаясь и обливаясь потом, дотащили наверх все еще теплое тело.

Бережно опустили носилки на поляну.

Воины мяли в руках шапки. Родичи приблизились к усопшему.

Из кармана чохи выпал кисет, стянутый тесьмой.

Оба конца тесьмы заканчивались плетеной бахромкой, на кисете была вышита женская рука с красным в голубых прожилках сердцем на ладони, а сердце пронзено оперенной стрелой...

Труп расчленили, завернули в бурку, уложили в хурджин и перебросили через седло коня. Затем к седлу приторочили ружье, кинжал и трехбороздчатый меч усопшего. Нарвали овса и чертополоха, подвесили пучки к подгруднику коня, укоротили поводья и обмотали вокруг луки седла, чтобы конь не увлекся невзначай пастьбой и не задержался — труп мог разложиться, а смрад — привлечь воронье, волков и гиен.

Послали людей в лес привезти дубовых кольев, ободрали, обтесали, врыли в землю — в знак гибели.

Не рыдали, слез не проливали, не оглашали округу причитаниями — запрятали глубоко в сердце...

Подстрелили антилопу, разожгли костер, нанизали на прутья шашлык.

Наполнили роги ячменной водкой, помянули душу покойного. Потом помянули всех погибших в пути-дороге.

В третий раз подняли роги, выразили соболезно-

вание Лагази и пожелали, чтобы потеря сия была последней.

Поднялись, вытерли руки об остатки хлеба и с горечью, застрявшей в горле.

Завернули коня назад, похлопали по крупу ладонью и отправили на север...

Наши несравненные матери и сестры, к счастью или к несчастью, вам выпала участь рожать мужей и жен, растить и оплакивать их...

Что ж, рожайте...

Что ж, растите...

Что ж, оплакивайте...

Что поделать.

Ведь вы непривычны к жалобам, упрекам.

И да будет легка вам сия тяжелейшая и горчайшая ноша рода человеческого...

Так вот, прошу вас, соберитесь с духом и приготовьтесь к тому, что небо обрушится вам на голову, громы и молнии сразят вас.

Не сегодня, так завтра подступит к воротам взмыленный жеребец с трясущейся головой, впалыми боками и с раздутым хурджином...

И рыдайте...

И лейте слезы.

И причитайте...

И истязайте нежную натруженную грудь, бия себя кулаком.

И приторочьте траурный бант к правой стороне и без того черного вашего одеяния.

Оплачь втихомолку и ты, не выдавшая радости моя Твалмахаара, свою обездоленную, нераскрывшуюся, с корнем вырванную любовь...

Горе, горе, заупрямились и не послушались меня...

Горе, горе, не вняли моему гласу...

* * *

Воины перевалили через Башский перевал.

На перевале выпал снег и словно белой буркой укутал огромные горы.

Внизу туман занавесил Кахети, и казалось, что

и Сторское ущелье, и Алазанскую долину залили моло-
ком.

Высоко, в голубом мареве, застыя оком, привольно
резвился орел, клекоча чертил круги белоголовой спи,
хлопая крыльями носился ненасытный стервятник.

Всадники, целиком доверяясь конскому чутью, не
глядя ехали шагом.

Отряд приблизился к дремучему лесу. Туман и ко-
лючий кустарник отступили назад.

Показались могучие столетние деревья, усыпан-
ные гроздьями лóзы дикого винограда, усевшиеся на
ветви клубки зеленой омелы, карабкающийся по скалам
изумрудный плющ, одетые в бархат мха валуны...

То здесь, то там проносились всполошенные олени
с вытянутыми шеями и косули с белыми родинками, ла-
ни со сверкающими очами и серны с пестрыми спинками.

Дурно вереща, хрустя валежником, протрусил ка-
банье стадо.

Косолапый медведь-шатун, набредший на мед в
дупле, с наслаждением лакомился и, мотая головой, от-
махивался от пчел.

И было столпотворение перепархивающих с ветки
на ветку, свистящих и поющих пернатых.

В ущелье заглянуло солнце и капельками повисло
на багровых ягодах рябины, росшей вдоль тропинки.

Продравшееся сквозь заросли, пропитанное росой
войнство и кони медленно обсыхали, и над ними клу-
бились облачка пара...

Воины спустились в Каклианичала, передохнули,
подвязали коням хвосты, вновь вскочили на них и, прой-
дя на рысях Лечуру, Пщавели и Лалискури, вырва-
лись на Алонскую долину.

Войско расчленилось, и воины направились на ноч-
лег, каждый к стоянке своей отары. Зимние же пастби-
ща были у кого на Тахтигоре, у кого на Чакидула, у
кого на Каклиани, у кого на Гацкветили, у кого на Гур-
гулчале, у кого на Пхакалуре, у кого на Цацакуре, у
кого на Горисболо, а у кого на Джанджаани.

Поверх землянок высились скирды сена, а вокруг
раскинулись пахотные участки.

Участки, по обыкновению, обрабатывали пахари-
издольщики, пришедшие из Гулгули, Алаверди, Киста-
ури, Ожио и Матани.

Из землянок навстречу войнам высыпали издольщики. Только и было разговоров, что о хватке-нехватке корма и сена на зиму, о починке землянок и овсяном об урожае и хранении ячменя и овса.

Утром, чуть свет, войско поднялось, снарядилось, перешло вброд вспененную Алазани и вышло к Ахмета. Шли по проселкам, минуя село за селом.

У заборов и оград стояли старухи с детьми на руках и опирающиеся на лопаты старики. Они благословляли воинов и желали им доброго пути, а созревшие девушки-подростки сломя голову мчались в дома, выстроившиеся по обочине дороги, распахивали окна и бросали розы смущенным юношам...

Иные смелые девчонки-сорвиголовы, не удовольствовавшись этим, прикладывали ладошки к нецелованным губам и щелчком посылали поцелуй вдогонку приглянувшимся отрокам.

Юноши, не желая оставаться в долгу, отвечали тем же. Блестели глаза, взад и вперед летали смешки, хихиканье и воздушные поцелуи.

У подходов к Телави войско свернуло вправо, миновало Шушанское ущелье и, проскакав еще немного, поворотило коней влево и подступило к купольному монастырю Шуамта.

Остановившись возле ограды, воины спешили, ослабили подпруги, сняли сбрую, наложили путы на ноги коней и отпустили их на волю.

И люди, и кони прильнули к журчащему роднику и вытекающему из родника ручейку.

День был воскресный, небо — высоко, солнце — паляще, паства — пестра и несчетна.

Воины прошли в открытые ворота, сняли шапки, оглядели огромные уголья монастыря и крестясь вошли в собор.

Едва умещавшийся в мантии седовласый могучий настоятель в митре возвышался на амвоне со сверкающим крестом в руке и читал молитву густым протяжным басом.

Слева от амвона, возле анаоя, покрытого алым бархатом, стоял пожилой псаломщик, с упованием устремляя взор на фрески с изображением Спасителя, Бо-

городицы и херувимов, на настоятеля и толпившуюся паству.

Степенный дьякон с расстановкой шествовал по кругу амвона, размахивая кадилом и распространяя по собору благостный запах воскурений.

Воины входили в собор группами, опускали в медные копилки, развешанные по углам, пожертвования — серебряные монеты, покупали по три свечи, возжигали их в честь Грузии, царя и родного семейства, а затем уступали место новому потоку.

Один из последней группы воинов — живой как ртуть, рыжеволосый тушин то и дело переводил взгляд с иконы Спасителя на икону Богородицы, затем с умилением поглядывал на настоятеля, Иоана-крестителя и святого Георгия. Истово крестясь и бия поклоны, он шепотом, втихомолку от пастыря и дьякона, молил Лашару¹ ниспослать удачу отчизне, кахетинскому царю и домочадцам.

* * *

Некоторое время воины ехали по прямой дороге, потом по извилистой, затем вступили на подъем, оставили позади Тетрицклеби и двинулись на Гомбори.

На горном перевале случился оползень, увлекший с собой в ущелье проходившую по перевалу дорогу, проезжавшую по дороге арбу с навесом и сидевших на ней путников.

Арба с разнесенными в щепу оглоблями и колесами валялась справа, изодранный же в лохмотья навес — слева.

Волы, увязнувшие в расселинах скалы, жалобно мычали.

Забрызганный грязью старый, тучный князь с непокрытой головой, растянувшись во весь рост на земле, гневно выговаривал что-то аробщику. Шагах в двадцати от него, внизу на дне ущелья валялась высокая мерлушковая шапка серого цвета.

Волосы у князя, на щеке у которого подобно ущербной луне виднелся рубец от сабельного удара, заметно поредели, и теперь всю заботу он перенес на свои ог-

---

¹ Лашара — главная святыня языческой Тушети

ромные усы размером самое меньшее, чтобы не соврату,
в пол-аршина.

Аробщик, потерявший от ужаса голову, сноват
взад-вперед, суетился, но ничего путного у него не по-
лучалось.

Неловко распластавшаяся поблизости от мужа кня-
гиня в чихта-копи беспомощно всплескивала руками и
плачущим голосом справлялась о самочувствии дочери
Мзехатуны. Неподалеку девушка с ангельской внешне-
стью, опустившись на одно колено, тщетно пыталась
перевязать платком другое — окровавленное и разо-
дранное.

Тушины немедленно принялись за дело. Одни поспе-
шили на помощь князю, другие бросились к княгине, а
стаяка юношей окружила девушку.

Подхватив на руки Мзехатуну и ее родителей, ту-
шины в мгновение ока перенесли их на ложбину.

— Как вы поживаете, друзья-тушины? — спросил
князь.

— Хорошо, милостью гор и долин, грех жалиться.

— Куда путь держите?

— Царь нас призвал.

— Эх, не ко времени старость меня одолела, не-
сладко нам нынче, ох, несладко...

— С того мы и поспешаем...

— Знаю, дети мои, удасть тушин мне ведома, не
раз доводилось сражаться бок о бок с вашими отцами,
убежден, и вы не дадите врагу спуску...

— Коли понадобится отчизне...

...Часть воинов вызволила волов, другие, собрав об-
ломки арбы, приступили к починке навеса.

Несколько юношей сбросили с плеч бурки, рассте-
лили их на земле, усадили белозубую и солнцеликую
Мзехатуну и принялись наперебой оспаривать друг у
друга почетное право перевязать ей пораненное колено.

В конце концов, как это всегда водится в подобных
случаях, верх взял один из юношей, который, оттеснив
всех соперников, остался с глазу на глаз с девушкой.

Кареглазый юноша был высок, плечист и строен.

И сколь отважен и несгибаем был юный воин среди
своих сверстников, столь же робок и беспомощен ока-

зался он, оставшись наедине с нежной и прекрасной Мзехатуной.

Отрок, трепеща и дрожа, и так и эдак прикладывая повязку к колену девушки, мешал ему то ли подол платья, то ли еще какая-то чертовщина. Он сердился на себя, не в силах справиться с пустячным, казалось бы, делом.

Княгиня, закрыв лицо руками и закусив губу, сидела спиной к дочери, и плечи у нее подрагивали.

Князь, лежа на боку позади своей дочери, не сводил глаз с юноши и глухо стонал. Едва заметная улыбка кривила его пышные, белые как снег усы. Старик кашлянул, стремясь привлечь внимание плечистого тушина, потом, положив руку на рукоятку сабли, резко отвел ее в сторону, показывая, что нужно обнажить кинжал и разрезать платье.

Юноша выпростал кинжал, но сомнения вдруг овладели им. На лбу выступил холодный пот и рука с кинжалом повисла в воздухе.

Девушка устремила на юношу затравленный взгляд и возглас ужаса застрял у нее в горле.

— Ну же, ну, смелее! — на сей раз громко воскликнул князь и нетерпеливо дернул себя за ус.

Клинок сверкнул на солнце.

— Вайме! — вырвалось у Мзехатуны.

— Уйме! — вскричала княгиня.

Мзехатуна тщетно пыталась прикрыть руками и полой разрезанного надвое платья свои точеные, молочно-белые ноги.

Кровь бросилась юноше в голову, но, овладев собой, он с грехом пополам перевязал пораненное колено.

Потом незаметно для окружающих подобрал клочок окровавленной повязки, снял шапку, отогнул околыш и трепетно спрятал драгоценную реликвию.

Между тем арбу починили, кое-как установили залатанный навес, помогли аробщику запрячь волов и усадили на арбу князя и его супругу. Юноша подхватил на руки Мзехатуну, бережно опустил ее позади родителей, стремглав бросился к своему коню, стащил с него скатанную бурку и бурдюк с водкой. Затем бегом вернулся к повозке, стряхнул рукавом пыль с бурдюка, подложил его под коленку ненаглядной Мзехатуны и тут же пристроил бурку.

— Не беспокойся, сынок, забери бурдюк и бурку, — обняв дочь, обратилась к юноше пришедшая в себя княгиня.

— Нет, нет, госпожа, это что... — ответил юноша и тут же подумал про себя: «Эх, да что там бурка, будь моя воля, я бы и сердце бросил ей под ноги».

— Водка еще куда ни шло, ничего окромя беды от нее не видать, но как тебе — воину без бурки обойтись?

— Коль уж мне привалило такое счастье, что нога этого ангела покоится на моей бурке, деваться некуда, придется самое меньшее двадцать кизилбашских бурок без хозяев оставить, — проговорил юноша, исподтишка поглядывая на Мзехатуна.

Девушка, спрятав лицо в вуаль, сидела затаив дыхание.

Улыбка вновь тронула белые как снег усы князя.

— Благодарствую, тушины, спаси вас бог! — сняв шапку, произнес старец.

— Да возвратитесь вы к своим очагам целы и невредимы! — воздев руки к небу, благословила воинов княгиня.

Мзехатуна, потупив очи, по-прежнему хранила молчание.

В свою очередь тушины тоже обнажили головы и пожелали доброго пути князю, его супруге и дочери.

Арба повернула на восток, войско — на запад.

На перевале, в полном одиночестве, скрестив на груди руки, стоял статный кареглазый юноша с непокрытой головой и зачарованно провожал глазами катившуюся под гору арбу.

Жарко пригревало полуденное солнце и ветер трепал юношеский вихор.

Горячий жеребец нетерпеливо бил копытами землю и протяжным ржанием пытался вывести всадника из забытья.

Внезапно Мзехатуна обернулась, снизу вверх поглядела на юношу, улыбнулась, вытянула руку в сторону и разжала кулачок. Золотистый платочек мелькнул на солнце и бабочкой опустился на густую зелень лужайки.

Воин подпрыгнул, что-то обнял руками в воздухе,

потом, чуть обождав, пока арба прокатится вперед, бежал вниз, подхватил платок, прижал его к груди, возвратился к коню, вскочил на него, взвил на дыбы и весь опор помчался вслед за товарищами.

— Что, кроме беззаветной любви к своей родине Грузии, принуждает этих людей противостоять лезгинам? Ведь переметнись они на сторону мусульманских соседей, и повседневные стычки и кровопролития как рукой бы сняло! Неужели все дело в пастбищах? — вслух заспорил с самим собой князь. — Нет, нет, коли они пошлину заплатят (даром их к Ширази никто не подпустит), пройдут себе через Дагестан, спустятся в Кизляр, вот где пастбищ и лугов видимо-невидимо. Вроде и вера тут ни при чем, не дюже они христову религию уважают, никак не могут со своими идолами и образами расстаться! А с какой чистотой и бережностью сохранили они наш обожаемый язык и нашенький облик! Стоит мне увидеть тушин, и тут же перед глазами встают их пропасти, ущелья и шальные тропы, по которым они в Кахети спускаются. Хочется подойти поближе к каждому, обнять и горячо поздравить, что живы они и невредимы...

Мзехатуна с сияющим лицом напряженно слушала отца.

Княгиня не сводила с мужа глаз и почему-то слезы срывались у нее с подбородка.

Арба, переваливаясь и скрипя, катилась по дороге.

* * *

Вестник вошел в лагерь и сообщил царским стражникам о прибытии тушин. Спустя некоторое время на встречу воинам, необычно хромя и протирая покрасневшие от бессонницы глаза, вышел старый царь.

Воины сдернули шапки и поклонились царю.

— Здравствуйте, мои тушины, вот и понадобились вы мне!

— Затем мы и пришли, государь!

— Напали на нас неверные, войско их несметно, а утроба — ненасытна, а нас всего-то раз-два и обчелся, впрочем, про то и вам ведомо, дети мои.

— Сразимся с ворогом, государь!

— Тяжела будет битва, на каждого с десятков неверных придется...

— Слава всевышнему, государь, не впервой нам вrophe...

— Эх, и вправду, что не впервой.. Дай бог, в следний... Пусть хотя бы потомки наши передохнут от войн да кровопролитий... А теперь отдыхайте, дети мои, потом присягу примете и завтра на рассвете с божьей помощью ринемся на врага.

Тушины переглянулись, пожалы плечами и округлили очи. От войска отделился кареглазый, плечистый, статный юноша и осмелился возразить царю:

— Ты нам врага укажи, государь, а присягать нам незначем... Любовь к отчизне мы впитали сызмальства вместе с молоком матери.

* * *

И ударили на заре барабаны.

Литавры

Да бубны...

Не зачеркивай!

НИ СВЕТ ни заря, когда бледная ущербная луна пошла на убыль, он выгнал отару из непокрытого овина, гикнул и рассеял ее по ложбине. Никаких опасных неожиданностей вроде бы не предвиделось.

Сегодня Гогале был в полном одиночестве, если не считать трех карнаухих пастушьих псов... Его напарник дядюшка Андро — обстоятельный, степенный мужчина, тщательно снарядив коня, запасшись харчем и прихватив с собой двух овчарок (впереди его ждал нелегкий путь — в Прикаспии вдоволь водились волки и гиены), пустился в двухдневную дорогу за мелкими покупками в поселок. Кроме этого поселка во всей округе не было ни единой деревни либо жилища и, само собой разумеется, никакой торговой точки.

Стоял обычный морозный, по колено в снегу февраль...

Автадил Галдавадзе. Тушинские рассказы.

Вправо, на расстоянии одного перегона отары, рожуще перекатывалась сверкающая чернотой Кура, стремившая к Каспию свои холодные воды.

Время от времени сыпала снежная крупа, временами студенистый дождь со снегом, а то задувал пронизывающий ветер, неся с собой колючую льдистую мелочь и стайки воздушных снежинок.

Округлившись, брюхатые, вот-вот собирающиеся разрешиться овцы пыхтя, чавкая и смачно жуя, налегли на соленую травяную снесь.

Кое-где в отару затесались дети греха втайне изгнанных (стыд-то какой!) овцематок. Ягнята весело резвились, поднимая фонтаны снежной пыли.

Гогале наломал в хлеву сухого хвороста, соломы, ивняка, набросал горкой, подпалил и разжег огонь. Сняв со спины сдвоенный овечий мех, он достал из него катышки сухого творога с поджаренной мукой и принялся за еду.

Он аппетитно уписывал за обе щеки свой неприятельный, но сытный завтрак.

Дул ветер, пламя плясало вприсядку, снег подтаивал кругами.

Гогале свистом и возгласами «чих-чих» окликал отару и, не переставая жевать, перемещался вокруг костра.

Перемещался, вытирая платком набивавшийся за ворот снежок, прикрывая глаза ладонью, а на его безусом, медно-обветренном лице играли блики пламени и то и дело набегавшая улыбка...

...А ведь три года, если не больше, впустую ломал он голову, чтобы открыться — признаться в любви... Целые дни умолял он свою одноклассницу Тамрико прийти на минутку в укромный уголок школьного двора... С грехом пополам удавалось ему, бывало, уговорить ее и остаться с ней с глазу на глаз во время большой перемены...

Испытующе посматривала на него прищурившаяся Тамрико.

Переминаясь с ноги на ногу и возбужденно потирая руки, Гогале озирался по сторонам и едва-едва выдавливал из себя:

— Я вот что хочу сказать тебе, Тамрико...

— Что же ты хочешь сказать, Гогале?

— А то, что, Тамрико...

— Так что же все-таки, Гогале?

И тут у Гогале отнимался язык. Выпучив глаза, смотрел он на стройные ножки своей собеседницы, не в силах вымолвить ни слова.

Навострив уши и нетерпеливо поводя плечами, Тамрико ждала еще несколько минут, потом облизывала кончиком языка замалиновевшие губы (или же попросту дразнила неудачливого ухаждёра) и вприпрыжку неслась в классную комнату.

В классе они сидели рядышком на одной парте.

Гогале был отличником и всегда тянул руку вверх. Встанет, бывало, дернет левым плечом, уставится на учительницу и, не переводя духа, выпалит весь урок.

«Что же происходит с его языком там?» — думала в таких случаях раздосадованная Тамрико.

В последующие дни Гогале все начинал по новой.

А времени не суждено было останавливаться.

Еще немного, закончат они школу и, словно ласточка, улетит ладная, глазастая, звонкоголосая Тамрико. Звонкоголосая Тамрико...

Когда Тамрико со своим тополиным станом пройдет, бывало, в пляске «алванури», у всех зрителей от мала до велика ноги ходуном ходят.

Наступили выпускные экзамены.

Вступили в зрелость ученики выпускного класса: у девчонок обозначилась грудь, у мальчишек пробился пушок на щеках.

Окончание средней школы — распутье для молодых — разбредутся кто куда.

Что замыслила Тамрико, Гогале было невдомек. Его же самого властно тянуло к отаре... Отвесные кручи Тушети, ее полные опасностей стежки-дорожки и покатые необозримые зимние пастбища уже с колыбели полюбились мечтательному юноше..

И вот признание в любви все запаздывало и топталось на месте.

И был ледяющий душу страх, что вот-вот улетит-упорхнет от него ненаглядная краса-девица.

Накануне первого экзамена Тамрико попросила у Гогале конспекты по грамматике грузинского языка.

Юноша, не чуя от радости ног, исполнил просьбу любимой и тотчас же примчал ей толстенную общую тетрадь, исписанную от корки до корки.

Всю ночь не смыкал глаз Гогале.

Утром они не сговариваясь явились в школу первыми.

Тамрико в плиссированной кашемировой юбке и белоснежной кофточке с короткими рукавами плавно покачивалась в своих лодочках на высоких каблуках. Ее иссиня-черные, волнистые волосы были схвачены белым атласным бантом.

Гогале так и обмер: видать, упорхнуть надумала, мелькнуло в мозгу. Кое-как собравшись с духом, он страдальчески наморщил лоб и решил попытать счастья еще раз.

— Я хочу кое-что сказать тебе, Тамрико...

— Что же ты хочешь сказать мне, Гогале? — навострила уши девушка.

— Я хочу сказать тебе, Тамрико, что...

— Ох, и замучили же меня твои недомолвки, на, держи свои конспекты! — резко выхватив из сумки тетрадь, она сунула ее в руку опешившего юноши и повернулась к нему спиной.

Земля разверзлась под ногами Гогале и он в отчаянии понурил голову.

Понурил голову, и взгляд его нечаянно упал на тетрадь: «Конспект по грамматике грузинского языка, Гогале — Тамрико Кизилашвили».

От неожиданности он разинул рот и резко поднял голову. Сердце его бешено забилося.

— Тамрико...

Девушка резво обернулась, сверкнув карими глазами.

— Это ты написала?..

— Я!

— Да, но...

— Зачеркнуть?! — жаркий румянец полыхнул на лице девушки. Она судорожно сжала пальцами ручку и потянулась за тетрадкой.

— Не зачеркивай!!! — хрипло воскликнул Гогале и, схватив Тамрико за запястье, выхватил у нее тетрадь.

В восклицании этом были одновременно и приказ, и мольба, и поклонение.

Бесконечно долг путь от Ширвана до Алвани... За все это время лишь по одной весточке отправилось туда и обратно...

«Работаю я на ферме Шота Лагазидзе. Мне доверили вместе с дядюшкой Андро ухаживать за одной отарой, до поры пока начнется окот — во время окота нам добавят еще одного человека. Дядюшка Андро—фронтвик, он стар и уже на пенсии, но с пастушьим посяхом расстаться так и не смог... Очень уж привязывают к себе эта блеющая баранта и замечательная красотища вокруг... Что ты поделяваешь? Кажется, ты попыталась счастья на экзаменах?.. Смотри, не соблазнишься пустой болтовней неудавшихся студентиков и не отягчай свою душу... Жди меня, вот перезимую с овцами и... Целует тебя несчетно твой Гогале», — писал начинающий пастух.

«Не смей прохаживаться по поводу неудавшихся студентиков... Я всегда мечтала стать журналистом. Потратив целых четыре года на ожидание твоих «признаний», на экзаменах я, конечно же, с треском провалилась... Впрочем, я совсем об этом не жалею... Теперь я работаю в бригаде Назо Петриашвили. Зарплата у нас не хуже, чем у какого-нибудь там редактора районной или многотиражной газеты. А еще и премии... словом, живем хорошо. Вот так-то... Жду тебя... перезимавшего! Твоя Тамрико», — писала Гогале наижеланнейшая.

Эге-ге, ну и невестушка же у нашего Гогале...

Вот перезимует он эту зиму без потерь в отаре, проводит ее на летние пастбища, возьмет отпуск, по дедовским обычаям украсит каурого жеребца, перевяжет ему шею красной лентой, посадит на него вестника, соберет родичей, кумов да сватов со всего Верхнего и Нижнего Алвани и устроит пир на весь мир... И разольется соловьем в красноречии тамада Тэдо Абашидзе, не будет конца-краю благословлению молодых супругов, пойдут по кругу роги и чаши, зачистит гармоника, вознесется к

небу песня «Как красива ты, Тушети» и пустятся гости в огневой пляс «алванури»...

И польются анекдоты, были и небылицы.

И непременно вспомнят о ставшей притчей во языцех истории одного ветврача.

...Закончил студент учебу в Тбилиси, положил в карман пиджака диплом ветврача и привез в отчий дом невестку — певицу оперного театра — неженку и модницу... Красоты и прелести ей было не занимать, да и земляк наш не мог пожаловаться на свою наружность.

Встанут, бывало, рядышком — глаз не оторвешь, лучшей пары и не сыскать... У мужчиной родни нашей певицы божьей милостью рояля в доме отродясь не водилось, петь же под аккомпанемент тушинской гармоники она, естественно, воздерживалась. Правда, если очень уж попросят, невестка, бывало, встанет в позу и проворкует песню воистину божественно и нежно.

Специалист наш подал заявление куда следует и получил назначение — кочевым ветеринаром района. Места себе не находил юноша от радости — еще бы: с одной стороны работа, какую поискать, а с другой — исполнится наконец заветнейшее желание дорогой женоушки — вдоволь насладиться первозданной девичьей красотой милой сердцу Тушети и причаститься к ее единственному богатству как до рождества Христова, так и после оно: увидеть несметные отары овец и гордость гор — неустанных пастухов...

Вступил ветеринар в должность, сел в вертолет вместе со своей пригожей суженой в телавском аэропорту и полетел в Тушети. Прослышали горцы, что едет к ним новый ветеринар с ненаглядной супругой, и все, кто был свободен, толпой высыпали встречать вертолет.

На аэродроме артистка осмотрелась, неземная красота Тушети потрясла ее, вознесла на седьмое небо, и песня невольно подступила к нежным устам. Вытянув шейку, как майский соловей, и сцепив ручки, она встала лицом к толпе, томно опустила глазки и спела несколько арий из чужеземных опер и оперетт... Под конец не забыла она и нас, сирых, сделала милость, исполнила одну партию и из нашего с ней «Данси».

Гоголем стоял скотный врач, довольно щурил глаза, притоптывая ногой — в лад песне. С великой завистью глядели на него сверстники — дружки по детским

шалостям и забавам, ну и краю же ты, дескать, отхватил...

Пастухи приветили кочевого ветеринара и его молодую супругу со всем уважением, почетом и невиданной щедростью; пригласили в дом, сложенный из речных валунов и крытый камышом... У стены на врытых в землю двойных железных стойках были уложены доски, на них шкуры, а поверх шкур — бурка. Все это вместе звалось «мехи» и предназначалось для отдыха и сна пастухов. Под мехи были свалены бурки, седла, уздечки, стремена, поводья. К бревенчатому потолку хижины были подвешены переметные сумы, бурдюки, остроконечные бараньи шапки, овечьи шкуры, котлы, жбаны, дуршлаги, кинжалы, ружья, каламани, заготовки для каламани...

Гостей препроводили в комнату, усадили на мехи, накрыли стол и принялись потчевать всякой всячиной: котори, выпеченным в золе, лепешками, пирогами с творогом и сыром, соленьями, пастушьей каурмой, ржаной водкой и ячменным пивом.

Тут же у противоположной стены на огне очага шипели шашлыки, а в котле клокотало мясо.

Лучина струила приятный аромат и неверным светом освещала стол, застолье, комнату...

Пастухи и кочевой ветеринар, засучив рукава, принялись за еду и питье.

Проголодавшаяся невестушка, у которой то и дело слезились от дыма глаза, а с ресниц текла тушь, отчужденно оглядывалась вокруг, брезгливо пощипывала хлеб и прижимала к носу белую перчатку, чтобы не вдохнуть ненароком волглый, продымленный и тяжелый воздух хижины.

Кусок не лез в горло, а в глазах темнело...

— Да здравствует твоя жена-хозяйка, пусть достойно несет свою ношу и да множит на свете тушин—овчаров да пастухов! — еще раз выпили за супругу ветеринара захмелевшие, полные достоинства и красноречия пастухи.

«Жену-хозяйку» передернуло. Она поднялась с места и согнувшись в три погибели — как бы не стукнуть—

ся головой о низкий потолок — прошла через комнату и выбежала вон.

За женой бросился муж.

Изумленные, опешившие пастухи пожалы плечами, вытерли руки, набросили на плечи бурки и согласно покинули хижину — несмотря на порядком подпорченное застолье и настроение, они все же проявили великодушные и уступили свое жилище молодоженам, у которых все еще продолжался медовый месяц.

Ветеринар пустился во все тяжкие, истратил весь наличный запас ласковых слов, просьб и увещаний. Наконец ему удалось улестить свою супругу и вернуть ее в хижину.

Лучина давно уже погасла. С трудом добравшись во мраке до мехи, покрытой буркой, молодые наспех улеглись на жесткое ложе и накрылись медвежьей полостью.

Муж положил голову на луку седла, зевнул и тотчас же сладко всхрапнул.

Всю ночь напролет подобно вертелу прокрутилась на непривычном ложе измученная бессонницей городская гостья.

Утром с постели поднялись по-пастушьи изрядно выспавшийся мужчина и не сомкнувшая глаз женщина.

Поднялись, и тут ветеринар ударился в хохот, а певичка в истерику: поминутно ворочаясь на ложе, молодая раздавила головой безобидную зеленую ящерицу.

Только было до слез нахохотавшийся муж ухватил за длинный хвост бедняжку-ящерку, собираясь выкинуть ее за дверь, как жена опередила его и, словно ошпаренная кипятком, вылетела вон...

Дождь лил как из ведра...

Повсюду натекли огромные лужи.

Мощно храпели спавшие под открытым небом, завернувшиеся в бурки пастухи.

«Местному зайцу... местная борзая...» — вскрикивал во сне пожилой пастух...

Два дня и ночи не ложилась и не садилась певичка, два дня и ночи ни крошки и ни капли не брала в рот.

— Увези, увези меня отсюда, — впервые умоляла мужа гордая, надменная, избалованная женщина.

Буйствовала непогода, небо пешком сошло на землю, вертолеты не летали.

Предложили гостье коня — задрожала, как в хорадке, замахала руками.

Попробовали было пойти пешком, но стоило ей взглянуть в подернутые мраком пропасти, как смертельная бледность залила ее щеки и она едва не свихнулась.

Делать нечего — пришлось соорудить носилки, уложить на них зажмурившуюся от страха городскую невестку тушин и бережно перенести ее через расщелины с навечно вмерзшими кристаллами снега и грозные пропасти с отвесными краями.

По пути, на немыслимо узких тропях, петляющих по-над теснинами, им попадались восседающие на ладных мускулистых жеребцах улыбочивые, пригожие тушинские женщины и девушки, спешившие кто в гору, а кто в долину...

Закончит рассказчик историю молодоженов, улыбнется лукаво, проведет по усам лоснящейся от бараньего жира рукой, и загогочет свадьба...

* * *

Улыбка примерзла к губам Гогале, оборвалась нить пестрых мыслей. Вдруг налетело на него нечто невидимое, поддало в спину и едва не опрокинуло пастуха в огонь. Он собрался с силами, выпрямился, поглубже нахлобучил шапку, запахнул бурку, подхватил мех, оперся на посох, свистнул собак и окликнул отару:

— Вррреее, вррреее, хо, хо, хо!..

И повалил снег, поднялся ветер, взревела вьюга... Гроыхнул громом и закружился водоворотом смерч... Он сметал снег и обледеневший песок, подхватывал высоко в небо и закручивал воронкой... Потом вдруг отступался и наметал стога сугробов... Чуть переведет дух, вновь нальется яростью, налетит с разгона на стог, так же взовьет его в небо и, натешившись, обрушит на землю.

Кустарник трясся, гнулся долу, потом вдруг резко выпрямлялся, отряхая наледь и порошу.

По-волчьи выла, ярилась, содрогалась округа.

Сбившаяся в кучу отара, нагнув голову и прижая ушами, вертелась, словно жернов. Овцы жались друг к дружке, пытались укрыться от пронизывающего холода.

А снег все валил и валил, огромные снежинки, словно чайки, падали с неба на землю.

Вьюга редела, свистела, срывала с Гогале шапку, сдираала с плеч бурку, била мехом по спине.

Стаи волков и шакалов, забившись в кустарник лощины, жалобно завывали.

Собаки скулили, ползали, пластались, тщетно пытаясь зацепиться когтями за белый покров земли.

Снег замел деревья, кусты, дороги.

И были окрест неразличимое белое пространство, белая пустыня, белая бесконечность.

И не было вокруг ни знака, ни конца и ни края.

Недолго выдержат овцы топтание на месте — мороз выстудит, вытравит, вытрясет из них душу... И свистнул Гогале псов, завертел посохом, обежал отару, гикнул во всю мочь и стронул овец с места.

Ветер дул с запада, гоня овец, пастуха и псов на восток, к Каспию... До Каспийского моря был всего один переход: взметнет-взгромоздит хладные волны, встанет на дыбы, разверзнет бездну, обрушится на брег с грохотом и ревом, рассыпая вокруг осколки брызг и лямая ледяную оправу...

Море бесновалось, потрясая зрителя и разрывая сердце слушателя...

Буран гнал отару к Каспию... В этой бесконечной голодной белизне черно беснующееся море мнилось овцам степью, покрытой сочной травой, и они торопились, спешили, стремились к нему... И исполнили они свое желание и вошли в море — тогда пиши пропало: все глубже и глубже побредут они в поисках пастбища, с головой уйдут под воду, захлебнутся, пустив по ветру народное достояние: поголовье ягнят, сочное мясо, шелковистое руно, несравненный сыр, овчину...

Главное теперь, чтобы не дрогнул Гогале, не растерялся, чтобы не подкосились у него ноги и не притупился глаз... Главное, не дать разбрестись отаре, не давать воли барану-вожаку изменить направление, отвлечь овец, вести их вдоль моря... Взад-вперед носился Гогале, непрерывно окликал отару и псов, тянул за рог ба-

рана-вождя, перекрывая ему путь к морю и направляя его нужным курсом.

Отара продвигалась трусцой, Гогале шел впереди, псы — по бокам и сзади.

Путь был нескончаем, время остановилось: ни зари, ни сумерек, ни утра, ни вечера, ни дня, ни ночи...

Овцы мимоходом лизали снег, но в желудке было хоть шаром покати... От голода темнело в глазах и ничего было не видать. Гогале давно уже забросил отощавший мех — кинул на растерзание псам, под ложечкой сосало и сосало. У псов запали бока, резко обозначились ребра и позвонки, от слабости они едва таскали негнущиеся ноги.

Набегавшиеся, ошалевшие овцы наскакивали друг на дружку, вырывали из боков клочья шерсти и остервенело жевали...

У пастуха в кровь потрескались губы, задубели щеки, онемели руки и ноги...

Заледеневшая, одеревеневшая, негибающаяся одежда панцирем обхватила тело и при каждом движении ее приходилось ломать.

Гогале охрип, усталость камнем навалилась на него и пригнула к земле. Он то застревал в снегу, то падал на колени, а то растягивался во весь рост. Но каждый раз вставал и шел вперед, сцепив зубы.

Не дрогнуло сердце пастуха, в руках все еще оставались остатки сил, но ноги, ноги предательски подгибались при каждом шаге. Предать же дело Гогале Кизилашвили никак не мог!.. Что скажут старшие, соседи, Тамрико? Как он возвратится в Алвани с посохом под мышкой, без овец, без ягнят, без поклажи!..

Отара продвигалась трусцой, Гогале шел впереди, псы — по бокам и сзади.

Внезапно отара ускользнула от пастуха, понеслась наобум, рассыпалась, рассеялась по обрыву, застыла по колено в снегу, перевела дух...

Застыла отара.

Подкосились ноги у пастуха.

Присели псы...

Сипели овцы.

Хрипел пастух.

Сопели псы...

Подул ветер, пелена за пеленой, словно пуховым

одеялом, укутал в снег отару. Еще немного и подомнет под себя, погребет навеки под белым саваном...

Встрепенулся Гогале, еще раз наскреб сил, еще раз закрутил посох, еще раз науськал псов... Еще раз обошел овец... и отогнал отару от обрыва.

Поднял овец, увел от смертельной опасности и весь в поту, вконец обессилев, повалился в снег... Подползли овцы к поверженному пастуху, кто за брючину его ухватил, кто за полу бурки потянул. Тормошат, тянут во все стороны. А Гогале язык во рту удержать не в силах, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Жар его объял, заполыхали щеки, снежинки, растаяв, потекли по лицу...

И впал Гогале в беспамяство...

На четвертый день наконец распогодилось, солнце показало уши, утомленная отара повалилась на землю. Воцарилась могильная тишина, омерзительная тишина.

Но, слава богу, тишина вскоре нарушилась.. Вертолет прочертил небо и, жужжа закрутившись на месте, сбросил вниз прессованные кипы сена... Еще немного и, смятая снег, загромыхал танк. Резко затормозив, он слегка развернулся, люк откинулся и из него выскочили дядюшка Андро и двое военных. Лихорадочно оглядевшись по сторонам, чуть поодаль от отары, набросившейся на сено, они разглядели четыре черные точки. Вокруг обеспамятевшего пастуха сидели обессилевшие псы.

Могучий старшина опустил на корточки, схватил за плечи еще теплого Гогале и попытался приподнять его.

— Вставай, сынок!

— Это ты написала? — глухим голосом простонал Гогале.

Гогале заговорил? Дядюшка Андро повернулся лицом на восток, быстро перекрестился и вместе с молодым ефрейтором бросился к овцам.

— Что ты сказал? — переспросил, нагнувшись, старшина.

— Да, но...

— Очень уж плохо ему... — проговорил старшина, прижимая к груди больного.

— Не зачеркивай! — прохрипел Гогале и привалился головой к плечу старшины.

АКАКИЙ Церетели, чье имя и стих стали святыней и нравственной заповедью для грузинского народа, в свое время бросил молодежи клич, вырвавшийся из глубины его пламенного сердца, исполненного беспредельной любви к родной стране и родному народу:

Ваше слово, молодые,
выходите, дорогие!

(Подстрочный перевод).

Для подлинного поэта-патриота (и не только поэта), думы и чаяния которого до конца отданы родине, прошлое и настоящее являются основой будущего. Вот почему молодое поколение должно быть предметом особой заботы. Это хорошо понимали наши предки. Это хорошо понимают и те, кому сегодня вверена судьба народа.

Любое мероприятие партии и правительства, нацеленное на будущее или представляющее собой конкретную программу действий на сегодня, предусматривает активное участие молодежи. Вспомним став-

Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ

**ВАШЕ СЛОВО,
МОЛОДЫЕ!**

шие уже традицией новогодние встречи товарища Э. А. Шеварднадзе с молодежью, проходящие в атмосфере любви и требовательности, доброго наставничества и искренности. Вспомним его выступление на XXXIX Тбилисской городской партийной конференции 14 января 1984 года. «Человек — прежде всего!» — вот лейтмотив этого выступления. Намеченная в нем программа должна быть претворена в жизнь, все мы обязаны приложить максимальные усилия для этого, и особенно деятели литературы и искусства. Я говорю «особенно» потому, что, если отдельные вопросы из того широкого круга проблем, поставленных перед нами, будут решаться работниками тех или иных отраслей, то все они в целом без дробления по отраслям должны стать предметом раздумий и заботы «инженеров человеческих душ».

В этом программном выступлении большое внимание уделено молодежи. Приведу из него небольшой отрывок:

«...Мы с вами, товарищи, должны всегда помнить о том, что воспитательный процесс — это непрерывный, никогда не прекращающийся процесс. Подрастает молодежь, одно поколение идет на смену другому. И каждое из них нужно формировать идейно, вырабатывать у юношей и девушек твердые мировоззренческие, именно мировоззренческие позиции, непоколебимую коммунистическую убежденность... Бурное развитие науки и техники по-новому ставит задачи перед обществоведами, без компетентного решения которых немислимо овладеть умами и сердцами наших молодых людей... Во весь рост встают сейчас проблемы ценностной ориентации молодежи, проблемы утверждения в ней самых прогрессивных идей гуманизма, патриотизма, интернационализма и социальной справедливости...»

Эта задача налагает особую ответственность на творческую интеллигенцию и, в частности, на ее молодое крыло. Ведь именно те, кто сегодня делает первые свои шаги на творческом пути и в лучшем случае является автором единственной пока книги, холста, фильма или спектакля, завтра будут стоять во главе нашей литературы и искусства. И чтобы завтра они достойно продолжили традиции советской литературы и искусства, что по существу равнозначно большому государственному и национальному делу, чтобы творчество их стало источником духовной пищи для современников, а быть может, и для потомков, необходимо, чтобы они сами были на высоте, чтобы их творческий мир был полон этих высоких идеалов.

А пока наша творческая молодежь — в процессе фор-

мирования, в поисках правильных позиций, истинных ценностей. И наша задача — помочь ей в выработке гражданских убеждений, в овладении художественным мастерством, в профке и совершенствовании молодых талантов, каких бы усилий нам это ни стоило.

Устремляясь в будущее, надо порой оглядываться и назад, чтобы знать, кто идет за тобой, какое поколение растет тебе на смену. Литература в данном случае не составляет исключения. Эта простая истина хорошо известна нам, так же как была известна задолго до нас. Но мало знать, надо помнить о ней и, что главное, не оставаться равнодушным. Мы должны точно знать, кому принадлежит завтрашний день, и в меру наших возможностей, максимально способствовать утверждению нового поколения в литературе.

На первый взгляд, работа с молодыми писателями у нас поставлена неплохо. В республике большими тиражами издаются литературные журналы, газеты, альманахи, о чем с десятков лет назад мы и мечтать не могли. Страницы этих изданий щедро, действительно щедро, отводятся стихам, романам, повестям, рассказам, статьям тех, кто сейчас только начинает свою трудную жизнь в литературе. А такие периодические издания, как «Цискари», «Нобати», альманахи «Пирзели схи-ви» и «Ахалгазрдоба», газета «Ахалгазрда комунисти» и другие, вообще призваны открывать молодые таланты. Среди издающихся ежегодно книг четыре-пять — первые книги молодых, но уже возмужавших авторов (в этом большая заслуга издательства «Мерани»). Широко открыты для молодых и двери Союза писателей. Центральный Комитет комсомола Грузии также ничего не жалеет для молодых творческих работников — ни премий, ни длительных командировок, проявляя к ним постоянное внимание и чуткость. Прекрасной традицией стали бакурианские симпозиумы, совсем недавно здесь состоялся очередной семинар-совещание молодых писателей, прибывших из разных уголков нашей республики. Вспомним и молодежные интернациональные слеты, например, Дни Маяковского, которые проводятся в Кутаиси. Правительство Грузии даже учредило Государственную премию имени Маяковского, предназначенную только для молодых поэтов. Все это, понятно, способствует расцвету молодых творческих дарований. Однако наряду с тем, что нас радует, достаточно и забот, и проблем.

Мне часто приходилось слышать, да и читать, как молодых упрекают в практицизме (упрекают, разумеется, люди

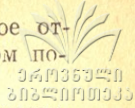

старшего поколения). Мне кажется, эти упреки не столь уж обоснованны. Молодые должны и печататься и издаваться, ибо это для них не только источник существования, но и духовная потребность — о каком творческом росте и совершенствовании мастерства можно говорить, если не выносить на суд широкой общественности свои произведения. Я считаю вполне естественным, когда молодых волнуют такого рода «практические», пусть даже бытовые вопросы. Много в этом плане уже сделано, многое еще предстоит урегулировать, но главное то, что дело это поставлено на правильные рельсы.

Старшему поколению, тем, кто сегодня несет основное бремя не только творческой, но и организаторской работы в грузинской литературе, надлежит проявлять больше внимания и живого интереса к молодым. Мы несколько запоздали с заботой о писательской судьбе следующего за нами поколения. Это имеет если не оправдание, то во всяком случае свое объяснение. Нас, поколение, пришедшее в литературу на рубеже шестидесятых годов или чуть раньше, так называемых «цискарцев» (теперь, видимо, следует говорить — «первых цискарцев»), без конца убеждали в том, что мы еще молоды, и мы не заметили, как вступили в возраст «отцов». А поскольку мы так долго ходили в молодых, мы были заняты только самими собой и смотрели только вперед, словно за нами никого и ничего не было. Потом же, когда мы с спозданием ощутили свой возраст и оглянулись, то обнаружили за собой целую армию молодых писателей. И нам поначалу трудно было разобраться, что представляли собой так неожиданно выросшие наши «дети».

«Ваше слово, молодые, выходите, дорогие!» — будем же помнить эти слова великого Акакия, которые произнес он в преклонном возрасте, когда новые веяния в результате исторических общественных сдвигов вызвали у него двойственное чувство радости и сожаления, сожаления с том, что уже не ему, а молодому поколению надлежит сказать свое слово. Не будем предаваться самобичеванию, и пусть молодые не слишком порицают нас за наше запоздалое внимание и любовь. Тем более, что некоторые из нас гораздо раньше остальных осознали свой долг перед молодежью. Я имею в виду в первую очередь Джансуга Чарквиани, чья деятельность в этом направлении, я думаю, хорошо известна всем, и особенно литературной общественности. Это его «первенство» было обусловлено, видимо, и тем, что Джансуг Чарквиани, будучи еще совсем молодым, редактировал журнал «Цискари», и сам

профиль работы определил правильно, деловое и чуткое отношение к молодежи. А уж мы, остальные, только потом постепенно включились в эту деятельность.

Поэтому мне кажется несправедливым упрек, высказанный Гурамом Петриашвили на страницах «Цискари», будто «большинство наших многоопытных поэтов никогда ничего не говорило о своих коллегах — ни о старших, ни о младших». Хорошо еще, что там же молодой поэт из того же лагеря «детей» Рене Каландия поправил его, напомнив, что первые поэтические сборники Рамина Амонашвили, Давида Мчедлури, Наили Некеришвили, Нино Кутателадзе, Бату Данелия, Гиви Сулакаури, Имеди Джахуа, Гурама Гиоргобиани, Тамаза Бадзагуа, Кобы Арабули предваряют написанные с любовью напутствия Джансуга Чарквиани, Мориса Поцхишвили, Гиви Гегчкори, Эмзара Квиташвили, Гиви Дзнеладзе, Гиви Алхазисвили, Тагу Мебуришвили, Тедо Бекишвили. Можно было бы привести немало подобных примеров, причем не только в связи с поэтическими, но и прозаическими сборниками, однако, думается, и сказанного довольно для выяснения истины.

Что касается тех, кто сегодня еще ходит в молодых (не по собственному желанию, а волею общественного мнения), хотя им под сорок, а иным и за сорок, и большинство из них авторы нескольких книг, то пора и им призадуматься. Чтобы не слышать заслуженных или незаслуженных упреков в свой адрес, которые вот-вот раздадутся, им не мешает несколько ослабить внимание к собственной персоне и оглянуться: сколько лиц, интересных, непохожих, обнадеживающих стоит за ними...

Тут следует провести границу между чуткостью и вниманием, с одной стороны, и покровительством — с другой. Все мы — и старшие, и младшие — зачастую путаем эти понятия. Старшие это смешение оправдывают отеческой заботой. Молодым оно — бальзам на душу, а в результате — делу ущерб.

Подобное отношение к детям весьма характерно для нас, мы нянчимся с ними, балуем, воспитываем в лени и тем самым развращаем, портим их. Горькие слова, но, мне кажется, справедливые. Понятно, они относятся не ко всем, но общая тенденция, увы, такова, в той или иной мере многие из нас грешат этим.

Не будем совершать экскурсов в эпоху революций, гражданской войны, первых десятилетий новой жизни, Великой Отечественной войны, опыт совсем недавнего прошлого дик-

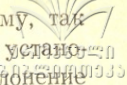

тует нам другое: больше самостоятельности молодому поколению, нет школы лучше, чем сама жизнь; в преодолении препятствий закаляется молодежь, а теплицы хороши для растений, но не для людей.

По моему глубокому убеждению, то, порой нездоровое, противодействие, которое выпало на долю первого поколения «цискарцев», когда они вступали в литературу, во многом пошло им на пользу (надеюсь, никому не придет в голову, что я призываю к несправедливым акциям тех лет). Вспомним, как почти каждое новое произведение Гурама Рчеулишвили, Нодара Думбадзе, Мухрана Мачавариани, Арчила Сулакаури, Отара Чиладзе, Резо Чейшвили и многих других немедленно вызывало гневные отклики у иных литераторов. Достаточно вспомнить, что роман Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», принесший славу и признание не только автору, но и всей грузинской литературе, был напечатан на страницах «Цискари»... в отделе юмора и набран петитом, дабы по возможности оградить журнал и автора романа от предполагаемых наскоков — дескать, не принимайте это произведение всерьез... И тем не менее роман Н. Думбадзе, полный света и добра, раскрывший благородство советских людей, их патриотизм, духовное богатство и красоту, по мнению иных литераторов, фальсифицировал нашу действительность. Так что у этого поколения были и злобствующие «отцы». Избави бог, как говорится, от такой напасти, но я все же убежден, что она в свое время сослужила молодежи хорошую службу — путь ее был не из легких, приходилось преодолевать немало трудностей, а это закаляло характер и способствовало максимальному проявлению возможностей.

В наши дни нет и не может быть подобного отношения к коллеге, грубого давления на него — общественный климат ныне совершенно иной. Но всегда следует помнить, что внимание и забота подразумевают не только ласку, но в случае необходимости и суровое нарекание; сердечность и искренность не исключают горькой правды.

В проблеме отцов и детей важно учесть и исторический опыт. Отцов испокон веков заботила и беспокоила судьба детей, но при этом им всегда трудно было понять их. И они допускали жестокую ошибку, мучительно сомневаясь в детях и считая их недостойными себя. Ошибку не столько сознательную, сколько эмоциональную. Иначе как объяснить надпись на глиняном сосуде трехтысячелетней давности, автор которой сетует на вырождение молодежи, как сетуем сегодня и

мы в наших житейских разговорах. Человек, по-видимому, так сживается не только с сутью своей жизни, но и с установленными нормами бытия и быта, что всяческое отклонение от них раздражает его, порой выводит из себя. Вероятно, накопленные с возрастом опыт, мудрость, осторожность с трудом мирятся с максимализмом, страстностью, азартом, свойственными молодости. Отдельные проявления определенной несовместимости поколений отцов и детей наблюдаются даже в том случае, когда исключается принципиальная, мировоззренческая полемика между ними. Поэтому нам остается только примириться с тем, что идущее на смену поколение не будет копировать нашу жизнь. У него будут свои проблемы, мировосприятие, интересы, обычаи и привычки, наклонности, даже собственный жаргон, и все это следует признать столь же естественным и неизбежным, как смена времен года. Наше внимание должно быть сосредоточено в основном на том, чтобы молодежь по-прежнему дерзала, строила, творила, чтобы крепла ее любовь к Родине, чтобы она была всегда верна своему гражданскому долгу и совести. Словом, предметом нашей заботы должна быть суть, а не формы ее проявления.

Мне кажется, если все мы — и «отцы» и «дети» — поверим в правильность именно таких взаимоотношений, то это во многом поможет нам избежать тех недоразумений, которые все еще мешают нашему сотрудничеству. Отбросим необоснованный скептицизм по отношению к творчеству молодых, и у них не будет повода или основания сомневаться в искренности и чуткости нашего отношения к ним.

В таких абсолютно здоровых условиях взаимного доверия мы сможем смело и откровенно поверить друг другу свои сомнения и желания, упреки и требования. А сейчас, пока между нами еще нет истинной близости, молодежь подчеркнуто вежлива с «отцами», а «отцы», в свою очередь, чрезмерно нежны с нею. Чрезмерная же нежность, если она к тому же и фальшивая, никому добра не приносит.

Мне кажется, серьезный разговор о молодых писателях затевается не впервые. Я имею в виду последнюю дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Цискари». Можно сказать, что она уже завершилась, дело за редакционной итоговой статьей. Поэтому можно уже делать выводы. Надо сказать, что это была нужная, полезная дискуссия, отличавшаяся серьезностью и бескомпромиссностью. В ней участвовали глубоко знающие и заинтересованные лица, которые несом-

ненно заслуживают благодарности (все без исключения и в том числе ее организатор — редактор журнала «Цискари»), Судьбу дискуссии во многом предопределила передовая статья Теймураза Доиашвили «Пусть восполнится пробел», напечатанная в первом номере журнала за 1983 год. Такой же обоснованной была и его заключительная статья «Обретение самого себя» (№ 12). Теймураз Доиашвили не ограничился панорамой молодежной поэзии, которую развернул перед нами, он показал и ее глубинные процессы, поделившись рядом интересных наблюдений и выводов. Мне кажется, эти его статьи являют собой лучшие образцы современной литературной критики. Они демонстрируют эрудицию автора, его талант исследователя, владение материалом, любовь к молодежной литературе и еще нечто, что имеет не меньшее значение и чего так не хватает нашим критикам — бескомпромиссность. Но ни сам автор, ни мы, его читатели, не считаем, что все изложенное в этих статьях бесспорно и непреложно и обсуждению не подлежит. В них нет и следа безапелляционности, хотя в целом они оставляют впечатление продуманности, аргументированности, выстраданности.

Позиция Теймураза Доиашвили, на мой взгляд, верная. С самого же начала он заявил, что «благосклонное баюканье, выискивание ничтожнейших достоинств и разукрашивание их словесными арабесками (что так характерно для нашей критики) не принесет добра».

Уже в одном этом заявлении, в этой исходной тезе я вижу не только правду, но и истинную любовь автора и его уважение к молодежной поэзии. Подобная позиция, подобное отношение автора к предмету исследования принудили его высказать немало горьких истин.

Я разделяю положения Теймураза Доиашвили, подкрепленные убедительными примерами. В частности о том, что «поэтические сборники молодых поэтов перегружены эфемерными, носящими общий характер, невыстраданными стихами». И еще — «молодежная поэзия забывает о своей социальной функции, вместо разработки наиболее болезненных проблем она предлагает жалкие суррогаты, ничего кроме голых восторгов не содержащие».

Гурам Петриашвили со свойственной ему резкостью говорит о четырех позах молодежной поэзии — «таинственности», «поэтичности», «игры словами» и «философствования». Как обычно, его слова не лишены истины, и если они вызы-

бают в нас раздражение, надо подавить его и задуматься над ними, ибо они справедливы.

Никто не оспаривает одаренности молодого поэта Бату Да-
нелия и не замалчивает его достоинств. Но пусть он попытается прочесть свою лирическую поэму «Река, текущая в небо» (сборник «Ахалгазрдоба») чужими глазами, возможно, он обнаружит в ней следы всех четырех поз, о которых говорил Гурам Петриашвили в связи с другими поэтами.

Не мешает задуматься над этим и Далиле Бедианидзе, и Кубе Арабули, и многим другим. У Далилы Бедианидзе есть стихи, написанные с истинно поэтическим вдохновением. В них раздумья над наболевшими, тревожными проблемами, автор исполнен чувства гражданской ответственности. Неудивительно, что поэтесса — лауреат премии имени Маяковского. Но частую голос правды, подлинные переживания в ее стихах сменяются искусственной позой с целью скорее удивить читателя, нежели установить с ним духовный контакт. Между тем стихотворение, отмеченное налетом искусственности, вызывает у читателя не удивление (страшное желание — обязательно удивить!), а улыбку или, того хуже, протест и раздражение. Все это в полной мере относится к лирической поэме Далилы Бедианидзе «Как встретить Новый год или третий» (сборник «Ахалгазрдоба»).

Огорчительнее всего то, что приходится делать подобные упреки в адрес одаренных, а то ведь наряду с ними, истинными поэтами, «творят» и стихоплеты, которых, к сожалению, не так уж мало. Чем скорее они найдут в жизни место, соответствующее их возможностям, тем лучше будет и для них, и для нас, и, что главное, — для литературы.

Думается, никто не станет упрекать меня в скептическом отношении к творческой молодежи. Я не обманываюсь, на смену нам идет сильное, талантливое, эмоциональное поколение, и этот факт не может не радовать.

Я мог бы назвать несколько имен, составляющих гордость этого поколения, но с оговоркой: никто не застрахован от ошибок, и я могу причислить к молодым того, кто уже вышел из этого возраста, по той простой причине, что он недавно выступил на литературной арене. Вот и с Теймуразом Доиашвили случилось нечто подобное, и тут же на него посыпались упреки. Напомню, что в свое время и Александр Блок искренне приветствовал «юношескую музу» Иннокентия Анненского, а ему, оказывается, было пятьдесят.

Итак, это Куба Арабули, Далила Бедианидзе, Бату Да-

нелия, Рамин Амонашвили, Багатер Арабули, Нугзар Кобе-
ридзе, Дато Маградзе, Заур Молашхия, Паата Нацвлишвили,
Наили Некеришвили, Гиги Сулакаури, Нино Кутава... И
Михаил Курдиани, Манана Читишвили, Имени Джахуа... Истинность их творчества не вызывает сомнений, а будущее вселяет надежду.

Еще более отрадно, что истинно поэтические голоса звучат и за пределами столицы. Это Давид Тевдорадзе из Батуми, Гурам Одишария из Сухуми, Ираклий Саглиани из Местиа.

А теперь о прозаиках. Назовем Маку Джохадзе с ее прекрасными ранними рассказами, исполненными глубокими мыслями, и «Камешками, брошенными в мертвую лужу» («Цискари», № 2, 1983); Годердзи Чохели с его удивительным видением мира, свидетельство которому роман «Людская печаль» («Цискари», № 1, 1983); Гию Ломадзе, рассказы которого посвящены нашим современникам, их заботам и тревогам: Тенгиза Чалаури, Заура Каландия, Маринэ Цоцколаури, Мамуку Долидзе...

Вспомним о том большом по своей значимости, но, к сожалению, уже замкнувшемся художественном мире, совершенно неповторимом, во многом определившем характер и черты новой прозы, автором которого, как догадался читатель, был Джемал Топуридзе.

В драматургии молодых сравнительно меньше. Можно назвать Лашу Табукашвили как признанного драматурга. Начинают заявлять о себе Тамаз Бадзагуа, Ираклий Самсонадзе, Шадиман Шаманадзе...

И в критике наши надежды не беспочвенны. В этом жанре уже показали себя Заза Гогия, Тамаз Васадзе, Акакий Миндиашвили, Темур Коридзе, Ростом Чхеидзе...

Этот перечень имен не следует принимать за некий «документ», подтверждающий право на творчество. К счастью, приведенный список далеко не полный. Просто мне хотелось наглядно показать, что молодое поколение и талантливо, и многочисленно (многие из нас упрямо не хотят признавать это). О каждом из них, кто бы он ни был — поэт, прозаик, драматург или критик, можно говорить особо (и даже нужно говорить особо). И уж конечно, ни о каком критически-недоверчивом отношении к ним не может быть и речи, более того, чувство надежды, любви и гордости за них должно окрылять нас.

Но это не исключает беспристрастной, нелюбезной

критики. Терпимое отношение, не говоря уж о другом, оскорбительно для талантливой молодежи.

Молодых порой упрекают в том, что они пишут плохо. Особенно часто раздаются эти упреки в адрес прозаиков и верлибристов. Может быть, они не лишены оснований, но, по-моему, главная опасность таится не здесь. Хотя бы потому, что сложность письма вызвана сложностью самой жизни, разобраться в которой, увидеть ее расчлененно молодости трудно, ибо ей свойственно целостное восприятие. Если эта сложность — литературного происхождения (хотя бы и в результате зарубежного влияния), все равно не следует терять надежды, поскольку молодежь черпает и из этого источника. И для истинно талантливых это явление временное и преходящее.

Простота и безыскусственность приходят со временем вместе с умудренностью и опытом, с совершенствующим мастерства. Для примера достаточно вспомнить раннюю и позднюю поэзию Пастернака или, если угодно, Симона Чикогани. Или даже Галактиона Табидзе. И его ранняя поэзия была нарочито усложненной и в избытке носила следы литературных влияний (и наших, и зарубежных). И только со временем пришла к нему божественная простота и способность проникать в душу и озарять ее.

Другой урок нужно преподавать молодежи — учиться у жизни. Жизнь должна быть источником творческого вдохновения молодых писателей, питательной средой их творчества.

Литература — зеркало жизни.

Обитель богов у Гомера — отражение абсолютно реального мира, что подтвердилось в результате последних археологических раскопок, поразивших весь мир.

Книга мудрости и красоты, созданная Руставели, была вдохновлена жизнью Грузии той эпохи и явилась ее выражением.

На фоне злосчастных приключений рыцаря печального образа и его комического спутника Сервантес изобразил жизнь не только Ламанчского края, но и всей Испании.

А романы Бальзака, Флобера, Толстого, Достоевского... Человечество не знает более великих книг, и все другие, равные им, неоднократно подтверждали, что литература — прямое или аллегорическое отражение жизни и духа своего времени.

Быть художественной летописью современной ей жизни

ни, выражать дух общества, показывать психологию человека — вот высшее назначение литературы. Лучшие представители советской литературы всегда были верны ему. И молодые писатели должны взять это за основу своего творчества. В противном случае любые творческие поиски в литературе будут безрезультатны.

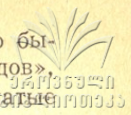
Если взглянуть на творчество молодых с этой точки зрения, наши надежды и радость несколько поугаснут. Создается впечатление, что они эстраняются от сегодняшнего дня. Хорошо, если бы я ошибался, но, к сожалению, это так. И я не одинок в этом своем мнении. Мнение Теймураза Доиашвили по этому поводу я приводил выше, послушаем, что говорит Давид Мчедлuri:

«Меня вовсе не страшит, что кто-то пишет плохие стихи. Более опасна та тенденция отрыва от общественной жизни, которая характеризует молодежную поэзию в целом. Разорвались нити, которыми поэзия была традиционно связана с народом, и поэт словно оказался как бы в коконе. А кокон этот свит из лишнего эмоций интеллектуализма, непрочувствованных и неосознанных пейзажей, из зарубежных моделей и перифразировки мыслей античных философов» («Цискари», № 12, 1983).

Сказано горько, но, к сожалению, справедливо. И не будем спорить, что дело обстоит иначе. Лучше, если молодые писатели задумаются над этими словами.

Гиа Ломадзе один из тех, чье будущее вселяет надежды. Его рассказы отличают мастерство, профессионализм, **взять хотя бы последний — «Мышь»** (сборник «Ахалгазрдоба»). Но тем более досадно, что талант расходуется на такую, с позволения сказать, проблему, как борьба одинокого бухгалтера с мышью. Автор мог повернуть эту же тему и заставить читателя задуматься над одиночеством своего героя, но он предпочел позабавить читателя рассказом о патологическом его страхе.

Мало произведений, поднимающих общественные, социальные, политические и другие подобные проблемы современности, но и из того, что создается, большинство — как бы дань долгу. Например, стихотворение Ираклия Чедия «Дорога в Мтатушети» (сборник «Ахалгазрдоба»), как указывает название, посвящено одному из важнейших событий наших дней — прокладке дороги в почти недоступный горный край Мтатушети, но в нем нет и крупицы непосредственного чувства, переживания, мысли. Подобное стихотворение, если

только его можно назвать стихотворением, вполне можно было написать, и в глаза не видя Мтатушети. «Рев водопадов», «белые лбы гор», «пенящиеся потоки», «многоступенчатые серпантины», «своды осыпающихся скал» и подобные образы — все это слишком банально и истерто.

Подобным образом выполнять свой долг молодым поэтам не пристало. Пусть они вспомнят, как понимали свой долг перед временем и народом Николоз Бараташвили или Акакий Церетели. Как известно, и «Мерани», и «Рассвет» — это стихотворения, явившиеся плодом личных впечатлений, конкретных событий, настроений и переживаний, и в результате возведенные до величайшего философского и общенационального обобщения. Наши же молодые писатели чаще всего берут быка за рога — прямо переходят к вечным чувствам и проблемам, являющимся принадлежностью всех времен или даже вневременными. Достигнуть желаемого результата таким путем очень трудно, скорее всего невозможно. Потому и рождаются подобные псевдофилософские и псевдонародные стихотворения, способные вызвать одну лишь улыбку. Особенно это характерно для верлибристов, основным орудием творческого воздействия у которых является значительная поэтическая мысль, а за отсутствием таковой иным из них приходится высасывать свой замысел из пальца.

Молодежь любит свою землю и пишет о своей любви. Но редко, когда из этого моря материала проглянет луч истинного света. Одна из главных причин в том, что и в них часто ощущается искусственная поза. Любви к деревне на расстоянии, без душевности, нашей критикой был вынесен суровый приговор. То же надо сказать и о глобальной ностальгии, которая отличает творчество молодых, а у читателя вместо сопереживания вызывает в лучшем случае ироническую улыбку. Лирический герой стихотворения Важи Отарашвили «Прага-1976» («Цискари», № 8, 1983), прибывший туристом в этот красивейший город (самое большое, на две недели), ступив на его землю, предается вот, оказывается, каким мыслям и чувствам:

Центр Европы... с пизом, барами,
но все это не для меня...

Тоска по сладкой аробной песне, вину «Гареджи»
и деревенскому хлебу сжигает меня...

(Подстрочный перевод).

Лично я не верю в патриотизм, выраженный подобным

образом, да и искренность такого рода ностальгии весьма сомнительна.

Оставался бы автор в Тбилиси, а Прагу осматривали бы другие и с большим удовольствием, побывали бы в других прекрасных городах, а потом с подлинным вдохновением написали бы стихи о любви к Родине и даже о ностальгии.

Герой рассказа Маки Джохадзе «Камешки, брошенные в мертвую лужу» признается самому себе: «Я не так мал, чтобы предаваться мечтам, и не так стар, чтобы жить воспоминаниями». Не одному молодому писателю следовало бы задуматься над этими словами.

Мы давно ведем разговор о вреде преждевременного профессионализма в литературе, и тем не менее своей мнимой заботливостью или скорее небрежным покровительством способствуем его развитию.

Меня, естественно, радует активная творческая жизнь наших уже именитых писателей. Но при этом удивляет и даже обижает, почему Константин Лордкипанидзе должен был опередить молодых в Абаше или Шираки, а Гурам Панджикидзе раньше всех очутился в Сванети или Мтатушети, краю, куда впервые проложена дорога и где в быт вошли телевизоры и другие обязательные атрибуты современной жизни, словом, все то, что дало этим недоступным раньше местам новый импульс к возрождению. Или почему Джансуг Чарквиани и Чабуа Амирэджиби раньше молодых навестили в зимнюю стужу наших славных овцеводов в Кизлярских степях. Почему не было молодых в той большой группе писателей, которые находились в Хевсурети в памятный день, когда заново родился Шатили?

Нельзя переживать издалека, познавать на расстоянии — подобные чувства не могут быть объектом творчества. Потому и нет сегодняшнего дня в творчестве молодых. А если он и присутствует, то выглядит бледным, безжизненным и ничего не говорит сердцу, подобно вышеназванному стихотворению Ираклия Чедия «Дорога в Мтатушети».

«Ваше слово, молодые,
Выходите, дорогие!»

Этот клич и сегодня звучит призывно, взволнованно и искренне. Только надо помнить, что «выходить» — это не значит просто появиться. «Выходите!» — то есть дерзайте, обновляйте жизнь, идите вперед. Словом, за вами — дело!

РОМАН «Дата Туташ-хиа» можно прочитать по-разному: как занимательное, приключенческое произведение, насыщенное детективным элементом; как историко-социальное художественное сочинение, правдиво отображающее определенный период (конец девятнадцатого и начало двадцатого веков) жизни Грузии; как книгу с разнообразным и исключительно колоритным типажом (в нем действуют около сорока персонажей); как психологический роман, с филигранным мастерством выявляющий сложные людские взаимоотношения и глубинные слои человеческой души; в нем можно проследить философские проблемы, идеи и идеалы, обнаружить вечные атрибуты существования рода человеческого, которым не отмереть, пока люди живут на земле.

Разумеется, эти разнообразные компоненты не обособлены в романе друг от друга. Они являются взаимопроникающими и взаимовосполняющими ингредиентами (а не механическими составными частями) единого целого. Однако эта многоплановость — залог того, что роман с одинаковой охотой прочитают читатели любого уровня, с разным

Реваз ТВАРАДЗЕ

ПИСАТЕЛЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДА

кругом интересов — начиная от неискушенного земледельца и кончая утонченным интеллектуалом.

Как известно, подобные произведения создаются так уж часто (даже в глобальном масштабе!), так что можно самого же начала сказать: мы имеем дело с незаурядным творением. Я отнюдь не собираюсь переоценивать достоинства романа, автором которого является мой ближайший друг. Но вышесказанное безусловно подтверждается тем живым, особым интересом, который пробудил к себе «Дата Туташиа» и в Грузии, и во всесоюзном масштабе, и за рубежом. Даже в наше время, когда уже никого не удивишь ни заинтересованностью той или иной книгой, ни литературным бумом, этот роман, как говорится, действительно покрыл все рекорды.

Для того, кто близко знает Чабуа Амирэджиби, нет ничего удивительного в том, что именно из его рук вышло подобное произведение.

Человек с утонченными манерами, хорошо воспитанный, приятный собеседник, превосходный рассказчик, в повествовании которого переплетаются и сочетаются и занимательный элемент, и юмор, и образность, и сложное рассуждение, и постижение сути рассказанной истории, — таково первое впечатление от него. В дальнейшем вы обнаружите, что утонченность и врожденный артистизм этого человека направлены не на то, чтобы произвести эффект на окружающих, а на то, чтобы возвысить, поднять до своего уровня собеседника или слушателя.

На последующем этапе знакомства вы начинаете понимать, что имеете дело с личностью на редкость монолитной, для которой каждое произнесенное слово равноценно деянию, а каждый поступок имеет собственное определение. Вы убеждаетесь, что его мысли, взгляды, идеалы проистекают из какой-то единой и стройной мировоззренческой целостности и направлены по строгому руслу. Чтобы постигнуть эту целостность, потребуются годы, но и до того почувствуете, как зачаровывает и покоряет вас она своей незыблемой логичностью и особенно — глубиной и диапазоном.

У вас может создаться впечатление, что перед вами — законченный, убежденный рационалист, каждый шаг которого подчиняется лишь железной, равнодушной логике.

И вдруг — совершенно нелогичный, импульсивный, почти необъяснимый поступок. И вы догадываетесь, что эту лич-

ность невозможно познать прямолинейно, в одном измерении, что внутренняя сущность ее является гораздо более сложной: и многогранной целостностью, нежели казалось вначале, что его обаяния, его магнетизм весьма и весьма труднодостижимы.

Я редко встречал человека, внутренняя сущность которого столь гармонировала бы с его внешностью, поведением, поступками, образом жизни.

Я хорошо помню Тбилиси предвоенных лет, полумиллионный уютный город, отмеченный особым интимом, где чуть ли не все знали всех и где ни один юноша не смог бы снять всеобщее признание и уважение одними лишь интеллектуальными или какими-либо другими талантами, не будь он прежде всего хорошим парнем. С тех пор многое изменилось, население города уже превысило миллион, ритм жизни стал намного быстрее и разнообразнее, однако тот своеобразный культ «хорошего парня» сохранился в Тбилиси по сей день. Для того чтобы коренной тбилисец признал бы вас, он, кроме прочих достоинств, должен видеть в вас настоящего мужчину, своеобразного рыцаря.

Чабуа Амирэджиби был одним из призванных лидеров тбилисской молодежи предвоенных лет. Кроме недюжинной физической силы, он обладал и всеми остальными свойствами хорошего парня, какими являются любовь к друзьям, стойкость, преданность, щедрость, доброта и тому подобное. В послевоенные же годы его мужество стало настоящей легендой, и мы, парни моложе него на несколько лет, считали его своим идеалом.

Примечательно, что перешагнувший недавно шестой десяток Чабуа Амирэджиби по сей день обладает этими свойствами и в этом смысле по сей день остается одним из эталонов хорошего парня. Это могут подтвердить его друзья и близкие, которых насчитываются не десятки — сотни. Здесь я не имею в виду многочисленную его родню. Даже трудно представить себе, каких жертв требуют взаимоотношения со всеми этими славными людьми, сколько времени и энергии (и физической, и духовной) отдается этому благороднейшему делу. Ведь он умеет разделить и радость, и горе всех этих многочисленных людей, не говоря об остальном, находит время, чтобы хотя бы разделить трапезу с ними. И дня не проходит без того, чтобы несколько человек не пришли бы в гости в большую, жизнерадостную семью Амирэджиби, не проходит и недели без того, чтобы его самого три-четыре раза не пригласили в гости (притом не только в Тби-

лиси, но в любом уголке Грузии). В этом отношении образ жизни его семьи является прямым продолжением жизни семьи его отца — известного в свое время юриста Ираклия Амирэджиби, и в этих же традициях воспитываются все шестеро детей самого Чабуа.

Такова одна сторона его домашней, вернее личной жизни, в центре всех событий стоит всегда он — мудрый, благовоспитанный, красноречивый, жизнерадостный, любящий, добродушный, полный достоинства рыцарь.

Рыцарь или мученик?

В течение многих лет он руководил большими учреждениями и везде дела у него были налажены превосходно. Ныне он — директор Студии хроникально-документальных фильмов, где дел — непочатый край. Однако главным все-таки является другое: книги, пресса, новые художественные произведения, спектакли, фильмы, живопись, концерты, — словом, интенсивная жизнь в области литературы и искусства, которой всегда дышал и поныне дышит Тбилиси. И вместе с этим: общественная жизнь, наука, спорт (он — завзятый болельщик, не раз бывал в гостях у футболистов тбилисского «Динамо». Между прочим, когда вышел «Дата Туташхиа», тридцать пять экземпляров этой книги с именными надписями он самолично роздал основным и запасным игрокам и руководителям клуба).

Одним словом, на первый взгляд его жизнь мало чем похожа на жизнь писателя.

Но вся суть как раз в том, что иначе быть не может. Снискать имя хорошего парня в Тбилиси нелегко, еще труднее — сохранить его. Без подобного образа жизни Чабуа Амирэджиби не был бы Чабуа Амирэджиби, каким его знают и родной город, и вся Грузия. А не будь таким, он не смог бы написать произведение, подобное «Дата Туташхиа».

Ибо мы не сможем назвать ни одного качества (физического или духовного) Даты Туташхиа — основного персонажа романа, — которыми не обладал бы также создавший его автор. Это тот случай, когда физически и духовно сильного героя создает физически и духовно мощная творческая личность. В этом отношении мы имеем дело с продолжением древней традиции грузинской литературы. В качестве примера достаточно упомянуть Важа Пшавела, на редкость мужественного богатыря, создателя мощных героев (кстати, лишь в этом аспекте можно объяснить высказывание Важа Пшавела о Ницше: «Ницше — выхолощенный философ, он преувеличивает все,

чем не обладает сам». По моему мнению, весьма примечательные слова!).

Да, Чабуа Амирэджиби не признает кабинетной доброты и честности, кабинетного благородства, мужества и рыцарства. Не обладай он упомянутыми качествами на деле, реально, в жизни, он не смог бы вылепить такими своих героев.

Так что его личная жизнь — это постоянная, непрестанная жертва, приносимая во благо другим. Эту жертву требует его родной город. Однако город неумолимо требует и того, чтобы, кроме хорошего парня, Чабуа Амирэджиби был бы еще хорошим писателем. На сегодняшний день это неперемное для него условие. Иначе имя хорошего парня предалось бы забвению. А быть хорошим писателем — помимо всего прочего, значит иметь в запасе неимоверную энергию и много свободного времени. Об этом город позаботиться не может, это — забота самого писателя. И вот получается, что истый тбилисский писатель вынужден находить запасы свободного времени и энергии, не нарушая при этом привычного для коренного тбилисца образа жизни. Но каким образом, каким чудом? За счет собственного здоровья, за счет проводимых без сна ночей — другого выхода нет. В течение десяти лет писатель работал над своим романом, и если высчитать время, потраченное на создание этого произведения, то большая его часть приходится на отрезок от полуночи до четырех-пяти часов утра.

Быть может, подобный образ жизни явился причиной того, что лет пятнадцать тому назад он заболел тяжелым недугом — раком горла. Спустя некоторое время открылась каверна, затем — сердечные приступы. Он лечился в Москве. Не знаю, насколько эффективным был курс лечения (само собой, врачи, лечащие его, заслуживают лишь слов благодарности!), но я твердо убежден: в итоге он сам вылечил себя. Благодаря непоколебимой воле, поразительной жизнеспособности, стойкости, неиссякаемому оптимизму.

В те дни, во время пребывания его в Москве, случилась одна примечательная история. Войдя в комнату, он увидел: его сестры сидели и утирали слезы, считая его обреченным. Не говоря ни слова, он вышел, в первом же магазине купил для себя костюм и пальто, еоротился и повесил купленные вещи на виду. Умирать, мол, не собираюсь, — как бы сказал он своим поступком. В противном случае он — глава многочисленной семьи — не позволил бы себе подоб-

ной роскоши — приобретать лишний костюм и лишнее пальто.

Не мог он также позволить себе роскоши уйти из жизни. Из-за той же многочисленной семьи, из-за бесчисленных друзей, родственников, близких, из-за тех, кто любил, уважал, ценил его. А может быть, из-за того больше, что тогда еще не была завершена работа над «Датой Туташхиа», романом в сорок авторских листов. А он твердо верит, что человек уходит из жизни лишь тогда, когда исчерпана его миссия на этом свете.

Краеугольным камнем его мировоззрения (как явствует уже из его ранних рассказов) являлась идея, согласно которой условием того, чтобы человек оставался человеком, является непрестанная борьба с самим собой ради совершенствования.

Непрестанная борьба с самим собой!

Каким образом удалось воплотить эту сложную и возвышенную идею в «Дате Туташхиа»?

История мировой литературы знает несколько случаев, когда художественное произведение содержит два слившихся плана — реальный, житейский, эмпирический и чисто духовный. В реальном плане читатель знакомится с рассказанной историей, с приключениями персонажей и не всегда догадывается, что это повествование можно также понимать как нечто, происходящее в душе, во внутреннем существе субъекта. Примером этого называют «Бхагават-Гиту» (одну из лучших книг индийского эпоса «Рамаяна», созданную около VI века до нашей эры).

Вспомним: в долине Куру должны сразиться два противника — войска Пандавов и Кауравов. Перед самым боем главный персонаж произведения, Арджуна, видит среди воинства неприятеля своих близких родственников. Он содрогается, ибо не может себе представить, как можно сражаться в подобных случаях. Тогда бог Кришна, наставник Арджуны, подбодряет его и призывает без содрогания вступить в бой (кстати, кроме этой незатейливой фабулы, все произведение состоит лишь из философского диалога Кришны и Арджуны).

И вот «Бхагават-Гиту» интерпретируют следующим образом: долина Куру, где должно произойти сражение, является символическим изображением человеческой души. Там, внутри, в душе так же противостоят друг другу мысли, пе-

реживания, чувства человека. И человеку надлежит без содрогания дать эту битву самому себе, беспощадно подавить психические реальности, препятствующие духовному восхождению, духовному совершенствованию.

Подобным произведением считают также «Одиссею» (Одиссей — символ рода человеческого, который, преодолев множество препятствий и бедствий, приходит к ожидающей его Пенелопе — символу божества); «Божественную комедию» (хождение Данте по аду, чистилищу и раю является выражением его духовной эволюции, духовного восхождения в процессе жестокой борьбы с самим собой).

Однако в данном случае для нас главное то, что, углубившись в «Дату Туташхиа», мы обнаруживаем в этом романе подобные слитые воедино планы — эмпирический и духовный (хотя я не склонен думать, что Чабуа Амиреджиби когда-нибудь увлекался теориями, интерпретировавшими подобным образом творения мировой литературы).

Эмпирический план долго искать не приходится — им является роман в целом, все то, что в нем рассказано (кроме эпиграфов, конечно). Что касается духовного плана, следует сказать вот что: трагедию, разыгранную в эмпирическом плане, можно прочесть так же, как борьбу внутренних начал, возникшую в душе отдельного человека или рода человеческого в целом, как трагедию, разыгранную в существе, в недрах отдельного субъекта или рода человеческого в целом. Так что противопоставление и борьбу Даты Туташхиа и Мушни Зарандиа можно понимать так же, как борьбу добра и зла, происходящую в душе каждого человека. Дата Туташхиа и Мушни Зарандиа фактически являются двумя ипостасями одной личности, одной души, борющейся с самой собой не на жизнь, а на смерть.

Одно из достоинств подобных произведений заключается в том, что, несмотря на слитность упомянутых двух планов, читатель может безболезненно пренебречь одним из них и всецело сосредоточиться на другом (вот почему, как было уже отмечено, с подобными произведениями с удовольствием знакомятся читатели любого уровня). В частности, если даже в «Дате Туташхиа» вовсе не подразумевать тот второй, духовный план, и без него роман будет читаться с интересом и главной проблемой, поднятой в нем, будет опять-таки борьба добра и зла. Однако в таком случае весьма и весьма нелегко будет постичь всю глубину произведения и со всей ясностью осмыслить вышеупомянутую идею — не-

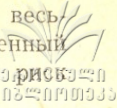
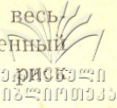
прерывную борьбу с самим собой. В этом со мной, вероятно, согласится каждый, кто внимательно прочитает и постигнет ключ к роману — сначала общий эпиграф, а затем отдельные эпиграфы к каждой части.

Это очень сложное (хотя на первый взгляд — легкое и лишь занимательное!) произведение привлекает наше внимание еще следующим: и в целом, и по частям оно создано так, что нигде не теряется элемент убедительности, жизненной правды. Согласно эпиграфам, Дата Туташхиа — воплощение, своего рода символ собирательной души рода человеческого, существа, обитающего в недрах его, и он противопоставляется и борется с проявлением также собирательной души другого существа, обитающего также в недрах рода человеческого. Все это — в философском и вневременном аспекте. В эмпирическом же аспекте, являющемся главнейшим для большинства читателей, Дата Туташхиа изображен такими живыми красками, настолько жизненно, что, познакомившись с ним, вы никогда его не забудете. Добавим к этому, что такими же являются и Мушни Зарандиа, и другие многочисленные персонажи, действующие в романе, или рассказчики отдельных новелл. Каждому из них дарована своя собственная жизнь, четко индивидуальная и неповторимая.

Поэтому нас не должно смущать то обстоятельство, что идея борьбы с самим собой, кроме вневременно-философского плана (где и Туташхиа, и Зарандиа — лишь символы), раскрывается также в личностном, бытовом аспекте конкретного Даты Туташхиа. Так что перед нами — сложнейшая диалектика общего и индивидуального, преподнесенная не в виде скучного трактата, а в виде красочного художественного полотна. Туташхиа-символ и Туташхиа-персонаж только лишь дополняют друг друга, и осмысление их, как единой целостности, вовсе не умеряет силу художественного воздействия произведения.

Вспомним теперь, что из себя представляет именно этот конкретный герой — Туташхиа-персонаж, Туташхиа-личность. Это — человек, близко стоящий к физическому и духовному совершенству, основным смыслом его жизни является поиск правды, истины. Автор романа ничуть не боится показаться старомодным в чьих-либо глазах и уверенно, без колебаний создает такую модель.

Для того, кто разбирается в нюансах современной литературной жизни, без дальнейших объяснений будет понятно, почему я упомянул здесь слово «старомодный». Ибо сегодня-

шняя литературная мода относится к подобным моделям ^{рис} ма высокомерно и пренебрежительно, и писатель, увлеченный подобными моделями, несомненно, идет на спределенный ^{рис} — может запросто потерять читателей.

Такая ситуация все больше дает о себе знать за последние десятилетия. И как-то все мы так привыкли к этому, что слишком редко задаемся вопросом — почему так происходит, куда нас ведут вчерашние или сегодняшние модные увлечения. Это — сложные, все еще мало исследованные вопросы. Найти для них однозначный ответ на сегодняшний день очень трудно, и, может быть, в этом нет особой необходимости, так как слишком много различных мнений на этот счет. Так что мои наблюдения могут оказаться излишне субъективными, не исключено — даже ошибочными. Но главным в данном случае является то, что обойти эти вопросы нельзя.

Источником модных увлечений мне представляется осознанное или неосознанное влияние западной литературы и искусства.

Слов нет, речь идет не о всей современной литературе и искусстве Запада, тем более не о лучших их представителях. Я имею в виду то течение западной литературы и искусства, которое именуется модернизмом не в лучшем значении этого слова, те быстротечные и эфемерные его проявления, вокруг которых обычно подымается скандальный шум, творчество людей, не обладающих ни стройным мировоззрением, ни верой, ни мужеством и честностью.

Если разобраться в сути вопроса и назвать все своими именами, то станет понятно, что литература и искусство подобного типа в конечном итоге основываются на взгляде, согласно которому Мироздание, вообще Бытие (и, конечно, жизнь человека), является абсурдом, не представляющим никакой ценности.

Если бы в наших литературах не чувствовалось хотя бы отдаленного, частичного (мягко говоря) влияния этого сатанинского воззрения, то лично я предпочел бы не затрагивать эту очень неприятную для меня тему. Но влияние (повторяю: пусть отдаленное, пусть частичное) явно ощущается, и закрывать на это глаза — значит обойти суть вопроса молчанием.

Но прежде чем попытаться вникнуть в суть вопроса, нужно сказать о том, что подобное влияние само по себе не так уж страшно, если оно не превращается в итоге в мировоззренческое кредо. Ибо в определенном возрасте, в юно-

сти, молодости, в пору внутреннего созревания, пока личность не достигнет своего «акме», чувство суетности, абсурдности бытия является постоянным спутником эволюции утонченной души. Здесь столько факторов, влияющих на личность, что нет надобности перечислять их. Подобное же чувство дает о себе знать также в преклонном возрасте, однако, согласно моим наблюдениям, это случается с людьми, не имевшими четкого мировоззрения, с личностями недостаточно монолитными.

Что касается превращения этого чувства в мировоззренческое кредо, то это довольно сложный вопрос и как раз здесь кроется суть дела.

Культура Запада (а в данном случае речь идет именно о ней) берет свое начало в древнейших цивилизациях. В недрах этих цивилизаций в определенные эпохи происходили потрясения мировоззренческого порядка, далекие отголоски которых дошли и до наших дней. Первым таким потрясением было расщепление, раскол целостного и гармоничного Мироздания мифической эпохи на две сферы — небесную и земную, вследствие чего родилось убеждение, что по отношению к небесному земное царство, зримый мир — суета и ничто.

В дальнейшем, уже в эпоху расцвета философии, была выработана следующая формулировка: истинно сущее в его полном виде невозможно обнаружить в этом (зримом) мире, наш мир является сочетанием сущего и не сущего, в нем столько же сущего, сколько не сущего. Что же касается истинно сущего — им является лишь потусторонне-божественное.

Но тогда же было сказано, что этот (зримый) мир представляет собой не нечто хаотическое и абсурдное, а является превосходно устроенным и упорядоченным Космосом. Зримый мир, правда, может сравниться с божественным так же, как тень с сиянием солнца, однако человек наделен способностью следовать не ощущениям, воспринимающим тени, а своему разуму, с помощью которого он постигнет сияющее, подобно солнцу, истинно сущее. Нафонец подлинной родиной человека является не зримый мир, а божественный, и именно туда устремляется его бессмертная душа.

Таковы основополагающие идеи античной эпохи, и в последующем времени к ним мало что прибавилось принципиально нового. Как известно, эти идеи были признаны христианством и в течение веков влияли на развитие западной

мысли и культуры вообще. Но вот что примечательно: в лучших образцах христианской религиозной философии зло, сатана отождествлялись с не сущим, небытием, вернее — стремлением к не сущему, небытию, а в самых несуразных проявлениях христианской культуры не сущим, прибежищем зла, сатанинским признавался именно зримый мир.

Лучшие мыслители долгой эпохи господства христианства считали, что хотя в сравнении с небесным зримый мир — лишь его тень, однако божественная сфера настолько прекрасна в своей красоте, что даже тень ее — этот мир — приобщена к прекрасному. Менее глубокомыслящие люди той же эпохи никак не хотели замечать земной красоты и разумного устройства материального мира, считая его ареной лишь суеты и небытия и предполагая непреходящее утешение в том, небесном мире. Это всем нам хорошо известно. Однако вот на что следует обратить внимание: тем, кто придерживался этого, второго воззрения, или их единомышленникам или духовным потомкам определенной эпохи, определенных исторических условий, достаточно было произвести «небольшую операцию» — отвергнуть небесное, божественное — чтобы перед ними возникло совершенно безутешное зрелище — отвратный, ничтожный, абсурдный зримый мир.

Именно так и случилось в определенных исторических условиях, когда Ницше и его поздние единомышленники, а затем и экзистенциалисты провозгласили «смерть бога». Думаю, нет необходимости пространно разъяснять, что за этим последовало. Последовал страшный кризис западной буржуазной философской мысли, а в дальнейшем — всей культуры, который длится до наших дней. Ведь если Мироздание, Бытие — ничто и абсурд, какую цену могут иметь деятельность, жизнь, мысли и идеалы ползающей в этом мире жалкой твари, именуемой человеком?

Так были обесценены возвышенные ценности, все сферы культуры (литература, театр, живопись, музыка, кино...) оказались во власти безоглядного цинизма и чувства обреченности, все подчинилось теории абсурда.

Конечно, это «все» не следует понимать в буквальном смысле. Если вся культура Запада безраздельно последовала бы по этому пути, то сегодня от нее не осталось бы ничего, кроме так называемой машинной цивилизации. Но наиболее четко выраженная тенденция западной культуры действительно является таковой в течение вот уже почти столетия.

Подобные мировоззренческие предпосылки вызвали к жиз-

ни попытки уничтожить вековые ценности и идеалы (философские, этические, нравственные, житейские...), культ отчужденного существования человека, культ абсурдных ситуаций, настроения полной безысходности, лозунги типа «ничто не запрещено» и тому подобное.

Модернизм подобного толка — явное, несомненное зло. Он цинично охаивает то, что испокон веков считалось и поныне считается святым для рода человеческого, он рисует мастерски сработанные картины смертоубийства, насилия, разнузданности, разврата, распутства, лжи, измены...

И все это выдается за последние достижения литературы и искусства.

Не знаю, нужно ли разъяснять читателю, что и смертоубийство, и насилие, и разнузданность, и разврат и тому подобное во все времена отражались и впредь будут отражаться в творениях литературы и искусства, что вышесказанное вовсе не означает, будто литература и искусство должны отводить взор от существующих в жизни ужасов и отражать лишь жизнь обитателей «островов блаженных».

Здесь надо учесть два обстоятельства.

Прежде всего это — известная издревле мудрость: мера во всем.

Во-вторых, необходимо четко определить, какие цели ставил перед собой писатель или художник — облегчить путь ближним (что было, есть и всегда будет одной из основных миссий истинного искусства), или же блеснуть перед аудиторией (что помогает маскировать собственное ничтожество, да и не только собственное, а вообще трусливых душ, ужасающихся трагизму Бытия).

Ведь по тому или иному произведению всегда можно определить, кто его создатель — человек ли с пламенным сердцем, одержимый любовью к людям (каким знали художника во все времена), или же эгоист, мизантроп, махнувший рукой на Бытие, Мироздание, на род людской, устремления которого направлены к пустоте и небытию. Люди с таким мировоззрением (вернее — без мировоззрения) никогда не смогут создать что-либо истинно ценное.

Слов нет, двадцатый век породил не одного истинно великого писателя или художника. Упомянутая тенденция — лишь накипь, пена, неизменно возникающая на пути развития культуры, от которой в итоге ничего не остается. Для кризисных эпох симптоматично обилие красочной сверкающей пены. И люди, не имеющие собственного мировоззрения, не

развивающие свой разум для постижения глубин Бытия, не тренирующие своей воли для того, чтобы невозмутимо рать на лицедейства брэнного мира, наконец, не обладающие душой, исполненной любви, — такие люди легко очаровываются искушающей красотой той самой «пены» (если только можно именовать красотой то, что здесь подразумевается).

Таких людей (простых потребителей литературы и искусства, или же собственно писателей и художников, следующих по чужим стопам) хватает везде. Достаточно оказалось их и у нас. Это неудивительно. Удивительно и огорчительно то, что данный процесс принимает тревожные масштабы и модными атрибутами наших литературных произведений, фильмов, спектаклей, живописных полотен становятся квазипроблемы отчуждения, абсурдности Бытия и тому подобное. Как будто фатально необходимо, чтобы мы тоже увязли в кризисе западной культуры, подобно ей подошли к краю и заново начали поиски спасательных путей, дабы доказать этим всему свету, что мы тоже современные, тоже просвещенные.

И в процессе этой модернизации мы часто забываем о том, что даже на Западе кризис литературы и искусства не может продолжаться бесконечно, что пока существует человечество, попытка довести литературу и искусство до самоубийства заранее обречена на неудачу.

Вот почему было сказано выше, что Чабуа Амирэджиби мало заботится о том — не покажется ли он старомодным в чьих-либо глазах и наделяет своего героя такими извечными атрибутами жизни, какими являются истина, совесть, любовь, доброта, великодушие, дружба, способность к самопожертвованию, мужество, рыцарство, борьба с самим собой и тому подобное, что всегда противопоставлялось злу.

Вот такую «устаревшую» проблематику предложил читателям автор романа «Дата Туташхиа». И, как уже было отмечено, популярность его произведения превзошла все ожидания.

Светлана КОШУТ

«СОЗДАТЬ ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ...»

●

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ОБЩНОСТИ
РУССКОЙ И ГРУЗИН-
СКОЙ СОВЕТСКОЙ
ДРАМАТУРГИИ КОН-
ЦА 20-х и 30-х ГОДОВ

●

СТИЛЬ героического те-
атрального представле-
ния, который ясно наметил-
ся и в русском и в грузин-
ском советском театре уже
с первых дней революции,
стал основным и в дальней-
шем, с появлением героико-
революционных драм
К. Тренева, В. Билль-Бело-
церковского, Вс. Иванова,
Б. Лавренева, В. Ромашо-
ва, Вс. Вишневского, Н. По-
година, Ш. Дадиани, С.
Шаншиашвили, П. Какаба-
дзе, К. Каладзе и других
писателей. Однако в их про-
изведениях рядом с высокой
романтикой находит место
и подлинный реализм пости-
жения социальных и психо-
логических мотивов дейст-
вий тех, кто героически бо-
рлся за новую жизнь.

В эти годы стал особенно
мощным размах социали-
стического строительства,
коллективизации деревни,
культурной революции во
всех областях жизни и дея-
тельности советского чело-
века. Советская драматур-
гия, отражая общие тенден-
ции всей многонациональной
советской литературы, под-
ходит к главным насущным
задачам времени: показы-
вать и решать сложные
идейные вопросы, острые
социально - политические
конфликты не только путем
публицистически - плакат-

ных, броских и призывно-агитационных внешних приемов, пусть даже остроумных, талантливых, «мейерхольдовски» великолепных и блестящих, а путем психологического углубления в образы изображаемых героев. К. Станиславский очень точно выразил эти назревшие требования: «...Прежде всего надо показать, ЧТО сделала революция в человеке. Мало показать на сцене революцию через толпы народа, идущие с флагами, надо показать революцию через душу человека».¹

Героика трезвого делового строительства социалистического государства и рождения нового человека ждала новой стилистики, нового, своего театра. Создание современного героического спектакля не могло решаться ставшими уже к середине 20-х годов шаблонными патетическими средствами. Если утверждение революционного романтизма и во второй половине 20-х годов оставалось ведущей тенденцией советского — особенно грузинского — театра и драматургии, то постепенно отходили в небытие пролеткультовские максималистские перегибы. Сама жизнь и практика театрального искусства показали, насколько правы были Станиславский и его последователи, не устававшие повторять даже в период расцвета массового агитационного театра, что нельзя «представлением» целиком заменить «переживание», что новому пролетарскому зрителю «нужна не изощренная форма, а жизнь человеческого духа, выраженная в простой и понятной, незамысловатой, но сильной и убедительной форме»².

И вот «жизнь человеческого духа» в ответственной переломную эпоху борьбы за установление нового жизненного строя предстает в таких значительных русских и грузинских произведениях середины и конца 20-х годов, вошедших в золотой фонд советской драматургии, как «Шторм» В. Билль-Белоцерковского (1925), «Любовь Яровая» К. Тренева (1926), «Разлом» Б. Лавренива (1927), «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова (1927), «Как это было» К. Каладзе (1927), «Анзор» и «Амбокари» С. Шаншиашвили (1928), «Тетнульд» Ш. Дадиани (1929) и другие.

Во всех этих овеянных революционной романтикой драмах уже конкретно показана и самоотверженная борьба Красной Армии с контрреволюцией и интервентами, и первые ша-

¹ Кн. «Пьесы советских писателей», т. I, 1953, с. XIV.

² К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М.-Л., 1948, с. 536.

ги новой, молодой Советской власти, ее борьба с разрухой, голодом, враждебным отношением некоторых слоев населения, заговорами и т. д.

В образах партийных руководителей, показанных в этих пьесах, — Равича из «Шторма» Билль-Белоцерковского, Кошкина из «Любови Яровой» К. Тренева, Годуна из «Разлома» Б. Лавренева, Пеклеванова из «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова, Ильи Иванова из «Анзора» С. Шаншиашвили и других, — в их духовном богатстве, стойкости, умении жертвовать личными интересами ради интересов народа драматурги сумели увидеть один из главных моментов героической современности, а именно — организующую, вдохновляющую и ведущую роль коммунистического авангарда в революции. Большой заслугой их создателей явилось умение убедительно оттенить и индивидуальные качества, ярко характеризующие каждого из них. Такая живая достоверность в противовес бытовавшим еще в литературе конца 20-х, да и в 30-х годах некоторым штампам в изображении как коммунистов в «кожаных куртках», так и других действующих лиц, схематично представлявших только те или иные социальные группы, была большим шагом вперед по пути овладения методом социалистического реализма.

В лучших произведениях грузинских и русских драматургов второй половины 20-х и начала 30-х годов эта тенденция к художественно полнокровному, живому, разностороннему изображению нового советского человека и явилась их общим типологическим качеством. Это и революционные моряки, и рабочие, красноармейцы, партизаны, и передовые интеллигенты, и крестьяне, вступившие в активную борьбу за новую жизнь.

Сибирский крестьянин Вершинин, руководитель партизанского отряда в тайге, из пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» и начальник повстанческого отряда в Дагестане — горец Анзор из одноименной пьесы С. Шаншиашвили, написанной на основе «Бронепоезда 14-69» через год, по горячим следам после первой ее постановки во МХАТе (1927), являются характерными представителями нового крестьянства, носителями лучших черт народа, беззаветно преданными революции.

Таковы и центральные действующие лица пьесы К. Каладзе «Как это было» — руководители восставшего народа крестьянин Беглар и борющийся с ним бок о бок рабочий-шахтер Куба. Спектакль по этой пьесе, блестяще поставлен-

ный в марте 1927 года К. Марджанишвили, вслуду — как в Грузии, так и в Москве, и на Украине, — производил огромное впечатление и был, как отмечала современница и сорудница К. Марджанишвили, композитор Т. Вахвашишвили. «стимулом для театральных деятелей смело искать путей для упрочения на сцене советской драматургии»¹.

Характерно, что К. Тренев, Б. Лавренев, Вс. Иванов и другие русские драматурги, так же как Ш. Дадиани, П. Какабадзе, К. Каладзе, С. Шаншиашвили и другие авторы грузинских пьес, особое внимание уделяют эволюции характеров и идейно-политическому росту своих героев, показывая процесс становления их как передовых личностей, идейно убежденных защитников революции.

В динамике развивается образ Любови Яровой, которая на глазах зрителя проходит тяжелый и тернистый путь и, по словам первой замечательной исполнительницы этой роли В. Пашенной, «как бы заново рождается», вырабатывает в себе твердость воли и непримиримость в борьбе со злом, с болю освобождаясь от любви к человеку, ставшему врагом ее идей, врагом революции.

Так же на глазах зрителя углубляется и развивается образ ученого Горностаева, который все больше убеждается в том, что только с революцией ему по пути, что на ее стороне правда и подлинно высокий гуманизм.

В пьесе Б. Лавренева «Разлом» дана сложная картина перехода честного патриота, мужественного человека, капитана Берсенева на сторону революции, очищение его от ложных предрассудков и других наслоений прошлого.

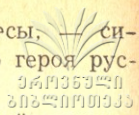
Драматурги показывают, как великая сила революции пробуждает и воспитывает людей из всех — даже самых отсталых — слоев населения, поднимает их, одухотворяет. Таков матрос Швандя («Любовь Яровая»), которого революция сделала свободным человеком, активным и сознательным участником строительства новой жизни. Похож в этом плане на Швандю и «братишка» из «Шторма» Билль-Белоцерковского, и Васька Окорок из «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова.

В драме Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» прослеживается эволюция образа Вершинина под влиянием «большевистской воли и правды» коммуниста Пеклеванова, превращение

¹ Цит. по кн. Г. Цицишвили «Грузинская советская драматургия», Тб., 1962, с. 414 (на груз. яз.).

этого «стихийного, — по словам самого автора пьесы, — сибирского крестьянина во внутренне организованного героя русской истории, героя борьбы за социализм».

Интересно, что С. Шаншиашвили, создавая свой вариант «Бронепоезда 14-69» — пьесу «Анзор», еще более углубил и оттенил процесс перестройки и развития образа горского крестьянина Анзора (соответствующего ивановскому Вершинину), несомненно больше внимания уделял мотивировке превращения миролюбивого, равнодушного к политике бедного крестьянина в самоотверженного борца за Советскую власть. Сопоставив эти два по существу самостоятельные произведения, Г. Цицишвили на основе их глубокого анализа делает вывод о более компактном композиционном построении пьесы С. Шаншиашвили, большей романтизации и углублении в нем динамики действия благодаря более подчеркнутому национальному колориту, введению новых лиц и ситуаций и устранению некоторых информационно - повествовательных элементов, имеющих место в пьесе Вс. Иванова. Однако это различие еще больше подчеркивает типологический общий идейный стержень, объединяющий оба произведения.

В другой, более ранней пьесе С. Шаншиашвили «Амбокари» показано, как стихийное недовольство крестьян своим угнетенным положением, неорганизованность их бунтарского настроения Таде Амбокари пытается разжечь в революционный пожар. В этой же пьесе С. Шаншиашвили дает образ новой советской женщины, сельской учительницы Ринэ Тагаури, которая стала во главе восставшего народа после гибели Амбокари.

Большую роль в дальнейшем развитии и становлении всей многонациональной советской драматургии 30-х годов сыграли теоретические высказывания и практический опыт ведущих представителей социалистического реализма. В начале 30-х годов были созданы знаменитые пьесы М. Горького «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», а также новая редакция «Вассы Железновой», с большой художественной силой раскрывающие неизбежность краха буржуазного мира, неодолимость торжества социализма.

Огромное значение для всей советской литературы и в частности драматургии имел Первый съезд советских писателей, на котором с докладами о драматургии выступили Н. Погодин, А. Толстой, В. Киршон и В. Кирпотин, призвавшие не только к углублению связи с общенародной борьбой всего совет-

ского общества за социализм, к правдивому изображению духовного мира современного человека, но и к повышению профессионального мастерства драматургов, к овладению всем многообразием и богатством жанров, проблем и тематики.

В противовес бытовавшему в тот период вульгаризаторскому взгляду на трагедию, которая якобы абсолютно чужда советской драматургии, многие прогрессивные писатели уже в самом начале 30-х годов выдвигают положение о необходимости овладения этим высоким жанром. Правда, в советской действительности понятие трагического приобретает иной, не традиционный для прежних эпох характер. На фоне общего движения вперед, на фоне поступательного развития и победы того дела, которому отдает себя герой, — даже гибель его носит принципиально новый характер. Она далека от бесперспективной обреченности и связана с движением к общей победе справедливого дела «Мы вступаем в эпоху, полную величайшего трагизма, — говорил на Первом съезде советских писателей Горький, — и мы должны готовиться, учиться преобразовать этот трагизм в тех совершенных формах, как умели изображать его древние трагики»¹.

Практика многонациональной советской литературы показывает, насколько типологически общими были эти проблемы. Особенно близки были идейно - тематические и жанрово-стилевые поиски русских, грузинских и украинских драматургов этого периода. «Тетнульд» (1930—1931) Ш. Дадиани, «Оптимистическая трагедия» (1933) Вс. Вишневского, «Гибель эскадры» (1933) А. Корнейчука и некоторые другие произведения явились воплощением черт романтической советской трагедии. Правда, «Тетнульд» Ш. Дадиани, в отличие от названных пьес Вс. Вишневского и А. Корнейчука, основан не на историко-революционной тематике, а посвящен современности. И это своеобразие пьесы грузинского драматурга должно особенно привлечь внимание исследователей, так как на материале современной действительности было еще сложнее выявить идейно - тематические и сюжетно-конфликтные возможности для претворения их в новую форму советской трагедии. Ш. Дадиани отлично справился с этой труднейшей задачей. В самом сюжетном узле пьесы, в основе ее трагедийного конфликта можно уловить интересное разрешение проблемы взаимо-

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 27, с. 351.

действия национального и интернационально - советского начала.

Главной своей целью грузинский драматург считал отражение характерного для эпохи духовного формирования советского человека, упрочения в нем социалистической сознательности, перемены жизненного уклада, глубокой перестройки во всем.

Действие пьесы происходит в одном из отдаленнейших уголков Грузии — далеко в горах Сванети, куда, разрушая старинный патриархальный быт и нравы, ворвался ветер новой жизни. Новое олицетворяет здесь та часть передовой сванской молодежи, которая, получив образование и вернувшись в родные места, принесла с собой и новые идеи, новую психологию, новое здоровое отношение к людям и самой жизни. Против намерения молодого ученого - геолога Гелахсана подняться на вершину «священной» горы Тетнульд восстает представитель «старой Сванети» — старейшина Аргишд, глава рода, характеристика которого, данная автором, очень интересна, многогранна. Дадиани подчеркивает и положительные, благородные черты в этом колоритном старике, как бы идущие из самых недр народных, но вместе с тем показывает и его темноту, отсталость, цепь предрассудков, которой он окован и не в силах разорвать. В итоге старейшина, потерпев моральное поражение, гибнет. Его бесславная смерть символизирует неизбежность ухода всего отжившего, мешающего утверждению в жизни нового, передового, светлого. Трагическая же гибель Гелахсана, пытавшегося спасти товарища, выглядит совсем иначе. Эта трагедия не связана с темой безнадежного отчаяния, бесперспективности. Оптимистическая тональность, пронизывающая произведение, не исчезает. Наоборот, она усиливается в образе Лахили — жены Гелахсана, которая довершает героическое дело, начатое мужем, — завоевывает суровый Тетнульд. Вместе с покорением Тетнульда, которое олицетворяет крушение всего старого, уходящего и победу нового мира, Лахиль покоряет и сердца жителей села, сердца молодежи новой Сванети, которая уже никогда не сможет и не захочет жить по-старому.

Пьеса Ш. Дадиани «Тетнульд» — первая в советской драматургии попытка воскрешения давно забытого и обогащенного совершенно новым идейно-смысловым содержанием жанра, по существу первая советская оптимистическая трагедия, которая до сих пор не оценена

до достоинству. В «Тетнульде», были заложены художественные основы, типологически близкие появившимся вскоре «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского и «Гибели Эскадры» А. Корнейчука, а также другим, идейно и жанрово близким этому ряду драматическим произведениям.

В пьесе Вс. Вишневского мужественная гибель женщины-комиссара при всем своем трагизме не снижает глубоко оптимистического звучания финала, утверждая бессмертие и величие дела революции. Это подчеркнуто и в самом названии пьесы, давшем название той тенденции, которая уже наметилась в советской литературе и, в частности, блестяще воплотилась в «Тетнульде» Ш. Дадiani.

Такая идейно-принципиальная и даже жанрово-стилевая близость разнонациональных произведений может послужить еще одним свидетельством того, что «сходство социальных задач и общественно-исторических условий нередко порождает типологически близкие явления в искусстве разных народов, при всех различиях и в реалиях национальной жизни, и в художественных традициях, и в творческих индивидуальностях авторов».¹

Подъем советского искусства и литературы в 30-е годы определил и главные успехи русской и грузинской драматургии и театрального искусства в это время. Триумфальные гастроли в 1930 году на Украине и в Москве Второго государственного театра Грузии, руководимого К. Марджанишвили, затем гастроли театра им. Руставели во главе с С. Ахметели, а вскоре и состоявшаяся в 1937 году в Москве Декада грузинского искусства — превратились в подлинный праздник всесоюзного значения. В одной из центральных московских газет того времени² подчеркивались такие черты грузинского искусства, как народность, тяга к монументальности, идеи преданности и верности общественному долгу и делу свободы... Они близки и родственны и лучшим представителям русского искусства и литературы 20-30-х годов, русской драматургии того времени. Не случайно оригинальный и глубоко национальный художник К. Марджанишвили, творчество которого явилось олицетворением взаимообогащения русской и грузин-

¹ Сб. «Национальное и интернациональное в литературе», изд. «Наука», М., 1971, с. 312.

² «Известия», 1937, 14 января.

ской культур, провозглашал необходимость и возможность через театр выражать общие для всей советской жизни идеи и мысли.

В его творчестве как нельзя ярче выразились типологически близкие русской и грузинской драматургической и театральной устремленности 20-х и 30-х годов черты.

Вспомним хотя бы о том, сколько пьес русских авторов ставил режиссер и какие из них. Разумеется, он подбирал репертуар из произведений, близких ему по духу, по идейной значимости, по мысли, проблематике... Ставя в своем театре на первое место национальную драматургию, К. Марджанишвили вводит в репертуар и многие пьесы русских и украинских авторов. Это и «На дне» Горького, и «Три толстяка» Ю. Олеши, и «Коммуна в степи» М. Кулиша. Считая современных ему А. Афиногенова, Н. Погодина и В. Киршона писателями, «действительно чувствующими и говорящими о современности», он воплощает на сцене своего театра их произведения, в которых, может быть, раньше, чем в других советских пьесах — как русских, так и грузинских — громко зазвучала тема героического труда.

Еще в Кутаиси в 1929 году Марджанишвили ставит пьесу В. Киршона «Рельсы гудят», с которой вместе на сцену грузинского театра приходит производственная тематика, новые герои, люди, обретающие себя в труде, такие, как Василий Новиков, которого великолепно исполнял Ш. Гамбашидзе.

Новыми людьми являются и герои пьес Н. Погодина, и в частности его «Поэмы о топоре», в которой изображен один из заводов Южного Урала. Глубоко восприняв смысл и значение этого произведения для современного и, в частности, грузинского искусства, до конца прочувствовав его тематически — проблемную злободневность, актуальность его пафоса, заключающегося в показе новаторской, созидательной деятельности советского человека, Марджанишвили вместе с тем понимал, что некоторая очерковость мешает ее художественному воплощению на сцене. Поэтому, ставя спектакль по этой пьесе в 1931 году, режиссер приложил много усилий, чтобы он зазвучал интересно и художественно выразительно, не «перегрузился», как это часто бывало в ту эпоху, производственными реалиями, не был излишне «технологизирован». Марджанишвили сумел сделать главное — выдвинуть на первый план человека.

Кроме того, решив опозитизировать пьесу, он внес инте-

ресное новшество, поручил поэту В. Гаприндашвили выполнить белыми стихами перевод погодинского прозаического текста роли чтеца или, как он назван в пьесе, представителя театра. Эта роль, которую исполнял С. Закариадзе, таким образом получала дополнительное значение, а его монолог — гимн труду — был выделен режиссером и служил своеобразной поэтической экспозицией к спектаклю. Так не раз творчески взаимообогащали друг друга русские и грузинские художники, создавая замечательные образцы советского искусства.

В пьесах Ш. Дадиани начала 30-х годов «Метла и улитка», «И ничего не будет» на национальном материале дана картина жизни нового советского человека, подчеркнута преобразующая сила труда. В «Метле и улитке», посвященной теме индустриализации, герой показан непосредственно в труде, в котором он выявляет лучшие человеческие качества, высокосознательное отношение и к людям, и к своей деятельности. «Советская Грузия дала мне лицо нового человека, — говорил Ш. Дадиани, — обогатила мою тематику, расширила пространство и в то же время обязала перед новым человеком сказать мое слово о новом человеке. И я пытаюсь в своих последних сочинениях показать верную картину сегодняшнего дня»¹.

К осени 1933 года Марджанишвили предполагал поставить еще одну пьесу Н. Погодина — «Мой друг», только что завершённую драматургом. Кипуче-темпераментный, увлекающийся, горячий, страстно отдающийся всему — радости, гневу, а особенно упоению созидательным трудом — начальник одной из гигантских промышленных новостроек первой пятилетки Григорий Гай, очевидно, захватил творческое воображение грузинского режиссера многими своими чертами, близкими национальному грузинскому характеру. Роль Гая режиссер собирался дать Ш. Гамбашидзе, также видя определенную характерологическую родственность своего любимого актера и понравившегося героя. Однако смерть помешала ему поставить этот спектакль.

Типологически близок погодинскому Григорию Гаю образ Дмитрия Гегелия — главного героя пьесы Серго Квдиашвили «Поколение героев», очень характерный для грузинской литературы 30-х годов. Дмитрий Гегелия — один из преобразо-

¹ Г. Цицишвили, «Шалва Дадиани», «Сабчала Сакартвело», Тб., 1974, с. 126.

вателей Колхиды, энтузиаст своего дела, носитель лучших черт нового советского характера, душевный, добрый и умный человек. В обеих пьесах на фоне широко развернувшегося мирного труда советских людей показано и сопротивление классового врага социалистической перестройке жизни, происки империалистической агентуры, заканчивающиеся крахом.

В каждом из этих произведений в совершенно разных, национально характерных формах, живо и ярко передается одинаково напряженная, полная трудностей, но и радости в преодолении этих трудностей атмосфера коренной перестройки жизни, царившая повсюду в Советской стране в эпоху первых пятилеток.

Н. Погодин и С. Квдиашвили своими пьесами как бы отвечали на призыв времени: «Создать героя нашего времени, поставить на перекрестках наших текущих дней величественные фигуры типов нового человека», сформулированный Алексеем Толстым в его докладе о драматургии на Первом съезде советских писателей.

Большую сложность в становлении нового как в России, так и в Грузии представляло собой изменение сознания крестьянина — человека, веками тесно связанного с землей, с сельским хозяйством, а следовательно — более крепко спаянного с патриархальным бытом, со старым укладом, более трудно меняющегося и воспринимающего новое.

Одной из первых попыток в грузинской драматургии изобразить острую классовую борьбу в крестьянской среде, широко охватить жизнь грузинского села явилась пьеса А. Мирцхулава-Машашвили «Тревога», которую сразу же после ее появления, в 1931 году, Сандро Ахметели с большим успехом поставил на сцене театра им. Руставели.

Так же как в «Хлебе» В. Киршона, который в том же 1931 году был поставлен К. Марджанишвили, как и в российских инсценировках «Поднятой целины» М. Шолохова и «Разбега» Ставского в эти годы, как в пьесе «После бала» Н. Погодина (1932), темой «Тревоги» стало изображение глубочайших социальных сдвигов и перегруппировок сил в грузинской деревне в годы «великого перелома», борьбы партии за утверждение колхозного строя. В образе Мордехи отражен процесс формирования социалистического сознания и становления характера нового советского человека.

То же самое можно сказать о другой этапной грузинской пьесе этого же периода — «Хатидже» К. Каладзе (законче-

на в 1929 году, поставлена К. Марджанишвили в 1930-м), в которой показан крутой поворот к новой жизни в далеком уголке Аджарии, изображены острейшие конфликты, неизбежные во время этого поворота. Перестройка всех основ жизни в маленькой аджарской деревне, перестройка психологии членов семьи старого Гулбаата, стоявшего на страже древней патриархальщины, превращение его дочери Хатидже в свободного сознательного человека, заметные положительные сдвиги и в сознании ее братьев — все это следствие мощного вторжения новой советской действительности (в данном случае строительства электростанции) и облагораживающего значения свободного социалистического труда.

И хотя трагически, от руки своего отца, не примирившегося с тем, что дочь нарушила обычаи предков, погибает Хатидже, финал пьесы тем не менее звучит оптимистически. Электрический свет, который принесли с собой в эту деревню инженер Ленго и его товарищи, как бы символизирует новую жизнь, которой уже не смогут помешать темные силы прошлого. В этом отношении в пьесе «Хатидже» можно увидеть элементы той же «оптимистической трагедии», ставшей заметным и очень характерным явлением в советской драматургии.

В пьесе А. Афиногенова «Страх», поставленной в 1931 году Марджанишвили, также находит место разработка темы борьбы старого и нового, только в несколько ином аспекте, усложненном характерным для этого драматурга пафосом политико-философских споров и тенденций к психологизму. Психологическое мастерство драматурга особенно проявляется в разработке сложного образа профессора Бородина, в изображении того крайнего обострения противоречий в его сознании, которое доходит до кризиса и завершается политико-идеологическим прозрением старого ученого. Над этим образом, в котором дано интересное решение проблемы проникновения элементов нового в давно сложившийся духовный мир интеллигента, одновременно работали несколько выдающихся актеров страны: в Московском художественном академическом театре — Л. Леонидов, в Ленинградском государственном академическом театре драмы — И. Певцов, а в Грузии, в театре Марджанишвили — Ш. Гамбашидзе. И настолько драматически — психологический материал этого художественного образа был богат и многогранен, так сложна и непроста была его идейная эволюция, что все эти три актера имели возможность создать очень отличающиеся друг от друга характеры. Заслу-

га Ш. Гамбашидзе и Марджанишвили была в том, что они не пошли по более легкому пути резкого и грубого «обличения» заблуждений героя. Гамбашидзе подчеркивал в *Вородине* честность, искренность и принципиальность его во всем, в частности и в отношении науки, что делало особенно сложным процесс осознания им ошибочности своей позиции.

Характерно, что именно такие пьесы русских драматургов привлекали внимание грузинской театральной общественности, оценивались ею в основном в тех же аспектах, что и в русской критике. Недаром во время гастролей театра Марджанишвили в Москве Луначарский отмечал, что «Марджанов развернул не просто грузинский национальный театр, а революционный пролетарский, придав этому театру самые обостренные формы. Он ищет в художественной, русской и международной, драматургии вещи, которые отвечали бы современности, которые были бы созвучны нашей эпохе».¹

Если в конце 20-х и начале 30-х годов, в период «великого перелома», идейное содержание пьес определялось главным образом всем комплексом штурмовых событий, наступательной направленностью действий и настроений людей первой пятилетки, борьбой партии за темпы, за строительство социалистической индустрии, за коллективизацию в деревне, то с середины 30-х годов и к концу их в драматургии, так же как во всей советской литературе, начинает превалировать пафос победившего социализма, сознание мощи и незыблемости нового строя жизни, новых — самых благородных, подлинно человеческих отношений между людьми, новой морали и этики. Такие пьесы, как «Далекое» (1935) и «Машенька» (1940) А. Афиногенова, «Слава» (1935) В. Гусева, «Таня» (1939) А. Арбузова, «Свадьба колхозника» (1938) П. Какабадзе, «Поладаури» (1938) С. Шаншиашвили, «Повесть о них» В. Габескирия (поставлена в театре им. К. Марджанишвили в 1938 году) и многие другие, хотя и очень различны по стилю, содержанию, драматургическим приемам и т. д., но отличаются единым чувством советского патриотизма, радостного и гордого сознания величия достигнутого и верой в лучшее будущее. В то же время в них показана непримиримость борьбы советских людей против пережитков прошлого, против буржуазно-

---

¹ Котэ Марджанишвили. Творческое наследие. Письма. Воспоминания и статьи о К. А. Марджанишвили, Тбилиси, «Литература да хеловнеба», 1966, с. 253.

го влияния, звучат критические и самокритические нотки, призывающие к преодолению всего чуждого советскому образу жизни и мировоззрению, всего гнилого и отмирающего.

«Вижу этих молодых садовников, исполненных веры в свое дело, молодых новых людей с силой и размахом, смелых бойцов на всех фронтах новой, социалистической стройки жизни»,¹ — так говорил Ш. Дадиани в своем выступлении на Первом съезде советских писателей, как бы намечая план своих будущих произведений об этих людях, об истории того, как, в какой борьбе складывались характеры этих строителей нового общества.

Грузинский драматург как бы перекликается в своих творческих принципах с Алексеем Толстым, не устававшим в эти годы говорить о необходимости «в нашу эпоху» изображать «больших людей с большими чувствами», утверждавшим, что «одна из важнейших задач литературы — создать из живого материала эпохи тип нового человека, ведущий тип героя нашего времени», что «путь советской драматургии — познавать и утверждать внутреннее содержание социалистической революции — героический мир осуществляемых идей, мир психологической перестройки, борьбы и достижений. Мир вещей важен как новая база для нового человека, но человек в центре внимания...»²

О том же по сути говорил и Тициан Табидзе, призывавший писателей посвящать свои произведения советской действительности, великим делам прекрасных героических людей: «Выявить трепет новой жизни строящегося социализма и освобожденного труда — вот подвиг нового человека, основа оптимистической поэзии, и мы должны найти способ ее выявления»³. Вся грузинская литература этих лет — и поэзия, и проза, и драматургия — замечательное и наглядное «выявление» «подвига нового человека».

С историей духовного и идейного роста крестьянина в солдатской шинели — Шадрина из «Человека с ружьем» Н. Погодина, превращения его из «раба», из забитого, темного солдата царской армии в свободного человека, твердо осознавше-

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет, М., 1934, с. 515.

² А. Н. Толстой. ПСС, т. 13, с. 317, 353, 545.

³ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934, с. 516.

го подлинный великий смысл совершающихся событий, до конца понявшего свой революционный долг в деле борьбы за общенародное счастье, близко сопоставима история духовной эволюции одной из героинь пьесы Ш. Дадiani «Из искры» — Цабу, жены рабочего Элишуга, которая тоже из темной, забитой, политически неграмотной, ничего не понимающей в «большой» жизни деревенской женщины, рабыни семейного очага, превращается в гордого, мужественного, самоотверженно отдающего себя революционной борьбе человека.

«Человек с ружьем» Н. Погодина и «Из искры» Ш. Дадiani, эти две пьесы, являющиеся украшением не только национальной, русской и грузинской, но и всей советской драматургии, обращаются к решению очень сложной задачи непосредственного воплощения образа вождя пролетариата средствами драматургического и театрального искусства. В этом отношении к ним был близок и А. Толстой, задумавший как раз в это время (еще в 1936 году, в преддверии 20-летия Октябрьской революции) пьесу о Ленине — «Поход 14-ти держав», творческая история которой близко соприкасается с грузинской театральной и литературной жизнью¹.

Этот типологически общий для всех трех пьес момент — создание образа партийного руководителя, вождя, — органически отражал направление литературного процесса этого времени, когда сама советская действительность призывала художников раскрывать грандиозные свершения победившего социализма и наряду с типом нового человека создавать «тип большого человека»².

Общим для «Человека с ружьем» и «Из искры» является художественное слияние подлинных исторических событий с вымышленными, рожденными авторской фантазией, отличающимися в обоих произведениях особой типичностью и выразительно характеризующими как особую «интернациональную» атмосферу общего революционного подъема, так и совершенно разный в обоих случаях национальный колорит и стиль.

Изображение тесной связи между вождем, носителем передовой революционной теории, и пролетариатом, народной мас-

---

¹ Об этом см. нашу книгу «Ал. Толстой и культурно-литературная общественность Грузии», Тб., «Мецниерба», 1978.

² А. Толстой, Выступление на совещании писателей в Тбилиси, «Заря Востока», 1938, 12 июля, № 158.

сой, проникнутой стихийным революционным настроением, протестом против мира насилия и угнетения, — тоже типологически общее для этих двух пьес, — дало тот требуемый эффект, который привел обоих художников к победе в их произведениях подлинного историзма, в результате «Человек с ружьем» Н. Погодина и «Из искры» Ш. Дадиани явились подлинным достижением социалистического реализма в советской литературе.

Многие произведения как русской, так и грузинской советской драматургии конца 30-х годов связаны с нарастающей угрозой будущей войны, с антифашистскими настроениями.

А. Афиногенов, записавший в своем дневнике в это время: «Надо готовиться к смертным боям уже сейчас!», за очень короткий срок создает «романтическую драму» «Салют, Испания!». Так же как написанная в том же 1936 году героическая драма Г. Мдивани «Альказар», это произведение А. Афиногенова явилось актуальным писательским откликом на события в Испании.

Обе эти пьесы свидетельствуют о той всесторонней моральной поддержке, которую оказывал советский народ революционной Испании в ее мужественной борьбе против фашистской агрессии. Обе драмы пронизаны высоким чувством интернационализма, героическим и патриотическим пафосом самоотверженной борьбы за свободу, за освобождение родины от захватчиков.

Те же настроения патриотического подъема, рожденного, с одной стороны, любовной гордостью своим великим отечеством, укреплением социально-экономических основ советского общества, утверждением его морально-политического единства, и, с другой стороны, — трагическим ощущением близкой военной опасности, нависшей над этим свободным миром, и непреклонной готовностью в случае необходимости защищать его, — эти настроения вызвали оживленный интерес всей многонациональной советской литературы к героическим страницам далекого исторического прошлого. В эти годы бурно расцветает советская историческая проза, появляется немало романов на историко-революционную тему, а также на сюжеты из далекого исторического прошлого.

Драматургия, естественно, не остается в стороне от этого процесса. В частности, как русские, так и грузинские драматурги, помимо историко-революционных пьес о недавних героических событиях первой русской революции и Великого Ок-

тября, создают немало произведений на исторические, главным образом историко-героические темы из далекого прошлого. Писатели обращаются к старине, стараясь и там найти примеры мужества и самоотверженности, проявляемых их соотечественниками во имя свободы, во имя любви к родине, к своему народу.

Это и «историческая хроника» в стихах «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, и драма «Полководец Суворов» И. Вахтерова и А. Разумовского, и «Петр Первый» Ал. Толстого, и другие пьесы, а среди грузинских драматургических произведений интересны в этом отношении «Арсен» С. Шаншиашвили, «Шамиль» И. Вакели и три пьесы о Георгии Саакадзе, принадлежащие трем разным авторам — У. Чхеидзе, С. Шаншиашвили и И. Вакели.

Во всех этих русских и грузинских пьесах, несмотря на отличия их друг от друга и в сюжетно-содержательном, и в эпохальном, и в национальном, и в жанрово-стилистическом отношениях, — типологически общим и характерным является главный идейно-тематический стержень: в них воскрешаются славные страницы исторического прошлого, героическая борьба за честь и независимость родины от иноземных захватчиков или за освобождение народа от социальной эксплуатации и угнетения как инациональными, так и «своими» господами. Рисуя образы замечательных героев прошлого, революционных вождей, а также великих полководцев и мудрых государственных деятелей, подчеркивая беззаветную отвагу и мужество рядовых представителей народа, воинов и крестьян, проявленные ими в грозный и трудный период жизни отечества, эти произведения играли большую роль в деле патриотического воспитания. В драматической поэме «Арсен» (1935) С. Шаншиашвили композиционным центром происходящего являются народные массы, их движение, их настроения и идеалы. Действия ее героя — Арсена, как и в романе М. Джавахишвили «Арсен из Марабды», направлены не только против помещиков-эксплуататоров, но и против всей системы крепостничества, а также против правительственной машины царского режима, против ее армии.

Пьесу эту тоже можно отнести к числу советских «оптимистических трагедий». Герой ее, Арсен, погибает, что является как бы символом исторически обусловленного положения вещей в ту эпоху, когда восставшие крестьяне еще не могли победить. Однако вся идейная направленность пьесы, логика

художественного построения ее образов и ситуаций, весь ее романтически возвышенный пафос подводят к закономерному выводу о прогрессивности общего развития истории, о том, что правое дело, за которое боролся Арсен, в итоге одержит победу.

Трагедия И. Вакели «Шамиль» носила историко-патриотический характер и была высоко оценена современной критикой, которая назвала ее «замечательным достижением грузинской советской драматургии» и «одним из высокохудожественных произведений, созданных за последние годы, с точки зрения как драматургической, так и языковой культуры, а также с точки зрения раскрытия исторической действительности»¹.

В этой пьесе И. Вакели сумел в традициях лучших советских исторических произведений слить в единое художественное целое исторический материал с образами и событиями, рожденными его фантазией.

Прекрасным примером такого органического слияния в единое художественное целое документальной точности с авторской выдумкой являются роман А. Толстого «Петр Первый» и его пьеса под тем же названием. Причем первый вариант ее — трагедия «На дыбе», поставленная под названием «Петр Первый» во МХАТе-2, — носил еще отпечаток субъективистски - идеалистического подхода автора к истории, в нем личность Петра трактуется вне подлинного историзма. Это объясняется веяниями времени — недостатками, характерными для общего состояния советской исторической науки в начале 20-х годов, когда писалась пьеса «На дыбе».

В первых вариантах пьесы С. Шаншиашвили «Георгий Саакадзе», которые назывались «Некоронованные цари»², грузинский драматург также не смог преодолеть некоторой идеологической нечеткости в подходе к тем же вопросам истории и государства, роли личности в истории и т. д. Но уже в третьем варианте пьесы, написанном в 30-е годы, С. Шаншиашвили добился правильного, реалистически полного и верного художественного решения этих проблем и нарисовал живой и убе-

¹ Газета «Коммунисти», 1935, 30 декабря (на грузинском языке).

² Первый вариант — в 1912-13 годах, второй — в 1927 году, третий — в 1938-39 годах под названием «Георгий Саакадзе». Через 20 лет был создан и четвертый вариант этой пьесы, названный автором вновь «Некоронованные цари».

дательный образ большого грузинского патриота и полководца Георгия Саакадзе. Так же и А. Толстой во втором (1934) и особенно третьем (1938) вариантах пьесы «Петр Первый», устраняя все элементы мистики, имевшие место в первом варианте, освобождал образ Петра от всего, что делало его фигурой мрачной, обреченной на одиночество и непонимание.

«Вживаясь в современность», «овладевая марксистским познанием истории», А. Толстой, С. Шаншиашвили, другие грузинские и русские авторы исторических пьес и иных произведений исторического жанра стали открывать в историческом прошлом «нетронутые богатства. Под наложенной сеткой марксистского анализа история ожила во всем живом многообразии, во всей диалектической закономерности классовой борьбы»¹. И — стала «сотрудничать» с современностью, помогать новому советскому человеку в его справедливой борьбе за всеобщее счастье.

---

¹ А. Толстой. ПСС, т. 13, с. 324.

ИЗВЕСТНЫЙ в нашей стране физиолог, ученик академика Ивана Соломоновича Бериташвили, Куджи Дзидзишвили заканчивает монографию о своем учителе «Основоположник грузинской физиологии» следующими словами: «Не переродится народ, который будет дарить личности, подобные Иванэ Бериташвили — с их кристальной честностью и искренностью, прямотой и непосредственностью, принципиальностью и непримиримостью к тем, для кого наука лишь путь к личному благосостоянию и житейскому комфорту. Неутомимый, вечный труженик, человек негибамой воли, он достоин того, чтобы из поколения в поколение передавалась быль-легенда о его жизни, без остатка отданной науке и добрым делам во имя родного народа и всего человечества. Человек этот — Иванэ Бериташвили». Прекрасная характеристика Ивана Соломоновича Бериташвили! Возможно, эти короткие воспоминания немного добавят к его портрету, но, отдавая долг светлой памяти этого выдающегося человека, хочется вспомнить несколько эпизодов из его жизни.

...В Академии наук СССР шла подготовка к выборам

-
- ДОКУМЕНТЫ
  - ПИСЬМА
  - ВОСПОМИНАНИЯ
-

Серги ДУРМИШИДЗЕ.

ПАТРИАРХ

●

К 100-ЛЕТИЮ
Иванэ БЕРИТАШВИЛИ

●

академика-секретаря — место это было вакантным. Предвыборные волнения и страсти охватили все научные круги. В кулуарах обсуждались все возможные кандидатуры. Ходили толки, что академиком-секретарем должен быть представитель биологической науки.

Наконец кандидат назван: Нораир Мартиросович Сисакян. Многие присутствовавшие в зале вздохнули с облегчением — если в жизни и существует золотая середина, то в данном случае это была именно она. Талантливый и опытный ученый, прекрасный организатор, Н. Сисакян мог осуществлять сотрудничество с обоими лагерями в биологической науке.

Президент А. Н. Несмеянов прекрасно охарактеризовал будущего академика-секретаря. Затаив дыхание, зал ждал следующих выступлений, но желающих высказаться не нашлось. И когда уже должны были приступить к голосованию, вдруг поднялся с места Иван Соломонович Бериташвили. Он степенно обратился к присутствующим:

— Я уважаю Нораира Мартиросовича Сисакяна и ничего не имею против его личности как ученого. Но неужели такая огромная армия ученых не в состоянии быть настолько принципиальной, чтобы назвать такого ученого, который не станет разделять необоснованные течения, будет смело бороться за правду, невзирая на то, кто выступит против этой правды, большой или маленький ученый. Я считаю, что замечательным академиком-секретарем будет академик Андрей Львович Курсанов. К тому же, поскольку он здесь самый высокий — ему сверху все прекрасно видно, — пошутил он.

Иван Соломонович ненадолго замолчал, строго оглядел президиум и закончил:

— Я вижу, мои слова не пришлись вам по душе. Ну что ж, тем хуже для вас.

Академиком-секретарем избрали Н. Сисакяна. На этом посту он проработал до своей кончины. Он часто говорил:

— Иван Соломонович тем своим выступлением нацелил и подчинил всю мою последующую жизнь и деятельность тем основным принципам, о которых он говорил. Я считаю это своим святым долгом. Истинный ученый действительно должен быть таким же объективным и принципиальным, как Иван Соломонович.

И. Бериташвили и академик-секретарь Нораир Сисакян всегда относились друг к другу с большим уважением и были связаны добрыми деловыми взаимоотношениями.

На общем собрании Академии наук СССР рассматривался как-то отчет о работе за прошедший год. Все академические учреждения, все ученые представили, так сказать, плоды своего труда. Участники годовичного собрания были удивлены щедрой осенью академика Бериташвили. Еще бы — ученый перешагнул уже свое 80-летие, и вдруг столько научных трудов, такие монографии — и все лишь за один год! Некоторые из присутствующих ученых, не удержавшись, вслух высказали свое удивление. А кто-то из академиков пошутил:

— Попросим президента, чтобы впредь устанавливали возраст авторов согласно написанным монографиям. Тогда здесь самым молодым окажется Иван Соломонович.

После годовичного собрания союзной академии, когда мы вернулись в Тбилиси и Иван Соломонович Бериташвили пожаловал в президиум нашей академии, мы вновь вернулись к разговору о порядке оформления научных трудов и написании монографий. Нам хотелось узнать об особенностях организации им своей умственной работы. Академик Бериташвили так сформулировал свои взгляды:

— Основными факторами моей работы для меня всегда были и считаю их необходимыми — ежедневное чтение, работу над рукописями и непрерывный эксперимент. Обычно, когда я пишу статью или книгу, передо мной всегда несколько крупных ученых-физиологов мира, и то, что я пишу, я как бы адресурую им, с учетом их уровня знаний, их вкусов и их научных направлений. Конечно, работа над разными трудами носит различный характер, а это еще продиктовано и тем, что один ученый идет вперед, другой топчется на месте, постепенно появляются новые имена, новые проблемы. Что касается того, где печатать статьи, в каком печатном органе им быть опубликованными, то вряд ли вы разделяете мое отношение к этому делу. Для меня, право, все равно, никакого принципиального значения не имеет, в каком периодическом журнале или же в каком издательстве будет напечатан мой труд. Мне только непременно нужно получить сто или двести хорошо оформленных экземпляров. Оттиски я сам рассылаю известным ученым, работающим в разных уголках мира и близким к деятельности наших ученых, школ и групп. Такой порядок значительно ускоряет поступление информации в нужные научные центры. Ведь сейчас научные исследования без этого невозможны.

Своему принципу работы маститый ученый остался верен до конца своей жизни. И девятый его десяток был такой же

плодотворный, как и предшествовавшие десятилетия. За одиннадцать дней до кончины я получил его монографию на русском языке «Память позвоночных, ее характеристика и происхождение» с дарственной надписью: «Многоуважаемому Серго Дурмишидзе преподношу мой новый труд. Акад. И. Бериташвили. 18/XII 1974».

***

Однажды И. Бериташвили явился в президиум нашей академии, как мне показалось, удрученный и несколько взволнованный. Вошел в мою рабочую комнату, сел в кресло, оперся обеими руками на свою трость и начал:

— Недавно меня пригласили к себе гурджаанцы. Со мной были и другие лица, многие из них известные деятели нашей страны. Встреча прошла очень хорошо. О многом говорили, вспоминали. Я тоже вспомнил свое детство, рассказал о событиях моей юности. Родом-то я из Веджини. Я вспомнил и революционное время, когда я распространял прокламации против царского правительства, и как один гурджаанский крестьянин спас меня от полицейского, который хотел меня избить. Да и о многом другом вспоминалось в тот день. Все было очень приятно, и из Гурджаани я возвратился в хорошем настроении.

И вот неделю назад приходит ко мне один молодой человек из Гурджаани и заявляет:

— Дедушка Иванэ, я внук того человека, благодаря которому в дни вашей молодости вас не избili в полиции. Помогите мне стать студентом сельскохозяйственного института. Вот уже третий год сдаю я вступительные экзамены, но никак не наберу нужного балла.

Потом Иван Соломонович сказал:

— Серго, ты же там преподаешь. Узнай, в чем дело, и помоги тому парню. Он на днях сам придет к тебе.

В то время я уже не работал в сельскохозяйственном институте, но как я мог сослаться на это! Он заметил, что я задумался, но продолжил разговор:

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Но что делать, ведь он трижды выходил на экзамены. Видно, что парень действительно хочет стать специалистом. Из суммы экзаменационных оценок проглядывает настойчивое желание учиться. Если можешь помочь человеку, зачем же отказывать.

Не вспомни я старую историю, этот парень ведь не нашел бы меня. А вообще, когда я оказался в моей деревне, среди моих соседей, когда встретился со старыми знакомыми, друзь-

ями детства, и прошлое прошло перед моими глазами, я не устоял перед желанием вспомнить обо всем вслух, — как бы оправдывался И. Бериташвили.

Молодой гурджаанец оказался серьезным парнем. После соответствующих консультаций и двух месяцев упорных занятий он хорошо сдал вступительные экзамены.

Впоследствии Иван Соломонович всегда с радостной улыбкой вспоминал этот случай — не подвел его земляк.

* * *

Академик первого же состава Академии наук Грузии Иван Соломонович, как бессменный член президиума, всегда приходил на заседания в назначенное время, иногда даже являлся раньше и записывался вместе с Николаем Ивановичем Мухелишвили. Если же президента неожиданно вызывали по какому-нибудь делу, И. Бериташвили, как правило, заходил в мою рабочую комнату и здесь ожидал Николая Ивановича.

Однажды ученый появился раньше обычного и, оставив у меня свой летний плащ, зашел к Н. Мухелишвили. Примерно через час он вновь зашел ко мне, глубоко задумавшись. Когда он оделся и уже выходил из кабинета, я заметил, что он надел мое пальто. Я осмелился почтительно заметить:

— Иван Соломонович, на вас мой плащ, а ваш — вот он, здесь, — и я показал ему. Он остановился, сначала глянул на плащ, а потом стал рассматривать меня.

— Интересно, не произошло ли что-то в академии, что ты так расшутился, — сказал он и вышел.

Что было делать, я чувствовал себя неловко — ведь было же очевидно, что на нем не его плащ. В это время ко мне зашел Н. Мухелишвили. Он выслушал меня и успокоил:

— Не расстраивайся, домой он поедет в машине, а там Ольга Антоновна сразу все заметит. Ты же отправь его плащ следом за ним на машине к нему домой.

Не успел я еще позвонить, чтоб вызвать машину, как в дверях показался смеющийся Иван Соломонович.

— Оказывается, ты прав. Когда я спустился на первый этаж, гардеробщица мне сказала: Иван Соломонович, на вас чужой плащ.

Николай Иванович засмеялся и спросил его:

— Иван Соломонович, почему наш академик-секретарь пользуется у тебя меньшим авторитетом, чем гардеробщица?

— Николай Иванович, ведь известно же, что каждый че-

ловек имеет, так сказать, свою зону авторитета. Ну что Дурмишидзе понимает в одежде? Гардеробщица в этом вопросе и академик-секретарь, и президент!

0419359240
30230101033

* * *

Иван Соломонович Бериташвили более 30 лет был членом президиума Академии наук Грузии и всегда активно участвовал в его работе. Особую активность он проявлял тогда, когда обсуждение касалось проблем биологии и медицины.

Однажды на заседании президиума было принято решение построить для Института физики атомный реактор. Строительство этого объекта намечалось в Мцхетском районе. Директор Института физики Элефтер Луарсабович Андроникашвили предложил для строительства местность Мухаттверди и просил президиум выделить комиссию, чтобы изучить площадку и одобрить выбор. В Мухаттверди поехали Иван Бериташвили, Георгий Дзоценидзе, Элефтер Андроникашвили, ученый секретарь президиума Давид Пурцеладзе, начальник строительной части академии Георгий Джандиери и автор этих строк.

Члены комиссии единодушно согласились на том, что участок отвечает всем требованиям, необходимым для строительства реактора. На обратном пути мы заглянули в закусокную на берегу Куры. Пребывание на лоне природы и, как говорится, закладка первого камня в перспективное дело привели всех в хорошее настроение. Тамадой мы единогласно избрали Ивана Соломоновича. Патриарх физиологии оказался на высоте и в этой роли. Он прекрасно возглавил застолье, с блеском «вел» стол, хотя с отличным вином «мукузани» он был лишь в символических взаимоотношениях — изредка только пригублял стакан. Он рассказывал такие интересные истории, что нам не хотелось расходиться.

На другое утро Николай Иванович Мухелишвили вызвал меня к себе и строго, с беспокойством спросил:

— Что произошло вчера, где вы были? Иван Соломонович ночью заболел.

Можно представить, как я разволновался, узнав об этом. А затем, когда все начали упрекать меня, не скупясь на наставления — как можно было куда-то завести Ивана Соломоновича, да еще выбрать тамадой? Неужели среди вас не нашлось ни одного умного? Ведь какая для него нагрузка! — я почувствовал себя вконец виноватым и не находил себе места.

Утром третьего дня у меня дома раздался телефонный зво-

нок. Я неохотно снял трубку в ожидании выслушать очередную порцию нареканий, да и страшно узнать что-либо новое о плохом самочувствии престарелого ученого. В трубке зазвучал голос Ивана Соломоновича:

— Дурмишидзе, как ты себя чувствуешь? Честно скажи: я ведь был хорошим тамадой? Наша поездка во Мцхета была чудесной, я остался очень доволен. Не слушай никого, кто будет тебя ругать, что ты выбрал меня тамадой. Ответь, что в Грузии исстари быть тамадой — почетно, это дело не всякому можно доверить, от тамады всегда требуется светлая мысль и разум. И грузинское застолье никогда не было лишь местом для гульбы и пьянства. Да, и вот еще что: хорошенько продумай, куда мы пойдем в следующей раз...

И Иван Соломонович от души рассмеялся в телефонную трубку.

* * *

Юношеский задор, интерес ко всему и любознательность, способность мечтать, энергия и светлый ум у Ивана Соломоновича были неиссякаемы до последних минут жизни. За два месяца до его кончины мы с президентом Академии наук Ильей Несторовичем Векуа навестили его дома. Мы еще не успели поздороваться, как Иван Соломонович начал разговор о будущем директоре Института физиологии: срок полномочий директора истек, и нужно было провести новые выборы. Иван Соломонович с присущей ему прямоотой давал характеристики каждому возможному кандидату на этот пост. Нам с трудом удалось убедить его, что мы пришли к нему совсем не по этому поводу. Понятно, что его больше всего занимал этот вопрос — ведь дело касалось судьбы основанного им и под его руководством превратившегося в крупный научный центр института. По его же словам — ошибка в этом деле, пусть и самая малая, может дорого обойтись по крайней мере трем поколениям ученых.

Когда Иван Соломонович убедился в том, что мы даже и не думали утверждать того, кого он не хотел, тогда он спросил, как мы поживаем и как мы придумали такую форму наведения дисциплины, что ученым не остается времени для работы. Илья Несторович, как всегда, был на высоте и быстро нашелся:

— Мы сейчас вышли на новый этап установления дисциплины: от научных сотрудников больше не требуем никакой работы, обязательно только получать заработную плату...

Разговор вошел в обычную колею. Супруга академика Ольга Антоновна пригласила нас к столу. Нас интересовал режим дня Ивана Соломоновича, и мы засыпали его вопросами.

— Я живу по правилам, установленным Ольгой Антоновной, лучше спросите ее. Я не знаю, какими научными положениями она руководствуется, — ответил нам Иван Соломонович, а когда мы продолжали наступать, он все-таки поделился с нами:

— В питании главное — это умеренность: ешьте все, только понемногу. Главный враг человека — переедание; лучший друг — голод. Серго, если ты столько думаешь о здоровье, почему ходишь такой сторбленный? Не нравится мне и как ты сидишь. Если ты сейчас такой, то на что ты будешь похож, когда доживешь до моих лет? Посмотри, вот Илья — как тополь, таким и надо быть. Я иногда приклеюсь к стене и так отдыхаю. Если ты за мной наблюдал, то я время от времени делаю это и сидя на заседаниях. Впрочем, зачем я все это объясняю тебе, что вы, биохимики, поймете, вы же уставитесь в одну какую-то клетку и ничего за ее пределами не видите, — шутливо закончил свое наставление Иван Соломонович.

В коридоре была шведская стенка. Заметив, что я ее осматриваю, он пояснил:

— Великолепная вещь, лучшего тренажера для упражнений нет даже в природе у обезьян.

Илья Несторович перевел беседу на будущее здание Института физиологии — этот вопрос всегда волновал Ивана Соломоновича. Постепенно они перешли в разговор на деятельность президиума Академии наук СССР. Перед уходом я снова вернулся к разговору о режиме, который очень занимал меня:

— Какого вы мнения — полезен ли послеобеденный сон?

— Наверное, полезен, — отвечал Иван Соломонович, — если бы было не так, то животные не спали бы после приема пищи. И вообще помните: если не найдете ответа на свои вопросы, понаблюдайте за поведением животных, от них многому можно научиться. Мы, физиологи, достаточно многим им обязаны. Хотя что ты поймешь — ты же неисправимый растениевод, — снова с улыбкой задел меня Иван Соломонович.

Когда мы вернулись в академию, президент отметил:

— Он прекрасно себя чувствует. Несомненно, Ивану Соломоновичу суждено еще много лет жить полнокровной жизнью!

Перевод Роберта ЗЛАТКИНА

РАДУГА

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Л. ЛЕОНОВ

В 1934 году в «Известиях» были напечатаны два стихотворения Тициана: «Не я пишу стихи» и «Иду со стороны черкесской».

В это время мы находились в Москве.

Помню, Тициан пошел в Союз писателей и вернулся очень радостный, довольный: узнал, что его стихи в переводе Пастернака напечатаны. А потом рассказал еще, что когда он поднимался по лестнице, навстречу ему спускался Леонид Леонов. Он, видимо, очень спешил, но все же остановился, крепко обнял Тициана и сказал:

— Как замечательно, что «Известия» опубликовали ваши стихи. И какие стихи! На душе стало от них светлее.

Леонов, когда я его впервые увидела, напомнил мне Сергея Есенина: молодой, красивый. Вскоре после нашего знакомства Леонов с супругой — Татьяной Михайловной, дочерью знаменитого издателя Шабашникова — пригласил нас к себе. Татьяна Михайловна, очень милая женщина с очаровательными двумя дочерьми, и Леонид Максимович приняли нас как близких, давно знакомых друзей.

Между прочим, Леонид Максимович показал нам толстую тетрадь с записями разных людей о русской бане и попросил Тициана написать свое мнение. В связи с этим рассказал, что как-то на улице Герцена он дожидался троллейбуса. Там же стоял какой-то мужчина, показавшийся ему знакомым банщиком. Леонид Максимович подошел к нему и спросил:

— Скажите, пожалуйста, почему вы не приходите в баню, вы что, болеете?

Незнакомец, которого Леонов принял за банщика, с нескрываемым удивлением посмотрел на него. После взаимных расспросов и непродолжительной беседы выяснилось, что человек, принятый за банщика, не кто иной как писатель Новиков-Прибой. После столь неожиданного знакомства между ними установились теплые, дружеские отношения, а в тетради появилась новая запись о бане — Новикова-Прибоя.

Во время нашего пребывания в Москве «Книжная лавка писателей» устраивала банкет. Леонов от имени организаторов этого банкета пригласил и нас. На банкете присутствовали все выдающиеся писатели Москвы. По окончании раздавали подарки: редкие старинные книги.

Летом 1935 года Леонид Максимович и писатель Бруно Ясенский с женами приехали в Грузию.

Бруно Ясенский, тогда уже автор всем известных романов; был высокого роста, голубоглазый, очень подтянутый. Он говорил спокойно, неторопливо.

Как-то вечером они зашли к нам.

Тициан с увлечением рассказывал гостям о Кахети, куда они собирались ехать, о Цинандали, Кварели, Спустя несколько дней гости поехали в Цинандали на все лето. К ним вскоре присоединились и Николай Семенович Тихонов с женой. Гостям из России создали все условия для отдыха. Природа Кахети их очаровала. Они ездили в Телави, а 27 сентября поехали с ночевкой в монастырь Алаверды. Их сопровождал писатель Сандро Шаншиашвили с женой. На русских гостей традиционный праздник Алавердоба произвел огромное впечатление: костры и факелы возле ночных стен монастыря, множество людей, вино, которое пили из больших рогов, — все эти картины врезались в память.

На обратном пути в Москву Леонов с женой задержались в Тбилиси. Мы пошли обедать в ресторан. Сидя за столом, Леонид Максимович стал вдруг пристально вглядываться в сидевшего неподалеку от нас посетителя, наблюдать за ним. На мой недоуменный вопрос он ответил, что «этот тип» ему очень нравится и он с удовольствием сделал бы из него героя произведения. Я знаю, что у Леонида Максимовича есть еще не опубликованные рассказы о Тбилиси, которые, я надеюсь, в недалеком будущем появятся в печати.

После смерти Тициана у меня с семьей Леоновых со-

хранились те же теплые отношения, что и при Тициане. Во время моих поездок в Москву я люблю заходить к ним. Мне нравится, когда Леонид Максимович, влюбленный в свой небольшой садик, водит меня по нему и с увлечением рассказывает историю каждого посаженного им цветка. Я вспоминаю, как в первый год нашего знакомства в Тбилиси он был влюблен в кактусы. Мы возили его тогда во Мцхета к садовнику Мамулашвили, где ему очень понравился один из видов кактуса. О нем он написал однажды в письме ко мне, попросив купить его у замечательного садовника.

Вот оно — это письмо:

«Дорогие Нина Александровна и Тициан!

Письмо это, обещанное месяц назад, писалось только теперь... Надо сказать, что я не особенно заметил, как прошло это время. Мне кажется, что я вернулся из Грузии только вчера, и первая моя обязанность — отблагодарить милых Табидзе за исключительное отношение к чете Леоновых. Я это и делаю сейчас, мысленно обнимаю Вас обоих. Не сердитесь на меня за молчание, в периоды работы я обычно совсем выключаюсь из жизни... Сейчас я ездил за город, смотрел, как выглядит снег. Выглядит он хорошо. И мне все стало нравиться, и я вспомнил старые связи свои.

Между прочим — Вы, кажется, собирались побывать в Москве. Что заставило Вас отказаться от этого мудрого плана? Было бы отлично встретиться нам здесь и посидеть и обняться за бутылкой вина?! Решайте это дело поскорее, а? Теперь идет страшный секрет к Нине Александровне. Тициан, заткни уши и отвернись. Очень прошу ее при случае побывать у того садовника, где мы были вместе (в Тифлисе). Я не помню его фамилии. У него полон сад... Я хотел бы купить у него кое-что. Чертежи того, что мне хотелось бы иметь, — прилагаю. Узнайте, пожалуйста, цену, и если только он не запросит с меня миллион, сговоритесь с ним, как он может послать их мне. Хорошо бы получить их скорее, а цену не откажите сообщить хотя бы открыткой. Так мне хочется их иметь, что я даже допускаю бестактность просить Вас посетить сего волшебного садовода...

Не ругайте меня за плохой стиль. Я, видимо, сегодня не в ударе.

Крепко жму руку Вам обоим.

Ваш Леонид Леснов.

22 января 1935.

Москва».

Узнав о желании русского писателя, Мамулашвили по-
слал кактус ему в подарок.

После кактусов Леонид Максимович стал увлекаться ор-
хидеями. Он любовно выращивал каждый цветок, заботливо
подкапывал его, поливал. Сейчас его садик напоминает сад
Мамулашвили, с тою лишь разницей, что в нем устроен ми-
ниатюрный пруд с фонтаном и небольшим гротом, возле ко-
торого стоит скамейка.

Леонид Максимович любил отдыхать после своей трудной
творческой работы именно здесь, на скамейке, в садике, соз-
данном собственными руками.

Н. ТИХОНОВ

В бригаду Оргкомитета, приехавшую перед I съездом
советских писателей в Грузию, входил и Николай Семенович
Тихонов.

Каждому, кто с ним впервые знакомился, надолго запо-
минались его маленькие, синие-синие, напоминающие финские
озера, глаза, очень живые и веселые. Поражал его необычай-
ный оптимизм. Очень часто, рассказывая что-либо, он начи-
нал смеяться и всех заражал своим смехом; слушали его обыч-
но запоем. В душевном смехе Тихонова — он весь, с его
любящим сердцем и ясной душой, с его прекрасной поэзией.

В 1934 году Тихонов приехал на Кавказ не впервые. Он
бывал на Кавказе и раньше. Он обошел всю Сванети, из Да-
гестана перешел в Кахети, и уже тогда горячо полюбил Гру-
зию.

Приезжая в Тбилиси, Николай Семенович любил бывать
у своих друзей, встречавших его с распростертыми объятиями,
посещал театры, музеи, знакомился с окрестностями Тбилиси.

Однажды он приехал вместе с женой Марией Констан-
тиновной отдыхать в Цинандали.

Там уже отдыхали Леонид Леонов и Бруно Ясенский с
женами. Провожали Тихонова многие его друзья — грузин-
ские поэты и их жены. Ехали по гомборской дороге. В Гом-
борах, где мы остановились, Николай Семенович долго сто-
ял как зачарованный, наблюдая изумительную картину за-
ката солнца.

В Цинандали Тихоновых устроили в том же доме, где
отдыхали Леонид Леонов и Бруно Ясенский.

Мы с Тицианом, да и другие наши поэты, часто навещали друзей.

Встречи проходили в старинном парке, где гуляли Григорий Боедов и Нина Чавчавадзе и где, предполагают, Александр Чавчавадзе принимал Лермонтова.

Вместе с поэтом Сандро Шаншиашвили и его супругой Тихоновы побывали в Алавердском монастыре на празднике Алавердоба. Впечатление, оставшееся от этого фантастического вечера, Тихонов замечательно передал в своем стихотворении «Ночной праздник Алаверды».

Тихоновы побывали в селении Джугаани — в гостях у Сандро Шаншиашвили. Очарованный гостеприимной хозяйкой Марией Иосифовной Шаншиашвили, супругой поэта, Тихонов посвятил ей свои «Стихи о Кахетии».

Поэта покорила красота Кахети, когда он, проезжая Сигнахи, увидел с высоты Алазанскую долину. Приехав в Тбилиси, он восторженно рассказывал об этом, и я невольно вспомнила переводчика Лозинского, который так же влюбленно смотрел с Сигнахи на долину реки Алазань.

Спустя несколько дней мы провожали Тихоновых в Москву.

С тех пор Николай Семенович как бы вошел в жизнь Грузии, усвоив ее ритм, темп, пульс. Он участвует во многих начинаниях, в праздниках и юбилеях, делит с грузинским народом его радость и горе. Вдохновенное слово о Грузии он произнес на вечере Тициана в Ленинграде в 1937 году:

«Есть страны, которые по отношению к другим странам играют особую роль. Они играют эту роль даже не политически, не экономически, — но какой-то перекличкой души, сердечного волнения. Одной из таких стран в Европе является, по-моему, Италия. Для русского поэта нашей Италией несомненно стала Грузия.

Как это получилось?

Трудно на этот вопрос здесь ответить, потому что еще Толстой сказал, что сколько людей, столько и ощущений. Но дело в том, что средоточие всего, что определяет страну в ее внутренней сущности, привлекало, может быть, даже независимо от биографий поэтов... Скажем, Пушкин: нельзя сказать, что он заехал в Грузию просто так; Лермонтов заехал в Грузию просто так; Марлинский заехал в Грузию просто так. Но все они, попадая туда, должны были пройти через грузинское ощущение того, что осталось до наших дней в истории этого взаимоотношения сердец... Все эти поэты, по-

разному принимавшие страну, по-разному в смысле возможностей и ощущений, сходятся в понимании значения лирической силы этой страны. Это можно пояснить цитатой из другого поэта, который жил пять лет в этой стране, молодость свою провел здесь, и воспринял ее глубоко, на всю жизнь. Это — Полонский. Когда Полонский слушал народного певца в Тифлисе, его охватывало ощущение особой силы.

Не знаю, что поешь, я слов не понимаю,
Я с детства к музыке привык совсем иной,
Но ты поешь всю ночь на кровле земляной,
И весь Тифлис молчит, и я тебе внимаю...

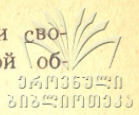
Даже не понимая звуков этой речи, он понимает то, что скрыто за этим. — ту несущую силу стиха, в которую вошла вся несущая сила страны. В этом — ощущение Грузии, и оно проходило тематически через все формы русской поэзии, пока не родился в Грузии поэт, который, может быть, в одну из самых глубоких минут раздумья пожалел о том, что он не воспел эту страну.

Это был Маяковский, который написал, что он жалеет, что не воспел багдадские небеса... Под «багдадскими небесами» нужно понимать не только узкое это место, но — небеса Грузии, которые обрамляют эту неожиданную и необходимую нам душу страны...

Бенедикт Лившиц попал в Грузию. Этот человек, может быть, окажется первым русским поэтом, который переводит с грузинского, понимая по-грузински. Я думаю, что не ошибусь, сказав так, а это включает в себе совсем не такой малый смысл.

Мы, много отдавшие этой стране, работе над поэтами Грузии, мы все-таки не имеем основного, того, чтобы все очарование, вся прелесть языка, все замечательное звучание поэзии грузинской нам открылось. Очень много потрачено на отгадку этого, а между тем наступает период, когда нужна уже не отгадка, а знания. В такой период знания мы сейчас вступаем, и отрадно, что Ленинград первый основал секцию изучения грузинской литературы и грузинского языка. Дело не в том, что мы забежали вперед и взяли эстафету. Это та необходимость, которая завтра же поведет в таком же направлении к остальным литературам Советского Союза, потому что мы чувствуем, что наша обязанность сейчас родить нашу культуру именно таким образом, не жалея наших возможностей в этом плане. Я могу пересчитать: Спасский,

Брик — они очень много сделали для грузинской поэзии своим постоянством, сделали грузинскую поэзию постоянной частью, которой они себя посвятили.

Я сам испытал на себе это особое состояние. Я остановлюсь здесь немножко подробнее, потому что нельзя говорить о грузинской поэзии и нельзя понимать ее, если вы не знаете Грузии совершенно. Это замечательная страна. Она раскрывается человеку так поэтически, как действительно раскрывается в стихах образ. Когда я говорил однажды с одним старым путешественником, одним из замечательных исследователей Средней Азии и Центральной Азии, сейчас умершим, Козловым... у него, как у орла, открывались глаза, когда он рассказывал о своих путешествиях, которые он начал еще с Пржевальским. Он говорил о вершинах, на которых человек должен хотя бы раз в своей жизни постоять; он называл один перевал, ведущий из Монголии в Тибет, он говорил: «Весь Тибет под вашими ногами, это такая картина, которую нужно хоть раз в жизни видеть».

Я понимаю экстаз этого человека. Я понимаю этот экстаз и уверяю вас, что если вы будете стоять на Гомборском перевале, на спуске Глория или на Латбарском перевале — с них вы увидите такие невероятные создания природы, которые перевернут вам душу на всю жизнь.

Я знал человека, который не имел времени для того, чтобы ездить в большие путешествия, но он добирался до Латбарского перевала, стоял там два часа и ехал обратно в Москву. Больше времени у него не было, и ему этого хватало. Я скажу: вам тоже хватит.

Когда я видел Латбарский перевал, я видел башни Ушгула, обожженные, черные башни Ушгула, я видел, что это страна, которая вышла на верную дорогу и сейчас, при Советской власти, перестала быть той страной, о которой многочисленные иностранцы говорили, что она нравится им потому, что люди не знают соли, — соли нет. Когда знаменитые путешественники приезжали туда, они видели, как сваны с ужасом глядели, как они солят суп, не жалея соли.

Это особое состояние: Сванетия с ее башнями.

Другая вещь, когда я был с лезгинами, осетинами, вековыми врагами грузин, когда я смотрел с гор, с круч, когда под нами лежала Кахетия и самолет прошел под нашими ногами, — это я описал в одном своем стихотворении:

Я, как лезгин, смотрел с заветной кручи
На Алазани белый ремешок,
И подо мной раскачивались тучи,
Сквозь эти тучи самолет прошел.
Следили горцы за гуденья силой,
Как птицы за полетом стрекозы,
И предков кровь, что лица заострила,
На мир смотреть учила сверху вниз...

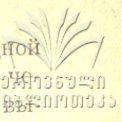

Я видел горцев, и я вдруг почувствовал, как их деды тоже смотрели вниз и рассчитывали, сколько часов нужно для того, чтобы ограбить Цинандали, Сигнахи, туда ринуться, схватить добычу из этих богатых долин — коршуном спуститься вниз — и унести в свои аулы то, что попадет под руку. Сейчас у этих людей другие глаза. Они спускаются вниз и сидят рядом с кахетинцами, и им в голову не придет то, что было тогда.

Когда вы идете по Мингрелии, спускаясь с гор, вы видите пышную роскошь этой страны. Когда вы приходите на родину Тициана Табидзе, на орпирские пространства, когда вы видите снежные вершины и Зестафонский ферромарганцевый завод, который имеет невиданные, необыкновенные, ни на одном заводе в мире не существующие фрески, потому что они нарисованы не на стенах: там нет окон — вместо них громадные провалы, и через них вы видите пейзаж горного хребта, пейзаж Грузии — прекрасный, совершенно изумительный.

Грузинские поэты не могли бы существовать, если бы слово «поэзия», если бы ощущение — то, что мы называем поэтическим ощущением и смыслом его, не жили бы в природе страны и в душе этого народа.

Да, мы думаем, что мы знаем, что такое грузинский тамада, но на самом деле мы этого не знаем, чтобы знать грузинского тамаду, нужно прийти в народ, нужно пить с крестьянином, и когда вы увидите грузинского крестьянина, человека, который поднимает тост с правом тамады, жившего веками, с мудростью человека, жившего с этой природой, вы ему завидуете, потому что он говорит стихотворение — тут же, не записывая его. У него особое ощущение неба, гор, лесов, он говорит: выпьем за это небо, которое посылает нам град, который бьет наши виноградники, за эти горы, которые задерживают дожди, нужные нам, все равно, выпьем за них...

Я помню такой случай — мы быстро спускались с одной горы. Внизу был виден какой-то домик, возле него стоял человек. Не было видно, что он делает, — мы были очень высоко. Когда мы спустились пониже, мы увидели, что он читает книгу. Он был один, перед ним сидела собака. Когда мы спустились, оказалось, что он вслух читает стихи. Это был духанщик, он гостеприимно обратился к нам. Мы спросили, что он читал. Он сказал, что это замечательные стихи про собаку. «Это моя собака и я ей читаю стихи». Когда такое ощущение искренности и широты живет в народе — это замечательно. Причем народ совершенно изумительный, он пережил чрезвычайно страшные истории, с ним делали ужасные вещи. Он, как никто, выдержал столько бед, что другой народ мог бы погнуться, но этот народ вырастил невероятных людей. Этот народ, конечно, и создал ту поэзию, с которой совершенно соединенно живут грузинские поэты.

Один из таких грузинских поэтов, самых настоящих, подлинных и замечательных, это несомненно наш гость — Тициан Табидзе.

Здесь я хочу вам сказать, почему я так долго говорил о Грузии, — потому что в других странах поэзия могла являться как часть культуры в обществе, а здесь она — в самой жизни страны; потому что здесь данные для этого — в суровости обстановки почти небывалой. Здесь, в грузинской поэзии, в тициановском стихе, такие настоящие вещи, которые дают ощущения поэтической работы и очень больших пространств. Во-первых, здесь есть то, что всегда было необходимо, — здесь есть искренность. Что я называю искренностью? Это то необходимое соединение человеческой биографии и страны, в которой он живет, связь с историей; то, что вы не можете выделить такие моменты, когда говорят: вот это написано для других, а вот это написано для себя, а это написано для газеты. Нет, это все так тесно связано, что становится уже нерасторжимым.

Скажем, такая вещь. Есть этот Гомборский перевал, ведущий в Кахетию. У каждого грузинского поэта есть стихотворения, посвященные этому перевалу. Это не случайно, и это не соревнование, — я напишу то же, что написал другой, но напишу по-другому, — это необходимость, это ощущение этого места, национальное ощущение страны.

Тициан Табидзе — народный поэт. Он не поэт, который на слух воспринял традиции народных певцов, он культурнейший человек, который знает, что такое развитие мировой поэ-

зии, поэзии русской, европейской и т. д. Он проходил эти этапы. Но я говорю о том, что составляет его основу, о том, что мы сейчас понимаем как целое в Тициане. Мы понимаем в нем эту колоссальнейшую искренность — широту, которая позволяет ему обращаться со стихом свободно — так, как он хочет. В его стихе — национальность, которая обогащает остальные народности, и высокая правдивость стиха — потому что он мастер.

Я хочу сказать еще об одной особенности грузинской поэзии. Возьмите русских поэтов: они прекрасно могут передать изображение различных событий, очень хорошо умеют излагать песни и т. д., но если мы посмотрим, откуда пришел этот человек, где его не большая родина, а его маленькая родина, какие он принес особенности, как развернул это ощущение местности, — вы не найдете. Вы можете сказать: это поэт московский, ленинградский, но и только. Я могу назвать только Прокофьева, который принес Ладугу, мы ощутили Ладугу в его стихах, ее озера, леса, скалы, хоро- воды, как ее парни шли в Красную Армию, — это мы ощутили. Но поэт, как правило, приходя в Москву, в Ленинград, расстается со страной, из которой он вышел. Что мы знаем об Урале? Где наш Урал в поэзии? Где наша Волга в поэзии? Где Сибирь? Где Арктика в поэзии? Они есть в порядке общем, но где они в порядке настоящего понимания замкнутого места? Этого у нас нет.

Грузинский поэт умеет так сохранить особенности каждого места, что вы найдете в грузинской поэзии и маленькие селения, и ручейки, и отдельные горы, города, отдельные места, которые представлены как настоящая грузинская поэзия.

Вот Тициан в стихотворении «Родина» пишет:

Родина! Лес Чнатури задебренный,
Вот Ингура, ширакские дали,
Сердце Кахетии — в неге серебряной,
В розовых купках совхоз Цинандали!
Эхо за Ушбой и за Ушгулом,
Синь ледников над могучими сванами
Песне моей откликаются гулом,
Вышли к столу домочадцами зваными.

Эти вот «домочадцы всей страны», это ощущение родины в плане повсеместном, эта повсеместность ощущения у нас отсутствует.

Надо еще сказать, что история Грузии, история этой страны заключалась в постоянной опасности, и лирические стремления поэта пришли сейчас. Семья грузинских поэтов расширилась...

Теперь мы все единая семья, нашей дружбе нет границ, и вот почему мы сегодня приветствуем Тициана Табидзе как нашего брата».

...Бывая в Ленинграде, мы всегда посещали Тихоновых, которые приглашали нас к себе на Васильевский остров. В их семье каждый чувствовал себя как дома: Мария Константиновна принимала всех тепло и приветливо. Здесь можно было встретить и начинающих поэтов, и писателей, известных всей стране. Время проходило весело, непринужденно. Сестры Марии Константиновны чудесно пели. Даже кот, которому надевали очки, казалось, принимал участие в общем веселье.

Когда мы впервые были у Тихоновых, Николай Семенович читал свои переводы стихов Тициана, Георгия Леонидзе и других грузинских поэтов. Было удивительно, что некоторые из них Мария Константиновна знала уже наизусть.

После гибели Тициана мы неоднократно встречались в Тбилиси и Москве. Однажды после литературного вечера в Союзе писателей Тихонов, Георгий Леонидзе и я пошли к Нате Вачнадзе. У Наты была подруга гимназических лет Тициана, а в дальнейшие годы — мой близкий и родной друг переводчица Фатма Антоновна Твалтвадзе. Тихонов, какой-то необычайно теплый, с тоской вспоминал Тициана, Колю Шенгелая — мужа Наты Вачнадзе, а потом стал читать свои стихи о Грузии. Мы слушали очарованные, глаза наши были полны слез. Когда он кончил читать, мы от волнения не могли сказать ни слова. Было четыре часа утра: охваченные воспоминаниями, заново многое пережившие, мы не заметили, как прошло время.

П. А. ПАВЛЕНКО

«Грузия стала для меня второй родиной», — писал Петр Андреевич Павленко в своей автобиографии. И это действительно было так. Не раз в беседах с Тицианом и со мной он называл себя «старожилом Тбилиси».

Я познакомилась с Петром Андреевичем, когда он при-

ехал в Тбилиси во главе бригады Оргкомитета, в которую, помимо него, входили Н. Тихонов, Ю. Тынянов, Б. Пастернак, В. Гольцев, О. Форш и другие. Целью бригады было изучение и популяризация грузинской литературы.

Помню, как раз незадолго до приезда бригады я прочитала роман П. Павленко «На востоке». Он мне очень понравился, и я сказала об этой книге на банкете у Георгия Леонидзе, когда пили за здоровье Петра Андреевича.

Когда, спустя некоторое время после вечера у Леонидзе, Тициан простудился и заболел, Павленко с Тихоновым пришли его навестить. Они долго сидели возле Тициана, беседовали, обсуждали вопрос об издании грузинских книг на русском языке, о планах.

В другой раз Петр Андреевич пришел к нам, когда у нас в гостях были Ольга Форш, Серго Клднашвили и Георгий Леонидзе. Сидя возле камина, Форш читала отрывки из своего романа «Современники». Читала она, как всегда, очень вдохновенно. Прочитанные страницы были яркие, интересные, и мы долго оставались под впечатлением услышанного.

Бывая в Тбилиси, он часто посещал спектакли театра им. Руставели, был влюблен в его коллектив, особенно любил артистов Хорава и Васадзе, которые пели у Леонидзе гимн «Лиле». Впечатление от этого гимна у него осталось надолго.

В письме к Тициану (январь 1937 года) Петр Андреевич писал:

«Дорогой Тициан!

Вчера, едва встав с постели, в которой провалялся я больше месяца, пошел я на концерт грузинской песни и вдруг вспомнил, что и я грузин, правда, не полный, но частичный — и сразу мне вспомнилась и Грузия, и Вы, и множество пейзажей и лиц, и мне захотелось написать Вам и Нине Александровне.

Я страшно себя ругаю, что до сих пор ничего не писал о Грузии, но теперь исправляю ошибку — пишу. В книге о Шамиле у меня будет много о Грузии, о Тифлисе.

Я до сих пор не могу забыть того, хевсурского, кажется, гимна Солнцу, который я слышал у Леонидзе в исполнении Хоравы и Васадзе. Как вы думаете, можно ли достать ноты и слова (по-грузински, конечно) этой песни? Я вставляю ее прямо в роман.

Замечательная песня!..

Хотел бы я сегодня приложить к письму свою книгу о Дальнем Востоке, но она еще не вышла из печати. Стоит ли предложить ее для перевода на грузинский? Как ваше мнение? Очень хочу получить от Вас письмо».

Тициан послал ему слова «Лиле», которые написал ему Акакий Маргиани, отец поэта Реваза Маргиани. Павленко ошибся, назвав в письме гимн хевсурским, — это сванская народная песня в честь Солнца.

В 1934 году мы с Тицианом, будучи в Ленинграде, встретились с Павленко. Он водил меня по улицам города, много и с большой любовью рассказывал о нем, показывал, как ночью раздвигаются мосты. Через несколько месяцев он прислал мне книгу «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга» М. И. Пыляева с надписью: «Нине Александровне на память о городе, где родилась русская поэзия. П. Павленко».

Людмила РОССОХА

К ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ КОЛОНИИ НА УКРАИНЕ

●

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XVIII ВЕКА — XIX ВЕК

●

ДРУЖЕСТВЕННЫЕ связи русского, украинского и грузинского народов, имеющие глубокие исторические корни, неоднократно являлись предметом исследования в работах многих историков и литературоведов. Довольно глубоко в научной литературе освещена и история грузинской колонии в России конца XVII — первой половины XIX века.

Грузинские поселения в Москве, Петербурге, Астрахани, Кизляре обстоятельно рассмотрены в монографиях и публикациях грузинских исследователей В. Татишвили, С. Кубанейшвили, М. Горгидзе, Г. Пайчадзе, В. Мачарадзе, Ц. Каландадзе, Н. Тарсаидзе, Б. Андроникашвили и других.

С грузинскими эмигрантскими группами в России непосредственным образом связана и грузинская колония на Украине. До последнего времени этот заслуживающий внимания объект научного изучения выпадал из поля зрения наших ученых. Лишь в некоторых работах предпринимались попытки при случае, как бы попутно, коснуться и этого вопроса. Из исследований, посвященных непосредственно теме грузинского посе-

ления на Украине, сейчас можем назвать лишь несколько. Одно из них — еще дооктябрьская публикация М. М. Плохинского «Поселение грузин в Малороссии в XVIII в.», в которой впервые введены в научный оборот и проанализированы документы из архива бывшей Малороссийской коллегии. Некоторые интересные факты приводит в своих работах, посвященных Давиду Гурамишвили, украинский литературовед Д. М. Косарик, а также грузинский ученый С. И. Кубанейшвили («Грузинские поэты на Украине в XVIII в.»).

Из публикаций последних десятилетий несколько расширили круг наших представлений о грузинах на Украине статьи Г. Пайчадзе «К истории грузино-украинских связей в XVIII веке», а также статьи украинских историков В. Н. Наулко «Грузинское население на Украине по статистическим и историко-этнографическим источникам» и Ф. П. Шевченко «Грузины в Войске Запорожском» — все вошедшие в сборник «Из истории украинно-грузинских связей» (Тб., «Мецниереба», 1968).

Однако эти работы, отражающие лишь отдельные, отрывочные факты интересующего нас явления, не дают цельной картины грузинского поселения на Украине как исторически сложившегося территориально-этнического образования, мало приводят необходимых сведений о судьбе грузинских семей, поселившихся на Украине, почти не раскрывают их связи с местным населением, не дают представления о роли грузинских поселенцев в общественной жизни Украины.

Не претендуя на полное раскрытие темы, мы ставили перед собой задачу изложить новые, неизвестные или малоизвестные факты в нужном аспекте, в совокупности и в сопоставлении с другими обнаруженными нами материалами о грузинском поселении второй половины XVIII — XIX веков на Украине, с тем чтобы дать более полное представление об этом явлении.

Грузинское поселение, образовавшееся на Украине в середине XVIII века, было как бы «вторичным»: его контингент составляли, большей частью, те же грузинские семьи, которые раньше, в 20—30-х годах, жили в Москве.

Грузинская колония в Москве, основанная еще в 50-х годах XVII века, была одним из тех важных связующих зве-

¹ Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 5, вып. I, Харьков, 1893, с. 1—22.

ньев, которые на протяжении полутора веков укрепляли дружественные взаимоотношения между двумя братскими народами, завершившиеся присоединением Грузии к России. Стремление прогрессивно мыслящих деятелей XVIII века навсегда избавиться от посягательств турецких и персидских завоевателей было с пониманием встречено Россией, в лице которой грузинский народ видел друга, брата и помощника в освободительной борьбе.

Бахтанг VI, преследуемый рядом неудач военно-политического характера, в 1724 году вынужден был покинуть родину и искать убежища в России. Более тысячи грузин, сопровождавших царя, поселились вместе с ним в Москве, пополнив ряды эмигрантов, живших в России еще с XVII века. «Они близко познакомились с русской жизнью, с государственным строем, общественной мыслью России, приобщились к русской культуре и в свою очередь знакомили русских людей с историей и культурой Грузии»².

В 1738 году из грузин-эмигрантов был сформирован Грузинский гусарский эскадрон, реорганизованный в 1741 году в полк. По именному указу императрицы Анны Иоанновны от 25 марта 1738 года грузинским гусарам были выделены «в вечное потомственное владение, каждому по пропорции» земли в Украине в пристойных местах»³: князья получили по тридцать крестьянских дворов, а дворяне — по десять. В соответствии с указом грузины обязаны были «иметь, как в военное время, так и в мирное в домах своих мундир, ружье и всякую воинскую амуницию и лошадей из своего собственного иждивения, не требуя из казны...»

В то же время мы считаем глубоко ошибочным мнение⁴, будто грузинское поселение XVIII века на Украине было образованием типа военных поселений. Ведь известно, что военные поселения в России и на юге Украины возникли позже, в 1810—1857 годах, и представляли собой особую организацию

---

² Сборник «Летопись дружбы», т. I, Тбилиси, «Литература д хеловнеба», 1967, с. 74.

³ Полное собрание законов Российской империи, т. 10, ст. № 7545.

⁴ Наулко В. Н., Грузинское население на Украине по статистическим и историко-этнографическим источникам. — Сборник «Из истории украино-грузинских связей», Тбилиси, «Мецниереба», 1968, с. 226.

войска со строгой регламентацией жизни, быта и труда крестьян.

Административно-территориальное деление на Украине в первой половине XVIII века было полковым. Расселение новых владельцев происходило на территории четырех полков: Полтавского, Миргородского, Лубенского и Прилукского (теперь это, в основном, территория Полтавской и Черниговской областей), где им было роздано 2305 дворов⁵. В начале 40-х годов были розданы земли в первых трех полках, а после 1743 года — в Прилукском полку.

Основное грузинское поселение расположилось в бассейне рек Сула, Псел, Хорол, Ворскла. Самое большое количество дворов грузинам было роздано в населенных пунктах: Старые и Новые Санжары, Кобеляки, Келеберда, Великие Будища, Белики, Пирятин, Миргород, Чернухи, Багачка, Устивица, Лохвица и других. В Прилукском полку были выделены дворы в местечках Сребном, Варве, Ичне, Журавке, Монастырище⁶.

Значительными землевладельцами на Украине были члены царской фамилии Багратиони. Им принадлежали 3095 дворов в Черниговском, Полтавском и Прилукском полках. Одна только царица Русудан, вдова Вахтанга VI, владела 832 дворами в Столенской, Синявской, Сосницкой, Волинской и других сотнях Черниговского полка. Царевичи Бакар и Симон получили села и деревни в Бакланской, Мглинской и Погарской сотнях Черниговского полка (ныне — Брянской области РСФСР), царевич Георгий — в Новгородской сотне (теперь — Новгород-Северский район Черниговской области). В Полтавском полку селом Мачехи владел царевич Симон, селами Ивашки, Грабиновка — побочный сын Вахтанга VI — Вахушти; села Гожулы, Тахтаулово, Павленки были пожалованы царевичу Паате, ряд небольших сел принадлежал царевичу Арданасу и девице Марии. Племянница царя Вах-

⁵ Плохинский М. М., Указанная статья.

⁶ Центральный Государственный Исторический Архив УССР в г. Киеве (далее — ЦГИА УССР), ф. 1632, оп. I, д. 76, л. 12; Лазаревский А., Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. т. III, Полк Прилукский. К., 1902, с. 332—333.

танга Анна Кайхосровна получила в свое распоряжение села Харитоновка и Никоновка в Сребнянской сотне Прилукского полка⁷. Члены царской семьи, конечно, не считали достойным жить в глуши и большей частью обитали в столице.

По самым приблизительным подсчетам, в середине — второй половине XVIII века на Левобережной Украине поселились более 150 грузинских семей — княжеских и дворянских, имевших при себе в услужении по несколько семей простых, незнатных грузин. Семьи большей частью были многодетными. Если причислить к ним также грузин, попадавших на Украину поодиночке и небольшими группами от южных границ России, а также те семьи, которые получали имения на Украине во второй половине XVIII века, то общее число грузинских поселенцев, по нашему мнению, должно было составлять свыше двух тысяч человек.

Архивные, генеалогические источники, издания дооктябрьского периода, касающиеся прошлого Полтавщины, дают интересный, богатый конкретными фактами материал о грузинских поселенцах, который мы считаем целесообразным подать в пофамильном изложении.

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ (1705—1792)

ЖИЗНЬ и деятельность выдающегося поэта XVIII века Давида Гурамишвили неразрывно связана с грузинской колонией на Украине. В его творчестве нашли отражение многие события бурного столетия, в том числе и история грузинской эмиграции. Сражаясь под знаменами русской армии, защищая честь русского оружия на полях сражений с Турцией, Швецией и Пруссией, Гурамишвили глубоко, всем сердцем осознал необходимость нерасторжимых связей Грузии с Россией. Его пребывание на Украине, сближение с украинскими тружениками, проникновенное участие в их повседневной жизни обогатили грузинского поэта новыми знаниями, мыслями, творческими находками. Украинская действительность так же прочно вошла в жизнь и творчество Д. Гурамишвили, как и Грузия. Поэма «Пастух Кацвия», имеющая в подзаголовке название украинской песни «Весела весна»,

⁷ ЦГИА УССР, ф. 223, оп. I, д. 411, лл. 1—2 об.

стихотворение «Зубовка», лирические песни поэта проникнуты плодотворным влиянием украинского народно-песенного творчества.

В литературоведческих работах исследователя жизни и творчества Д. Гурамишвили Д. М. Косарика⁸ подробно рассмотрена жизнь поэта на Украине. Много десятилетий своей жизни поэт провел в Миргороде, где и умер бездетным, горько сожалея о своем одиночестве:

Сгину я — и дом мой сгинет,
Ибо не дал бог мне сына...
Не дала судьба мне сына,
Обделила несчастливца.

Род Гурамишвили в Миргороде прервал свое существование с кончиной самого поэта. Приемная дочь Давида, «сирота девица Дария», умерла в младенческом возрасте. В 1794 году скончалась и его жена Татьяна Васильевна, в девичестве Авалова. По всей вероятности, она была из семьи **Авалишвили**, известной в эмигрантских кругах, особенно во второй половине XVIII века. Авалишвили Георгий Иеанович — известный государственный деятель, писатель, переводчик конца XVIII века, живший в Петербурге, и его сестра Мария (жена Гарсевана Чавчавадзе) принадлежали к тому же роду, что и супруга Давида Гурамишвили. Поэт мог познакомиться с ней в Москве или в Петербурге.

Имя, творчество Гурамишвили, его судьба долго оставались неизвестными широкому читательскому кругу. Только в 1948 году была найдена могила поэта в Миргороде. Сейчас в городе имя Давида Гурамишвили носит одна из школ, городская библиотека, улица. В 1969 году открыт музей поэта. Город, где более 30 лет жил поэт Грузии, гордится тем, что именно в нем была написана бессмертная книга «Давитиани», что с украинской земли Давид Гурамишвили ушел в вечность.

---

⁸ Косарик Д. М., Братні зорі, К., «Радянський письменник», 1948, с. 127—134.

Косарик Д. М., Д. Гурамишвили на Україні, «Советский писатель», К., 1955.

Его же, Співець братнього еднання, К., 1955.

БАРАТАШВИЛИ — одна из самых распространенных фамилий в эмигрантской среде. Баратовы и Баратаевы, из числа которых вышло много известных государственных, военно-политических и общественных деятелей, жили в Москве, Петербурге, Астрахани, Уфе, Саратове, Казани, Симбирске.

«Украинские» Баратовы представляют собой ответвление рода Бараташвили, значительное и в количественном отношении, и в отношении той роли, которую они играли в общественной жизни Украины во второй половине XVIII — первой половине XIX века.

По указу императрицы Анны от 1739 года в Полтавском полку получили дворы многие князья Баратовы. **Баратов Заза**, находившийся в свите Бакара с 1730 года, был пожалован тридцатью дворами в местечке Келеберда. По тридцать дворов получили в местечке Кобеляки **Реваз, Ростом, Давид и Нодар Баратовы**.

Князь **Гиви Баратов** с 1730 года находился в Москве в составе свиты Вахтанга VI: «Баратов Гиви — его высочества князь, обер-казначей, с княгинею, с двумя сыновьями да с двумя дочерьми»⁹. Он получил 30 дворов в местечке Кишеньки Полтавского полка.

Сын Гиви Баратова — **Сергей** — начал службу в русской армии с 17 лет. В начале 1750-х годов он был адъютантом Грузинского гусарского полка. Как и отец, он имел 30 дворов в местечке Кишеньках. В 1752 году, когда возникла необходимость в пополнении полка, ему, как человеку, хорошо знающему местное население, было поручено руководить вербовкой гусар на Украине. С. Баратов дослужился до звания генерал-майора.

Другим сыновьям Гиви Баратова¹⁰ — малолетним **Ивану** (род. около 1735 года) и **Василию** было определено по 5 дворов в местечке Великие Будища.

На протяжении XVIII века семьи Баратовых вступали в родственные связи с казачьей старшиной Полтавского, Миргородского, Лубенского и других полков, а в XIX веке — с

⁹ Кубанейшвили С. И., Давид Гурамишвили в Грузинском гусарском полку. Издательство АН ГССР, Тбилиси, 1955, с. 148.

¹⁰ В некоторых документах ошибочно записано: «Завибаратова».

представителями местных дворянских фамилий, широко известных на Украине и, в частности, на Полтавщине. Например, Нодар Баратов выдал свою дочь за полтавского сотника Павла Семенова¹¹. А внучка Гиви Бараташвили — **Баратова Анна Сергеевна**, дочь генерал-майора Сергея Баратова, вышла замуж за Кулябку Павла Яковлевича (род. около 1749 года). Представители рода Кулябок в XVII—XVIII веках занимали ряд командных воинских должностей в Лубенском казачьем полку. Тесть Анны Сергеевны Баратовой — Яков Кулябка, бунчуковый товарищ¹², в 60-х годах XVIII века был предводителем лубенского дворянства. Его сын, Павел Яковлевич Кулябка, служил в русской армии адъютантом штаба генерал-майора Вассермана, принимал участие во многих походах. В 1783 году при отставке получил звание поручика. Служил почтмейстером соседствующего с Лубнами Хорольского уезда. В этом уезде в деревнях Клепачи, Вергуны и в хуторе Леснячки в 80-х годах имел 164 души крепостных¹³.

С Кулябками породнилась также семья живших на Полтавщине грузинских князей Ратиевых: Иван Ратиев был женат на Екатерине Павловне Кулябке (род. в 1779 году) — дочери А. С. Баратовой и П. Я. Кулябки.

В 1810 году одна из наследниц Баратовых, поселившихся в м. Кобеляки, полковничья вдова княгиня **Анна Баратова** владела имением: «...при урочище Бобровом часть пахотной и сенокосной земли, да лесу, где ревизских числа душ не числится, а находится только один винокуренный завод с крестьянской избою» и «шинковой дом»¹⁴ (т. е. питейный дом).

Баратов Григорий Александрович, надворный советник, в 1823 году вступил в брак с дочерью помещика Роменского уезда Савич Александрой Федоровной (род. в октябре 1794

---

¹¹ Шевченко Ф. П., Грузины в Войске Запорожском. — Сборник «Из истории украино-грузинских связей», Тб., «Мецниереба», 1968, с. 53.

¹² Звание в казацком войске.

¹³ Модзалевский В. Л., Малороссийский родословник, К., 1910, т. 2, с. 616.

¹⁴ Павловский И. Ф., Описание городов Полтавской губернии и их окрестностей 1810 года. Полтава, 1917, с. 81—82.

года). **Баратов Василий Иванович**, корнет, в 1849 году женился на Горленко Варваре Давидовне (1828—1897)¹⁵.

Род Горленко — самый известный среди казачьей старшины Прилукского полка. Отец Варвары, Горленко Давид Семенович (1788—1848), майор, в 1829—1844 годах состоял в должности прилукского уездного предводителя дворянства, имел 400 душ в Прилукском уезде и 90 душ — в Пирятинском.

Характерно, что большинство потомков грузинских эмигрантов после службы в армии отдавали себя активной общественной деятельности, занимали ответственные административные посты. Секунд-майор **Баратов Николай Осипович** в 1784 году служил земским комиссаром в Елисаветградской провинции Ольвиопольского уезда Новороссийской губернии¹⁶. Один из **Баратовых**, надворный советник, в начале XIX века служил в должности чиновника особых поручений при Н. Г. Репнине — военном губернаторе Малороссии и управляющем гражданской частью Полтавской и Черниговской губерний¹⁷.

ДЖАВАХИШВИЛИ

В РАЗНЫХ источниках XVIII—XIX вв. встречаются фамилии Джаваховы, Чаваховы, Чаваковы, Джеваховы, Жеваховы. Все они являются русскими вариантами претерпевшей изменения грузинской фамилии Джавахишвили и ведут свое начало от нескольких князей-эмигрантов, приехавших в Россию вместе с Вахтангом VI или вслед за ним. В 30-х го-

---

¹⁵ С семьей Горленко вступили в родственную связь также потомки грузинских поселенцев на Полтавщине Джавахишвили (Жеваховы). Жевахов Дмитрий Михайлович, штабс-ротмистр, в 1839 году заключил брак с Горленко Любовью Давидовной (1821 — 1898), вероятно, сестрой Варвары Давидовны. Во второй половине XIX века с семьей Горленко породнились и князья Абашидзе.

¹⁶ Тарсаидзе Н., Материалы по истории поселения грузин в России в первой половине XVIII века. Тб., Изд-во Тбил. ун-та, 1964, с. 40.

¹⁷ Павловский И. Ф., К истории Малороссии во время генерал-губернаторства кн. Репнина. Полтава, 1905, с. 20—22.

дах XVIII века в Москве жили Иессе, Шио и Эрасти Джавахишвили. С одним из них постоянно соревновался в поэтическом мастерстве поэт Давид Гурамишвили, который в своем труде «Бедствия Грузии» рассказал о поэтических турнирах в кругу придворных:

**Виршеплет Джавахишвили
Там соперником мне стал.
Словно деревце кривое,
Был тщедушен он и мал.
Каждый стих мой, как репейник,
В хвост бедяге попадал...¹⁸**

Из всех троих, по нашему предположению, соперником Гурамишвили, наиболее вероятно, мог стать Эрасти Джавахишвили: он родился в 1706 году, был ровесником Давида, и скорее между молодыми ровесниками, чем между людьми разных возрастов, могли возникнуть такие неистовые и язвительные состязания, которые описал автор «Бедствий Грузии».

Шио Джавахишвили был значительно старше, так как в 1742 году он подавал прошение в Государственную военную коллегию об увольнении его от службы по старости и в связи с ранением.

Эрасти и Шио Джавахишвили находились в России с 1724 года. В 1738 году оба поступили на службу в Грузинскую гусарскую роту рядовыми воинами. Эрасти (Герастий) в 1740 году получил звание поручика, принимал участие в русско-турецкой войне 1739 года и в шведской войне 1742 года. В 1752 году ему присвоено звание капитана. Служил Эрасти в третьей роте Грузинского гусарского полка. В начале 40-х годов он получил землю на Украине: 25 дворов

---

¹⁸ Давид Гурамишвили. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель», 1980, с. 117.

в местечке Лохвица и 5 дворов в деревне Венславы¹⁹ того же полка.

Есть сведения о том, что уже после получения имени¹⁹ на Полтавщине Эрасти изъявлял желание вернуться на родину²⁰, но, по-видимому, в Грузию он не уехал. Намерение Эрасти вернуться на родину было вызвано, кроме других причин, также крайне неудовлетворительным состоянием его имени. В 1744 году из тридцати принадлежавших ему семей пятнадцать хозяйств были крайне «нищетными» (имели только «хату при дворе» или даже жили в избах других лохвицких жителей). Многие из крестьян Джевахова уходили от него в поисках лучшей жизни. В описании владений Эрасти Джевахова о 8 его подданных сказано: «сойшол безвестно, а хата его впусе», а о троих: «сойшол в суседе²¹, а хата его впусе»²².

Джевахов Шио, выйдя в отставку в 1742 году в звании прапорщика, жил в с. Белики, где был владельцем 30 дворов крепостных крестьян.

Потомки живших в России и на Украине многочисленных семей Джавахишвили со временем стали Жеваховыми, многие из которых оставили заметный след в отечественной истории. Жевахов Филипп Семенович был потомком Шио Джавахишвили. Их родовое имение находилось в с. Белики Кобелякского уезда. По обычаю предков, сыновьям Семена Жевахова также была уготована судьба военных.

Филипп Семенович Жевахов в 1766 году поступил вахмистром в Сумской драгунский полк, в 1771 году стал прапорщиком, служил в нескольких кавалерийских полках. В 1788 году он оставил службу, будучи в звании секунд-май-

¹⁹ Название этого села в работах прежних исследователей искажено: у М. Плохинского, а вслед за ним и у других — Венскавы, у Г. Леонидзе — Венислевовка. (См.: Плохинский М. М., Поселение грузин в Малороссии в XVIII в. — Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 5, вып. I, Харьков, 1893, с. 1—22; Леонидзе Г., Комментарии к книге: Давид Гурамишвили. Давитиани. Тбилиси, «Заря Востока», 1954, с. 211).

²⁰ Кубанейшвили С. И., Грузинские поэты на Украине в XVIII в., Автореферат диссертации, Тбилиси, 1962, с. 30.

²¹ Т. е. стал «подсуседком». Так в XVIII веке называлась категория неимущих крестьян, которые не имели собственного хозяйства и жили в чужих дворах.

²² ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. I, д. 121, лл. 39—40 об.

ора, но вскоре опять вернулся в армию, в лейб-гвардии Гусарский полк, однако теперь уже служил недолго: в 1790 году он вышел в отставку полковником и поселился в родных Беликах. С началом Отечественной войны 1812 года, когда формировалось полтавское ополчение, Ф. С. Жевахов как опытный офицер, принимавший участие в двух русско-турецких войнах при Екатерине II, в покорении Крыма, стал во главе этого ополчения.

Полтавские ополченцы воевали с французами в составе корпуса генерал-лейтенанта Рота; позднее ополчение было переформировано в 4 пехотных и 7 конных полков. Ф. С. Жевахов в звании генерал-майора принимал участие в сражении под Бородиным. С 1814 года он снова жил на Полтавщине, в своем имении, причем жил весьма скромно, на половинную пенсию²³.

В Отечественной войне 1812 года принимали участие еще два генерала из рода Жеваховых — Иван Семенович и Семен Семенович.

Прижившийся на Украине род Жеваховых, разветвленный и многочисленный, укреплял свое общественное, а подчас и материальное положение благодаря бракам со знатными украинскими семьями — старшинскими, а затем дворянскими. Один из князей Жеваховых (умер до 1817 года) был женат на Наталье Ивановне Бутович (1791—после 1836), дворянке из Зенькова. Жевахов Семен Евстафьевич (первая половина XIX века) стал мужем Елены Арсеньевны Маркович, потомка семьи казацкой старшины из Прилук²⁴. Жевахов Дмитрий Михайлович, штабс-ротмистр, в 1839 году взял в жены Любовь Давидовну Горленко (1821—1898), дочь прилукского дворянина.

Жевахов Давид Дмитриевич, сын Дмитрия Михайловича и Любови Давидовны, получил образование в киевской 2-й гимназии. С апреля 1866 года начал службу в разных государственных учреждениях. В 1876 году получил чин титулярного советника; был губернским секретарем, губернским гласным Полтавской губернии от Пирятинского уезда. С

²³ Павловский И. Ф., Полтавцы. Полтава, 1914, с. 163 — 164.

²⁴ Еще раньше, во второй половине XVIII века, с семьей Марковичей породнилась грузинская семья Саакадзе, поселившаяся на Прилукщине.

апреля 1872 года состоял в должности почетного смотрителя Прилукского городского училища, а также почетного мирового судьи²⁵. Должность почетного мирового судьи Пирятинского уезда после Жевахова Д. Д. унаследовал в начале XX века его сын **Владимир Давидович**.

Семья Жеваховых отличалась страстным интересом к литературе и истории, в частности к истории Украины, глубокой заинтересованностью в изучении старинных реликвий Полтавщины.

Жевахов Николай Давидович, окончивший Киевский университет, стал известен своей литературной, научной и общественной деятельностью. С 30 июня 1902 года по 1905 год он состоял в должности земского начальника Пирятинского уезда²⁶. Значительное место в его научных изысканиях занимала местная достопримечательность — Лубенский Мгарский Свято-Преображенский монастырь. Н. Д. Жевахов собирал и исследовал материалы более чем полуторастолетней давности. В монастыре ему удалось найти документы об известном церковном деятеле XVIII века, настоятеле Лубенского монастыря игумене Иоасафе Горленко и издать его житие²⁷. Конечно, немалую роль в этом сыграла и фамильная заинтересованность — родство Жеваховых с семьей Горленко. Во время своих поисков Н. Д. Жевахов обнаружил в монастырском архиве еще около тысячи документов, имеющих историческое значение, и издал их в типографии Киево-Печерской лавры²⁸.

Сестра Жевахова Николая Давидовича — **Варвара Давидовна** была замужем за Стороженко Николаем Владимировичем (род. в 1862 году)²⁹, уроженцем села Великая Круча Пирятинского уезда, известным в свое время историком, ав-

²⁵ Адрес-календарь Полтавской губернии на 1880 год. Полтава, 1880, сс. 43, 575, 596.

²⁶ Павловский И. Ф., К истории Полтавского дворянства, т. 2, Полтава, 1907, с. 201.

²⁷ Жевахов Н. Д., Святитель Иоасаф Горленко, К., 1909.

²⁸ Жевахов Н. Д., Акты и документы Лубенского Спасо-Преображенского монастыря. К., 1913. — См. об этом: Астряб М. Г., Лубенский Мгарский Свято-Преображенский монастырь. Отдельный оттиск из XIII вып. Трудов Полтавской Ученой Архивной Комиссии. Полтава, 1915, с. 6, 14 (в примечаниях).

²⁹ Семья Стороженко состояла в родстве с грузинскими поселенцами еще в XVIII веке: Стороженко Петр Данилович был женат на Мухеловой Варваре Николаевне.

тором ряда книг и статей по истории Украины, членом многих исторических обществ. В 1889—1914 гг. он был земским гласным Пирятинского уезда.

Жили Жеваховы и в Полтаве. На Новопроложенной улице в доме **А. М. Жевахова** помещалось Полтавское первое городское одноклассное начальное училище, открытое в 1898 году.

Оставили свой след Жеваховы также в Одессе. Один из районов города еще и сейчас носит название Жевахова го-ра. В начале XX века в Прилуках встречалась фамилия **Чи-ваков**. Не исключено, что это один из фонетических вариантов сильно измененной фамилии Жевахов (так же как и Ча-вахов, Чаваков).

КАВКАСИДЗЕ

(Кавкасидзе, Кафкасидзе)

Грузины Кавкасидзе жили в Москве еще с XVII века — со времен эмиграции царя Арчила. **Кавкасидзе Дмитрий**, один из самых образованных придворных, по инициативе Арчила, делал списки с греческих рукописей. **Мельхиседек Кавкаси-дзе** был придворным секретарем-письмоводителем в штате Вахтанга VI в Москве. В 30—40-х годах XVIII века вместе с игуменом Христофором Гурамишвили он руководил издани-ем грузинских книг в типографии Иосифа Самебели «в цар-ственном граде великой Москве, в селе Всесвятском»³⁰.

Князь **Ефрем Кавкасидзе** (род. в 1709 году) с пятна-дцатилетнего возраста находился на русской военной служ-бе, с 1739 года служил в Грузинском гусарском полку. По-жалованное ему указом 1739 года имение (30 дворов) на-ходилось на территории Лубенского полка, в Глинске.

Сын Кавкасидзева Ефрема — **Семен Ефремович**, как и отец, долго служил в армии. Он поступил на службу вахми-стром и вышел в отставку подполковником. После окончания службы жил на Полтавщине, занимаясь общественной дея-тельностью. Более 5 лет, с января 1815 года по сентябрь

³⁰ Абрамишвили А. З., Из истории грузинского книгопечата-ния за пределами Грузии. — В сб.: Книга. Исследования и ма-териалы. М., 1960, с. 251—299.

1820 года, был предводителем дворянства Роменского уезда Полтавской губернии. В 1816 году С. Е. Кавкасидзе вступил во второй брак с молодой Анастасией Васильевной Полетикой (род. около 1784 года). Вскоре Семен Ефремович умер: известно, что в 1822 году Анастасия Васильевна уже была вдовой, жила в с. Николаевке Путивльского уезда³¹.

Семья Полетики широко известна в истории Украины. Отец Анастасии Васильевны — Полетика Василий Григорьевич (1765—1845) — получил признание как собиратель документальных материалов по истории Украины. Считают, что он и его отец могли быть авторами «Истории Русов» — исторического произведения конца XVIII — начала XIX века³². В. Г. Полетика является также автором труда по истории народов Востока. В этом отношении для украинского историка небезынтересны были встречи со всесторонне образованными грузинскими поселенцами Кавкасидзевыми, глубоко знавшими историю своей родины и хорошо информированными в вопросах восточной политики. С семьей Кавкасидзевых Полетик объединяла и работа на общественном поприще: В. Г. Полетика в 1802 и 1805—1812 гг. был предводителем дворянства Роменского уезда. Через три года, в 1815 году, его сменил на этом посту будущий зять — Кавкасидзе С. Е.

Внук Ефрема Кавкасидзе и сын Семена Ефремовича — Владимир Семенович Кавкасидзе — также жил на Полтавщине. Как представитель дворянства, накануне крестьянской реформы 1861 года, в 1858—1859 гг. он был членом т. н. Полтавского губернского комитета по освобождению крестьян, задача которого состояла в разработке проекта реформы.

Представитель следующего поколения Кавкасидзевых — Иван Владимирович — воспитывался в уездном училище (г. Ромны). Получил чин коллежского регистратора. Был гласным городской думы города Глинска, с 20 апреля 1876 года — городским головой Глинской городской управы.

---

³¹ Модзалевский В. Л., Малороссийский родословник, т. 4, К.: 1914, с. 136.

³² Радянська енциклопедія історії України, т. 3, Київ, Видавництво АН Української РСР, 1971, с. 405.

ОРБЕЛИАНИ

(Орбелиевы, Арбелиевы, Орбелиановы, Арбелияновы)

ЭТА семья — одна из самых известных среди грузинских эмигрантов в России. Знатный грузинский княжеский род, состоявший в родстве с Багратионами, в XVIII — XIX вв. дал много общественных и государственных деятелей. В свите Вахтанга VI в Москве было несколько князей Орбелиани. Родоначальниками украинской ветви этого рода стали Орбелиани Андрей и Дмитрий.

Андрей (род. в 1713 году) служил в Грузинском гусарском полку с 1738 года; с 31 августа 1741 года — в звании прапорщика второй роты. В 40-х годах получил 30 дворов в Прилуцком полку — в местечках Варва и Сребное³³. Андрей был вторым мужем Анастасии Ивановны Даровской (дочери господаря³⁴ гетмана Скоропадского), вдовы сотника Прилуцкого полка Себастиановича Матвея Андриановича³⁵.

С семьей Себастиановичей, как явствует из анализируемых нами фактов, Орбелиани были в дружеских отношениях, ведь не случайно Андрей Орбелианов женил своего сына Владимира (род. около 1749 года) на Фекле Ивановне Себастианович. Она была дочерью Себастиановича Ивана Андриановича, представителя прилуцкой казацкой старшины, бунчукового товарища, участника Гилянского похода 1726 года. Фекла Ивановна, «княгиня капитанша Орбелианова», владела хутором Мормизовкою, который отдала своему второму мужу — коллежскому асессору капитану Владимиру Андреевичу Орбелианову.

Сын его, Павел Владимирович Орбелианов, в конце XVIII века владел частью села Брагинцы Лохвицкого уезда, также унаследованного от матери Феклы Ивановны. Павел Владимирович дружил с семьей Захара Маламы, жившего в с. Дащенко того же уезда. В 1794 году он стал приемником (т. е. крестным отцом) Федора Захаровича Маламы, а еще через три года его сын Петр Павлович Орбелианов

³³ Лазаревский А. М., Описание старой Малороссии, т. 3, Полк Прилуцкий, К., 1902, сс. 333, 362—363.

³⁴ Господарь — титул правителей Молдавии и Валахии.

³⁵ Лазаревский А. М., Указанная работа, с. 357.

стал восприемником второго сына Захара Маламы пана³⁶.

Князь **Дмитрий Орбелиани** в первой трети XVIII века находился в Москве в должности дворецкого царя Вахтанга. В начале 40-х годов он получил землю и крестьян в Лубенском полку: 28 дворов в местечке Ромны и еще 2 двора в селе Ярмолинцы Роменской сотни³⁷. Здесь же, в Ромнах, получил 5 дворов и Герасим, его малолетний сын. **Герасим Дмитриевич**, так же как и отец, служил в армии, был капитаном и погиб во время Семилетней войны. Роменское имение по наследству перешло к **Марии Герасимовне Орбелиановой**, вышедшей замуж за украинца — капитана Флора Зарецкого, которому она и передала имение. В 1774 году Ф. Зарецкий подавал в Малороссийскую коллегию «доношение» с просьбой: взамен утерянных «отдаточных писем» выдать ему из архива «справочные копии» о выделении в Ромнах «угодий... жены его предкам»³⁸.

Особую известность фамилия Орбелиани приобрела на Полтавщине во второй половине XIX века. Помещик **Николай Орбелиани** жил в деревне Руды Лохвицкого уезда. Его дочь, княжна **Александра Николаевна**, с 1850 года была замужем за Гамалией Николаем Алексеевичем (род. в 1806 году). Он служил офицером Черноморского флота, в 1837 году уже был капитан-лейтенантом в отставке, имел за собой 200 десятин земли в Черниговской губернии; похоронен в саду в селе Лысогоры³⁹.

Брат Александры Николаевны, **Николай Николаевич Орбелиани**, окончил Киевский университет, с 1869 года служил в Лохвицкой уездной земской управе, с 1876 года — в чине коллежского регистратора. В 1877—1884 годах Николай Николаевич был председателем Лохвицкой земской управы, избирался губернским гласным от Лохвицкого уезда.

³⁶ Связи семьи Маламы с грузинами продолжались и позднее. Известно, что в конце XIX века Маламы стали родственниками грузинской семьи Эристави.

³⁷ ЦГИА УССР, ф. 54, оп. I, д. 1682, л. 8 об.

³⁸ Там же, л. 2.

³⁹ Факт погребения Н. А. Гамалии в Лысогорах свидетельствует, по-видимому, о связях Гамалии-Орбелиани с семьями грузин Мухеловых (Мухелишвили) и украинцев Стороженко, владевшими селом Лысогоры. — См. ниже — Мухеловы.

На поприще общественной деятельности подвизались и сыновья **Якова Орбелиани**. **Владимир Яковлевич** получил образование в частном учебном заведении, служил в армии, принимал участие в Крымской войне 1853—1856 гг., вышел в отставку, получив 23 мая 1865 года чин штабс-капитана. Избирался губернским гласным от Лохвицкого уезда. С 20 декабря 1876 года по 1883 год состоял в должности председателя Лохвицкой межевой комиссии. С сентября 1880 года по сентябрь 1886 года был предводителем дворянства Лохвицкого уезда.

Орбелиани Митрофан Яковлевич (род. в 1844 году) учился в 1-й киевской гимназии. В 1880 году коллежский регистратор **М. Я. Орбелиани** был почетным смотрителем Лохвицкого уездного училища, членом Лохвицкого училищного совета (от земства). В сентябре 1886 года он занял должность предводителя дворянства Лохвицкого уезда (после своего брата **Владимира Яковлевича**) и состоял в ней до января 1893 года⁴⁰.

Сыновья **Митрофана Яковлевича** были избраны земскими гласными: **Александр** — от Лубенского уезда, **Алексей** — от Лохвицкого уезда (в 1913—1916 гг.).

Орбелиани Людмила Яковлевна 20 сентября 1870 года вышла замуж за **Ивана Васильевича Сахно-Устимовича**⁴¹ (в 1863 году он был помощником хоролского уездного исправника; умер в 1887 году)⁴².

МУСХЕЛИШВИЛИ

(Мусхеловы, Мусхаловы)

В МОСКВЕ в первой половине XVIII века жили многие представители этой фамилии. Среди прочих, в свите **Симона Багратиони**, брата **Вахтанга VI**, с 1733 года находился князь **Георгий (Егор) Мусхалов** (род. в 1707 году), эми-

⁴⁰ Павловский И. Ф., К истории Полтавского дворянства. Вып. I, Полтава, 1906. Приложения, с. V.

⁴¹ Сахно-Устимовичи во второй половине XIX века имели также родственные связи с грузинской семьей Ратиевых.

⁴² Модзалевский В. Л., Малороссийский родословник, т. 4, К., 1914, с. 557.

Л. Россоха. К истории грузинской колонии на Украине.

трировавший в Россию в 1724 году. В 50-х годах он служил капитаном 1-й роты Грузинского гусарского полка («сверх комплекту»). Вместе с малолетним сыном он получил 25 дворов в м. Великие Будища. В 1752 году входил в состав команды для вербования гусар на Украине. После окончания службы навсегда поселился на Полтавщине.

Как и другие грузины, Мусхеловы (Мусхаловы) породнились с украинскими семьями. Один из князей **Мусхеловых** еще в первой половине XVIII века был женат на дочери Ивана Дорошенко⁴³.

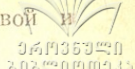
Внучка Егора Мусхалова, княжна **Варвара Николаевна Мусхелова**, стала женой украинца Стороженко Петра Даниловича (род. около 1765 года). Последний с 1779 года служил в Северском легкоконном полку, затем регистратором в штабе графа П. А. Румянцева-Задунайского, участвовал в походах 1787-1788 гг. в Польшу и Молдавию; в 1796 году уволен от службы. Имел звание поручика. Супруги жили в селе Лысогоры Борзенского уезда Черниговской губернии в фамильном имении Стороженко⁴⁴, и в Великих Будищах Зеньковского уезда Полтавской губернии — имении Мусхеловых. В. Н. Мусхелова и П. Д. Стороженко имели сыновей Николая и Алексея. Оба родились в селе Лысогоры. Старший, **Николай**, родился в 1804 году. Дед Николай Егорович Мусхелов стал приемником своего первенца-внука; Мусхелов передал по наследству своим внукам Николаю и Алексею имение в Зеньковском уезде (в Великих Будищах и хуторе Криворотчиной Балке). В 1824 году за Николаем Петровичем Стороженко числились в м. Великие Будища 137 душ, 700 десятин земли, 284 десятины леса и деревянный дом. Владел он также землей в Павлоградском уезде.

---

⁴³ Модзалевский В. Л., Малороссийский родословник, т. 1, К., 1907, с. 455.

⁴⁴ Связи с грузинами, по всей вероятности, имел еще дед Петра Даниловича — Стороженко Григорий Андреевич, в 1715—1741 гг. ичнянский сотник. Его пути не раз пересекались с грузинскими эмигрантами: он принимал участие в Персидском походе Петра I в 1722 году, в Хотинском походе 1739 года (в котором участвовал и Грузинский гусарский полк), застал поселение грузин на Украине. Умер в начале 1745 года.

Позднее, в XIX веке, семья Стороженко породнилась с грузинами Жеваховыми.

О младшем сыне Варвары Николаевны Мухеловой и Петра Даниловича Стороженко следует сказать особо.

Алексей (Олекса) Петрович Стороженко (1805—1874) — один из известных украинских писателей середины — второй половины XIX века. Родился он в селе Лысогоры, но детство провел в Великих Будищах, в имении деда Н. Е. Мухелова. В 1821—1823 гг. воспитывался в харьковском пансионе, в 1824—1850 годах служил в армии. В 1829 году участвовал в турецкой кампании, где был ранен. Служил следователем, чиновником. Имел чин действительного статского советника. В 1868 году вышел в отставку.

О. П. Стороженко был всесторонне одаренным человеком — музыкантом, скульптором. За проект памятника Нестору-летописцу он был удостоен звания академика. Но главное признание он получил на литературном поприще как прозаик романтического направления. Писал он на русском и украинском языках. Его неоконченная повесть «Марко Проклятый», рассказы «Влюбленный черт», «Матусино благословенье», «Межигорский дед», «Суженая», «Рассказы Грицька Ключника» и другие имеют сказочный или легендарно-исторический характер, носят следы влияния Н. В. Гоголя.

Творчество Олексы Стороженко было ограничено узкими рамками идеализации старины, морально-религиозными мотивами. Он не пошел дальше абстрактно-морализаторских сентенций, ограничился фольклорно-фантастическими образами и сюжетами. В 60-е годы XIX века его романтизм оказался запоздалым. Но как талантливый мастер рассказа, страстно влюбленный в историю, владеющий неповторимым юмором, прекрасным украинским языком, Олекса Петрович Стороженко внес свой вклад в историю украинской литературы.

Во многих произведениях Стороженко упоминаются Великие Будища, где прошло его детство. Впечатления от жизни старосветских помещиков, в том числе и его деда Н. Е. Мухелова, юношеские воспоминания об их быте нашли отражение в повести «Братья-близнецы» и других исторических произведениях украинского писателя.

РАТИШВИЛИ
(Ратиевы, Ратыевы, Ратеевы, Ратьевы)

УДК 94(035)41
202.001.010.03.1

ЭТА фамилия была довольно известной на Украине в конце XVIII—XIX вв. Ее родоначальник — князь **Давид Ратиев** (род. в 1721 году). С 20 августа 1740 года он служил в Грузинском гусарском полку, с 13 апреля 1750 года — в звании прапорщика во второй роте. Землю и крестьян он получил на территории Миргородского полка: 10 дворов в местечке Устивице и 20 дворов в местечке Бакумовка Хоролской сотни (теперь Семеновского района Полтавской области). В 1784 году подполковник Давид Юрьевич Ратиев был уездным судьей миргородского уездного суда.

Представитель этого же рода **Петр Ратиев** (род. в 1757 году) служил капитан-лейтенантом морского флота. За него в 1786 году вышла Мария Акимовна Борсук (из старшинской семьи г. Нежина).

Из живших на Полтавщине Ратиевых известен князь **Иван Ратиев**, женатый на дочери представителя Лубенской казацкой полковой старшины Екатерине Павловне Кулябке (род. в 1779 году). Как сказано выше, отцом Екатерины был Павел Яковлевич Кулябка, а матью — грузинка Баратова Анна Сергеевна. Как видим, грузинские поселенцы на Украине, даже спустя многие десятилетия после выезда из Грузии, пытались сохранить этническое единство путем заключения браков между членами семей эмигрантов. Иван Ратиев состоял в приятельских отношениях с семьей своих соседей, украинских дворян Леонтовичей (в 1820 году он стал крестным отцом Николая Павловича Леонтовича), живших в с. Матяшовка в шести километрах от Устивицы.

Вероятно, из миргородских Ратиевых происходит и **Евгений Александрович Ратаев**, в 1835 году — «отставной артиллерии капитан». Его женой стала Варвара Прокофьевна Сахно-Устимович (род. около 1798 года)⁴⁵. Ее отец Прокофий Андреевич Сахно-Устимович в 1786 году был городничим г. Хорола, а в 1799 году — городничим г. Кременчуга.

В первой половине XIX века в Миргороде жил помещик **Ратиев**, о котором сохранились лишь косвенные упоминания. Украинский писатель Панас Мирный, уроженец Миргорода, в цикле рассказов «Как ведется, так и живется» создал образ

⁴⁵ С этой семьей, как уже упоминалось, находились в родстве также грузины Орбелиани.

жестокого крепостника, миргородского помещика князя Ратиева как воплощение самодурства, бесчеловечности и аморальности. Образ создан на основе реальных народных преданий, которые, даже спустя несколько десятилетий после смерти Ратиева, бытовали среди жителей Миргорода. Имя Ратиева, «Ратиевщина», судя по описанию Панаса Мирного, находилось на северо-западной окраине Миргорода⁴⁶.

Украинский литературовед В. П. Горленко в одном из писем к Панасу Мирному в 1883 году писал по поводу рассказа «День на пастбище»: «...попрошу Вас об одном: у Вас есть там князь Ратиев. Один Ратиев жил в Миргороде и был женат на моей родной тетке. Он умер теперь, но живы его сыновья. Если Вам все равно заменить эту фамилию какою-нибудь другою, то будьте добры это сделать. Для меня, собственно, это безразлично, но сыновья его будут в отчаянии, т. к. их однофамилец в рассказе играет далеко не симпатичную (и даже вызывающую мороз по коже) роль. Впрочем, если характер взят из действительности, то я беру назад свою просьбу»⁴⁷. Отметим кстати, что в 30-х годах XIX века в имении князя Ратеева в Миргородском уезде происходили крестьянские волнения, вызванные помещичьим произволом.

Есть сведения и о других представителях этого рода. **Ратеева Варвара Петровна** (вторая половина XIX века) была выдана замуж за Семена Федоровича Галенковского, прилукского дворянина. **Ратиев Александр Юрьевич** в конце XIX века жил в Кобелякском уезде. Образование он получил в артиллерийском училище. На службе находился с 1834 года. С 1869 года служил в Кобелякском уездном отделении попечительного о тюрьмах комитета в должности директора. С 25 апреля этого же года Ратиев А. Ю. стал почетным мировым судьей Кобелякского уезда. В 1878 году он получил звание поручика⁴⁸.

---

⁴⁶ См.: Панас Мирний, Зібрання творів у 7 томах, т. I, К., 1968, с. 132, 155.

⁴⁷ Рудинська Евгенія. Листи Василя Горленка до Панаса Мирного (1883—1905). К., 1928, с. 18—19.

⁴⁸ Адрес-календарь Полтавской губернии на 1880 год. Полтава, Издание Полтавского губернского статистического комитета, 1880, с. 372, 378.

МНОГИЕ члены этой известной эмигрантской фамилии в XVIII веке пользовались огромным доверием и со стороны Вахтанга VI, и со стороны русского царского двора.

Князь **Туркестанов Борис (Баадур)**, например, был курьером между Петром I и Вахтангом VI в период подготовки Персидского похода, имел связи с Дареджан Арчиловой, руководившей делами грузинской колонии в Москве, был вхож к членам царской семьи.

Одним из выдающихся деятелей грузинской эмиграции XVIII века был князь **Прангистан (Франгистан) Туркистанишвили**. Летом 1724 года он вместе с Вахтангом Амилахвари был отправлен грузинским царем Вахтангом VI из Сулака в качестве посла к Петру I. В письме грузинский царь просил разрешения приехать в Россию. В списке свиты Вахтанга VI в 1737 году П. Туркистанишвили записан как «его высочества оберкамергер, князь, с матерью, с братом, с сестрою, с княгинею, с сыном...» А в 1738 году у него уже два сына: трехлетний **Петр** и двухлетний **Давид**.

В 40-х годах Прангистан Туркистанишвили получил угодья в м. Келеберда Полтавского полка (на левом берегу Днепра). Его малолетним сыновьям Петру и Давиду дали по пять дворов в Великих Будищах вблизи Полтавы. В Келеберде поселился также князь Иван Туркестанов.

Прангистан служил в русской армии в звании капитана. В 50—60-х годах он возглавлял полтавский гарнизон, был комендантом полтавской крепости. П. Туркистанишвили, как свидетельствуют документы, оказывал всяческую поддержку и покровительство грузинам, совершавшим побег из турецкого плена и прибывавшим на Украину. Из полтавской гарнизонной канцелярии этим беглецам выдавали проездные документы-«паспорта» за подписью П. Туркестанова, разрешавшие им проезд в Грузию и предписывавшие местным властям оказывать помощь и содействие возвращавшимся на родину грузинам.

Жившие на Украине грузинские поселенцы постоянно поддерживали связь с родственниками, оставшимися в Грузии. Двоюродный брат Прангистана — **Тамаз Туркистанишвили** в сентябре 1760 года был послан царем Теймуразом II из Кизляра в Полтаву «к князю Туркестанову и в другие та-

В. Г. Мачарадзе
 1968 г. № 10

мошные города с нужнейшими письмами»⁴⁹. По мнению Мачарадзе, Теймураз II был намерен установить связи с грузинской колонией на Украине. В 1762 году Тамаз вернулся к царю с ответом полтавского коменданта, в котором последний рекомендовал Тамаза и его родственников как людей, верных Теймуразу II⁵⁰.

Сам факт рекомендации Прангистаном Туркистановым его родственников свидетельствует о том, что Теймураз II считался с мнением коменданта Полтавы. Как явствует из челобитной Тамаза, с Прангистаном имел связи также его родственник **Василий Туркистанов**, в начале 60-х годов XVIII века служивший белгородским полицмейстером.

Окончание следует

⁴⁹ Мачарадзе В. Г., Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века. Часть 2-я. Тбилиси, Изд-во Тбилисского университета, 1968, с. 518.

⁵⁰ Там же, с. 518—519.

ХРОНИКА

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

В ПОДЛИННЫЙ праздник интернациональной дружбы народов вылился традиционный праздник «Сабаоба» в честь выдающегося писателя, ученого и общественного деятеля Сулхана-Саба Орбелиани, состоявшийся на его родине в селе Тандзиа.

Здесь собрались гости из Тбилиси, из других городов и сел республики, чтобы почтить память великого предка.

Состоялось открытие нового здания Дома-музея Сулхана-Саба Орбелиани, построенного по проекту архитекторов Н. Алхазисвили и А. Махарадзе. Честь открытия Дома-музея была предоставлена поэту-академику И. Абашидзе.

Состоялся торжественный митинг, который открыл секретарь Болнисского райкома партии Т. Хазарадзе. Поэты И. Абашидзе, М. Мачавариани, Дж. Чарквиани, первый секретарь Марнеульского райкома партии К. Мамедов, профессора С. Цаишвили, Э. Джавелидзе и другие говорили о непреходящем значении творчества Сулхана-Саба Орбелиани. Памятные медали им. Сулхана-Саба Орбелиани были вручены И. Абашидзе, М. Мачавариани, Дж. Чарквиани и другим.

В празднике «Сабаоба» приняли участие секретари ЦК КП Грузии Г. Енукидзе и Д. Патишвили, заведующие отделами ЦК КП Грузии Ж. Шартава и Н. Эндзеладзе.

Михаил БАРАНОВ

МАСТЕР ЖУРНАЛЬНОЙ ГРАФИКИ

ЛУЧШИЕ советские и зарубежные графики убедительно доказали огромное общественно-политическое и эстетическое значение журнальной графики. Особенность работы художника в журнале заключается в том, что он должен обладать умением решать творческие задачи предельно оперативно.

Джемал Лолуа в полной мере обладает качествами художника-журналиста. Острота общественно-политической тематики его рисунков несомненно служит той предпосылкой, которая обеспечивает им популярность. Правда, сам художник скромно подчеркивает, что в своем искусстве он, подобно актеру, лишь исполняет роль, созданную драматургом. Однако в данном конкретном случае аналогия, на наш взгляд, не совсем верна. Даже хорошо разработанная тема, предложенная художнику, не будет иметь должного воздействия на читателя, если рисунок не будет выполнен на высоком профессиональном уровне. Как это ни странно, в карикатуре всякого рода «художественные» слабости видны более явственно. И художник-карикатурист нередко лишь с годами обретает «высокую» форму мастера.

Работы Джемала Лолуа раннего периода настолько отличаются от последних работ, что кажутся работами другого художника.

Что характерно для раннего периода его творчества? В любом его рисунке искусно решается композиция листа, рисунок и цвет, дополняя друг друга, создают гармонию образа. Но в целом это был принцип чуть шаржированного «правдо-

подобного» изображения, в котором яркость карикатурного характера несколько затусневывалась изобразительно-языковым многословием реалистического приема.

Однако уже тогда в его рисунках проступали черты будущего «высокого стиля» карикатуры. В чем это проявлялось? В умении воспроизвести характерное, сконцентрировать внимание на главном, сопоставить ситуации, которые могли лечь в основу юмористического или сатирического восприятия действительности. И наконец в наблюдательности, являющейся едва ли не самой сильной стороной Джемала Лолуа-художника.

В шестидесятые годы начинал складываться новый принцип изобразительности в карикатуре. Вершителями и участниками этого сложного процесса были художники, уже работавшие в карикатуре. Здесь следует назвать имена таких художников, много и плодотворно работавших в карикатуре, как Г. Пирцхалава, Н. Малазониа, И. Горделадзе, М. Абашидзе, А. Бандзеладзе, И. Кокнашвили, О. Джишкариани, Д. Эристави, А. Канделаки, Д. Нацвлишвили и многих других.

В чем же состояли новые принципы карикатуры? К рисунку стали предъявлять другие требования выразительности, лаконичности. Если в прежних карикатурах присутствовала известная «портретность» типажа, важную роль в композиции играли объем, полутени, цвет и тому подобный набор выразительных средств, то теперь основной упор делается на линию, «индивидуализация» характера типажа достигается с помощью как бы «унифицированных» деталей.

В новой карикатуре прежде всего повышена эмоциональная ударность образного воздействия рисунка за счет предельной обнаженности главного недостатка, порока, на который он нацелен. В прежней карикатуре немаловажное значение играл литературный текст, в новой — роль текста существенно сокращается.

Обширность тематики рисунков художника определяется задачей, которую решает журнал, — всемерно способствовать укреплению социалистической законности во всех сферах жизни, содействовать производственной деятельности и совершенствованию управления производством, бороться с негативными явлениями, помогать изживать всякого рода недостатки, мешающие жить, работать и отдыхать.

В рисунках Лолуа немало внимания уделяется разоблачению таких общественно вредных явлений, как подхалимаж, грубость, административное чванство.

Одна из обязательных задач карикатуриста, как и вся-

кого другого художника, — не повторять самого себя. А как это достигается? «Автоматически! — смеется художник, затем разъясняет: — Я просто делаю каждый раз новую карикатуру, а не приспособливаю старые рисунки для новых тем. Если художник работает по принципу полной самоотдачи, не лукавит, не ищет легких путей, он повторяться не может».

Вот, оказывается, как все просто!

Однако сколько испробованных вариантов, сколько кажущихся на первый взгляд подходящими рисунков отвергнуто автором из-за «пустяка»... Не сразу находится то единственно верное решение, которое идет в дело.

В выполненных пером рисунках последних лет Джемал Лолуа добивается подлинно высокой художественной выразительности.

Отличительной особенностью работ Джемала Лолуа в последние годы является лаконизм, величайшая экономия изобразительных средств. Линии, пятна цвета на плоскости листа многих рисунков можно прямо-таки сосчитать, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что они «элементарно» взаимодействуют между собой, выявляя форму и образ. В решении рисунка можно увидеть, как четко, «технически» легко, структурно интересно создается цельный, законченный карикатурный образ.

Лучшие карикатуры Дж. Лолуа покоряют образной глубиной, ясностью мысли, совершенством изобразительного приема.

Для многих начинавших одновременно с ним художников работа в сатирическом журнале явилась лишь случайным моментом, для Джемала Лолуа она стала по существу основным содержанием его творческой биографии. Двадцать пять лет труда, поразительного по своей целеустремленности!

Было бы несправедливо обойти молчанием и другую сторону дарования художника. Те, кто видел его иллюстрации к «Тому Сойеру» Марка Твена и многим другим детским книгам, поймут, как велик диапазон его творческих возможностей.

В иллюстрациях к детским книгам находит яркое выражение представление художника о красоте и человечности. Как меняются средства выражения! Грубые, прямые линии, служащие конструктивной основой карикатур, исчезают. Их нет и в помине. На смену им приходит другая линия — нежная, вибрирующая, скользкая легко и плавно в самом неожиданном направлении, словно отвечая причудам детской фантазии.

«В последние годы я мало работаю над иллюстрациями»

46035020
512-111033

ж детским книгам, — говорит художник. — Из книг, которые мне довелось иллюстрировать, хочу отметить книгу Ш. Перро, «Приключения Робин Гуда». Вообще иллюстрация книг, а детских в особенности, мне лично кажется особенно трудным делом. Книга должна захватить меня. Теперь я уже не могу «легко» относиться к работе. Однажды в молодости я выполнил рисунки к одной книге. И когда редактор сделал мне какие-то замечания, я решил, что ко мне придираются безосновательно. Я, помню, кое-что исправил, а некоторые замечания оставил без внимания. Лет через десять, перебирая свой архив, я наткнулся на сохранившиеся рисунки к этой книге и почувствовал, как я краснею. Это заставило меня в дальнейшем более критически относиться к тому, что я делаю».

Это ценное признание художника. Весь творческий опыт Джемала Лолуа указывает на то, что основой его успехов является высокая требовательность к самому себе.

Сейчас Джемал Лолуа в самом расцвете своих творческих сил. И мы можем надеяться, что он пополнит свою галерею ярких сатирических и юмористических образов, а детям подарит радость приобщения к миру прекрасного.

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЮ Э. НИНОШВИЛИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В ЦК КП Грузии состоялось заседание республиканской юбилейной комиссии по ознаменованию 125-летия со дня рождения выдающегося грузинского писателя Эгнате Ниношвили.

Открывая заседание, секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе говорил о вкладе писателя в духовную сокровищницу родного народа, в пробуждение его национального самосознания.

С информацией о ходе подготовки к юбилейным торжествам выступили председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии Н. Думбадзе, секретари правления Союза писателей республики Ш. Нишнианидзе, Дж. Чарквиани, Г. Цицишвили, Т. Чиладзе, академик Академии наук Грузии А. Барамидзе, критик Г. Гвердцители, директор Литературного музея Грузии имени Г. Леонидзе Г. Натрошвили и другие.

Принято решение провести юбилейные торжества в октябре на родине Э. Ниношвили в Ланчхути.

Народу протянул он ветви света

От нас ушел один из крупнейших грузинских поэтов, художник истинный и прекрасный, который совсем еще недавно признавался в стихах:

Не знаю, боже, что со мной
творится —
Вновь вдохновенье жаждет
водвориться
Во мне и снова пламень
тот возжечь
И заново мою обуглить
речь!
Зову я лиру, и вершится
небыль,
В ладонях тает утро, как
снежок,
Я чую крылья, воспаряю к
небу,
И сумеркам опасен мой
ожог!

Он был на вершине своей поэтической зрелости. И на

вершине нынешних ^{возможностей} грузинской поэзии. Душевных, нравственных и чисто творческих. В стихах он зорко всматривался в окружающий его мир, в душу и сердце современника, в свою большую честную душу, но очень часто оглядывался и назад — на пройденный путь, на вечный облик и образ родной Сванети, на кровно выстраданные дни и ночи Великой Отечественной войны. Он был рыцарем, но не из рода донкихотов. Он был человеком земным, но всегда и во всем человеком совести и долга — воинского, гражданского, патриотического, дружеского, семейного и, конечно же, поэтического. Ему подошли бы слова русского собрата, сказанные о его родном крае: «В сдержанности, замкнутости свана Скрыта историческая рана».

Он сам в одном из сравнительно недавних стихотворений как бы заклинал друга и неразлучного спутника жизни, свою благословенную Нину:

И что б нам ни выдала
жизнь —
Хоть радость, хоть боль и
беду, —
На правду мою положишься,
Уверуй в мою чистоту...

На него можно было положиться. И близкому другу, и дальнему читателю. Положиться на чистоту и правду его природы и его стиха. Както очень точно сказал о нем замечательный русский поэт Михаил Луконин, на себе познавший силу верности, правды и чистоты любимого гру-

зинского друга: «Хочу сказать о Резо Маргиани. Прежде всего я обязан этому человеку моим знакомством с Грузией и любовью к ней. Благодаря Маргиани я понял, что могу быть очень работоспособным. Он принуждал, заставлял меня работать... Маргиани — это и необыкновенный характер: он устоял против поэтических увлечений последних лет. Он никогда не бежит впереди себя. Он всегда был неторопливым поэтом...»

А какой цикл лукоинских стихов о Грузии, о Сванети, да и не только об этом был порожден с помощью такого рыцарски-дружеского нажима! А сколько доброго могут вспомнить о нашем дорогом Резо — если уж мы вышли за пределы Грузии — и Кайсын Кулиев, и Расул Гамзатов, и Александр Межиров, и Владимир Соколов, и Евгений Евтушенко, и Белла Ахмадулина... Я с трудом обрываю этот перечень. А если говорить о его грузинских друзьях, то достаточно назвать дом и семью дочери Тициана Табидзе — Ниты, или, скажем, выдающегося грузинского прозаика и совершенно незаурядного человека Отара Чхеидзе. И здесь эта точка, разумеется, вынужденная. А его друзья по многолетней совместной работе? Сколько доброго, интересного может поведать нам о нем и Марк Златкин, годы и годы проработавший с ним бок о бок в издательстве «Мерани»...

Но главное — стихи, сти-

хи, стихи этого действительно неторопливого, несуетного поэта. Удивительна и последняя книга новых стихов Реза Маргиани. Она вся — переплетение живых наблюдений, мудрых лирических монологов, проникновенных обращений, своего рода поэтических собеседований — с драматическими воспоминаниями о давнем и недавнем прошлом, о минувших временах и об ушедших друзьях. А сколько в этой доброй и пронзительной книге воскрешено сванских мотивов и видений! Автор хрестоматийной ныне «Мирангулы» и здесь остался верным себе, как и во всем остальном. **Верным себе** — то есть своей природе, своим, всей жизнью утвержденным принципам и убеждениям, — в этом весь Резо Маргиани, наш Реза, мой Резо, память о котором, стихи которого, каждая строчка воспоминаний или дневниковых записей которого всю жизнь будут сопутствовать мне так же, как останется близким и дорогим мне все, что было близко и дорого ему. Я всегда буду гордиться тем, что мой любимый поэт Реза Маргиани остался в свое время доволен моим послесловием к одной его итоговой книге...

...Последнюю свою книгу он назвал «Риха» — по-свански это свет. И обращаясь к Риха, он молил его — «протянуть народу ветви света». Реза Маргиани был из тех избранных поэтов, кому выпали счастье и дар протянуть народу ветви света.

Георгий
МАРГВЕЛАШВИЛИ

Стихи Р. Маргиани переведены автором этого траурного отклика. — Ред.

ТАК называется новый литературный сборник, подготовленный Главной редакционной коллегией по художественному переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии, первый выпуск которого недавно вышел в свет (редактор Отар Нодия).

Сборник открывается эпиграфом из Галактиона Табидзе — «Союз сердец и узы братства, и верность дружбе в мире дел — людей высокое богатство, их замечательный удел».

Цель выпуска этого сборника сформулирована в статье-обращении председателя Союза писателей Грузии, лауреата Ленинской премии Нодара Думбадзе «К читателям «Кавкасиони», призванного, как он отмечает, «знакомить русскоязычного читателя с литерату-

рой и культурно-художественной жизнью нашей солнечной республики: «Кавкасиони» отныне будет представлять на высокий суд читателей как новые переводы тех произведений грузинских, абхазских, осетинских писателей — их прозы, поэзии, публицистики, критики, — которыми законно все мы гордимся, т. е. творения, по полному праву входящие в народную сокровищницу, так и произведения всех литературных жанров, созданные в наше время...»

В новом сборнике десять разделов. И каждый из них вводит читателя в интересный мир художественного слова, в мир национального своеобразия.

Сборник открывается поэмой Джансуга Чарквиани «Красная площадь». В разделе «Поэзия» также опубликованы стихи Карло Каладзе, Алеко Шенгелиа, Шота Нишнинидзе, Георгия Бестаути и Отара Чиладзе.

Интересны отрывки из историко-документальной повести «Большая Грузинская» Теймураза Мамаладзе и очерк «Грузия, начало 80-х...» Марлена Кораллова.

Проза представлена главами из романа Реваза Джапаридзе «Тяжелый крест», рассказом Алекси Гогуга «Шелкопряд» и семью рассказами Отара Чхеидзе.

В разделе «Критика» выступают Ушанги Рижинашвили со статьей о романе Р. Джапаридзе «Тяжелый крест», Нафи Джусойты со статьей «Слово о друге», предваряющей подборку стихов Г. Бестаути,

96.0359240
002-1110333

Александр Эбаноидзе — «Диалог с Отаром Чхеидзе — и Алла Марченко с интересной публикацией «Дар долгой памяти» — о чувстве истории в современной грузинской прозе.

Среди рубрик сборника выделяется «Приглашение к переводу», цель которого создание адекватных или приближающихся к оригиналу переводов поэзии. Конкретно в первом сборнике «Кавкасиони» читателям предложено стихотворение Галактиона Табидзе «У него открытыми остались глаза», русскоязычному читателю практически неизвестное.

«Кавкасиони» знакомит с новым переводом «Мученичества святой Шушаник», выполненным В. Солоухиным, который сопровождается обширной статьей писателя Т. Чиладзе с анализом этого уникального произведения пятого века.

С интересной подборкой ус-

ного народного творчества, рубрика хов под рубрикой «Фольклор» знакомит переводчик Гиви Орагвелидзе.

К 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского опубликованы статьи З. Абзианидзе «Маяковский: памятник и человек» и К. Надирадзе «Для меня он навсегда остался Володей».

Заключают сборник подборки «Книжное обозрение», «Наши информации» и сведения о переводчиках этого номера.

В оформлении номера использованы репродукции работ выдающегося грузинского художника Давида Какабадзе.

В заключение хотелось бы привести слова Нодара Думбадзе: «Пусть же выход в свет «Кавкасиони» явится еще одним зримым воплощением благородной, животворящей идеи братства наших народов».

Игорь КАЛАДЗЕ

ХРОНИКА

«ГОГЛАОБА»

СВИДЕТЕЛЬСТВОМ все-народного признания и любви к могучему поэтическому дару Георгия Леонидзе явился праздник «Гоглаоба», прошедший в селе Патардзеули Сагареджойского района Грузии.

Из разных уголков республики съехались сюда люди, чтобы побывать на земле, подарившей нам выдающегося мастера слова, патриота, человека, вся жизнь которого была примером служения Отчизне, родной литературе.

Среди гостей — заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе, известные деятели литературы и искусства, общественные деятели, сотрудники монгольского телевидения во главе с председателем Комитета по информации, радиовещанию и телевидению МНР М. Зантавом.

Гости с интересом осмотрели Дом-музей Георгия Леонидзе.

На родине поэта прошел митинг, который вступительным словом открыл поэт Т. Джан-

н 32/10

УДК 82(07) 012.2(07)113.33

гулашвили. Со стихами, посвященными Г. Леонидзе, с воспоминаниями о нем выступил лауреат премии имени Ш. Руставели писатель Р. Ианишвили, сотрудник Института истории грузинской литературы имени Ш. Руставели А. Мирианашвили, поэты В. Горганели, С. Нариманидзе, секретарь правления Союза писателей Грузии, член-корреспондент Академии наук республики Г. Цицишвили и другие.

Праздник завершился концертом, в котором приняли участие мастера искусств и участники художественной самодельности.

**НОВОЕ ИЗДАНИЕ
«ВИТЯЗЯ»**

КРАКОВСКОЕ (Польша)
издательство «Выдавництво

литерацке» выпустило в свет «Витязя в барсовой шкуре». Это уже второе (первое было в 1976 году) издание полного поэтического перевода на польский язык гениального творчества Руставели.

Автор перевода Ежи Загурски в послесловии к изданию дает краткое описание эпохи, когда создавалось произведение Шота Руставели, касается проблем грузинской культуры XI—XII веков.

Повторное за короткий промежуток времени издание «Витязя в барсовой шкуре» — несомненное свидетельство непрекращающегося интереса польской общественности к грузинской культуре.

На 1-й стр. обложки: репродукция с картины Е. Ахвледиани «Уголок старого Тбилиси».

Сдано в набор 15.V.84 г. Подписано к печати 26.VII.84 г. Формат 84×108^{1/32}. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. УЭ 01448. Тираж 6.100 экз. Заказ 1105. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к

12 ур

ИНДЕКС 76117

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՅՈՋԱՊՈՐՏՅՈՒՆ

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ՍՈՑԻԱԼԻՍՏԻԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ՍՈՑԻԱԼԻՍՏԻԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ՍՈՑԻԱԼԻՍՏԻԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ՍՈՑԻԱԼԻՍՏԻԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ՍՈՑԻԱԼԻՍՏԻԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ
ԵՎ ԿՐԹԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՄԻՏԵ

